

СТИВЕН

ВЕТЕР СКВОЗЬ
ЗАМОЧНУЮ
СКВАЖИНУ

КНИЖКА

СТИВЕН

КИНГ

**СТИВЕН
КИНГ**

**ВЕТЕР СКВОЗЬ
ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ**

из цикла «Темная Башня»

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

K41

Серия «Король на все времена»

Stephen King

THE WIND THROUGH THE KEYHOLE

Перевод с английского *Т.Ю. Покидаевой*

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

K41 Ветер сквозь замочную скважину из цикла «Темная Башня»: [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. Т.Ю. Покидаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 381, [3] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-089793-3

История, являющаяся частью цикла, хронологически расположена между четвертым и пятым романами...

Эту историю Роланд Дискейн рассказывает своему недавно собранному второму ка-тету — Сюзанне, Эдди, Джейку и Ышу, — и они узнают о том, что произошло вскоре после гибели матери Роланда.

...Молодой стрелок отправляется расследовать убийства крестьян в далекой провинции — убийства, в которых перепуганные люди в один голос обвиняют таинственного оборотня.

А сопровождает его один из членов первого ка-тета Роланда — Джейми Декерри, о котором ранее было известно совсем немного...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Stephen King, 2012

© Перевод. Т.Ю. Покидаева, 2012

ISBN 978-5-17-089793-3

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Робину Фертю и ребятам из «Марвел комикс»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие из тех, кто сейчас держит в руках эту книгу, следили за приключениями Роланда и его команды, его ка-тета, на протяжении многих лет, а кто-то и вообще с самого начала. Все остальные (и я надеюсь, что таких будет немало — и вновь прибывших, и постоянных читателей) наверняка задаются вопросом: *Смогу ли я прочитать эту книгу и хоть что-то понять, если я не читал остальные романы цикла о Темной Башне?* Мой ответ: да, если вы знаете самое главное.

Во-первых, Срединный мир располагается рядом с нашим, и эти два мира во многом пересекаются. Между ними есть двери, и иногда кое-где возникают червоточины — места, где ткань реальности истончается до предела и происходит взаимопроникновение двух миров. Трое из ка-тета Роланда — Эдди, Сюзанна и Джейк — пришли в Срединный мир из Нью-Йорка нашего мира. Их четвертый попутчик, ушастик-путаник по имени Ыш, зверек, похожий на помесь барсука с енотом, — коренной уроженец Срединного мира. Срединный мир очень древний. Он постепенно приходит в упадок. Его населяют чудовища, и в нем действует недобрая магия.

Во-вторых, Роланд Дискейн из Гилеада — стрелок, один из тех, кто пытается поддерживать порядок в мире, который все больше и больше склоняется к хаосу и беззаконию. Если стрелки Гилеада представляются вам неким странным гибридом странствующих рыцарей и шерифов Дикого Запада, вы совсем не далеки от истины. Большинство стрелков (хотя и не все) — прямые потомки древнего Белого рыцаря, Артура Эльдского. (Я говорил, что миры пересекаются.)

В-третьих, над Роландом тяготеет страшное проклятие. Он убил свою мать, ставшую любовницей — в основном против собственной воли — одного человека, которого вы встретите в этой книге. Хотя это была трагическая случайность, Роланд все равно считает себя виноватым, и смерть несчастной Габриэль Дискейн преследует его с ранней юности. Все эти события подробно описаны в цикле о Темной Башне, но для того чтобы читать эту книгу, вам не обязательно знать все детали. А самое главное вы уже знаете.

Для тех читателей, кто уже давно знаком с «Темной Башней», это будет промежуточный том между «Колдуном и кристаллом» и «Волками Кальи»... то есть, наверное, его можно назвать «ТБ 4,5».

Сам же я с радостью обнаружил, что моим старым друзьям еще есть что сказать. Это был настоящий подарок судьбы: встретиться с ними снова, по прошествии стольких лет. А ведь все эти годы я думал, что их история рассказана до конца.

Стивен Кинг
14 сентября 2011 г.

СТЫЛОВЕЙ

Когда они выбрались из того Изумрудного дворца — который, как оказалось, все-таки не был домом волшебника из страны Оз, а теперь превратился в гробницу одного малоприятного типа, известного как тету Роланда под именем Тик-Так, — мальчик Джейк взял в привычку уходить далеко вперед, с каждым разом все дальше и дальше от Роланда, Сюзанны и Эдди.

— Ты что, совсем за него не волнуешься? — спросила Сюзанна у Роланда. — Он так далеко, один...

— Он не один, он с Ышем, — сказал Эдди. И действительно, ушастик-путаник выбрал Джейка своим лучшим другом и не отходил от него ни на шаг. — Мистер Ыш замечательно ладит с людьми. Если это хорошие, добрые люди. А вот для плохих у него полон рот острых зубов. В чем сумел убедиться наш недобрый друг Гашер, себе на беду.

— У Джейка с собой револьвер его отца, — сказал Роланд. — И он знает, как с ним обращаться. Очень хорошо знает. И он не сойдет с Тропы Луча. — Стрелок указал вверх искаленной рукой. Низкие хмурые

тучи неподвижно стояли в небе, но одна полоса облаков неуклонно плыла на юго-восток. В сторону земли под названием Тандерклеп, если верить тому, что сказано в записке, которую оставил для них человек, подписавшийся инициалами РФ.

В сторону Темной Башни.

— Но почему... — начала было Сюзанна, но тут ее коляска наехала на какую-то кочку. Сюзанна обернулась к Эдди. — Ты смотри, куда едешь, мой сладкий.

— Прошу прощения, мэм. На этом участке шоссе ремонтных работ не предусмотрено. Средств не хватает, бюджет урезали...

На шоссе это явно не было похоже, скорее на *дорогу* — пусть даже теперь от нее мало что осталось: две призрачные колеи и редкие полуразрушенные лачуги по обеим сторонам когда-то проезжего тракта. Сегодня утром им даже попался заброшенный магазинчик с выцветшей, еле читаемой вывеской: «ЧУЖЕЗЕМНЫЕ ТОВАРЫ ОТ ТУКА». Они зашли внутрь, проверить, не найдется ли там чего-нибудь полезного — Джейк с Ышем тогда были с ними, — но нашли только пыль, древнюю паутину и скелет какого-то зверька: то ли большого енота, то ли маленькой собаки, то ли ушастика-путаника. Ыш с любопытством обнюхал останки, помочился на них, потом вышел наружу и уселся на кочку посреди старой дороги, обернув лапки хвостом, закрученным в тугую пружинку. Он смотрел в ту сторону, откуда они пришли, и сосредоточенно принюхивался.

В последнее время ушастик частенько так делал. Роланд это заметил и, хотя ничего никому не сказал, все же задумался. Может, их кто-то преследует? Вряд ли. И все-таки поза ушастика — уши торчком, нос по ветру, хвост, обернутый вокруг лап — пробуждала

какие-то смутные воспоминания или ассоциации, которые он никак не мог уловить.

— Почему Джейк все время уходит от нас? — спросила Сюзанна.

— Тебя это волнует, Сюзанна из Нью-Йорка? — спросил Роланд.

— Да, Роланд из Пилеада, меня это *волнует*.

Она улыбнулась, вполне себе мило, но в глазах зажглись очень знакомые недобрые огоньки. Это была Детта Уокер, та часть прежней личности Сюзанны, которая никогда не исчезнет полностью. И Роланд несколько о том не жалел. Без этой озлобленной стервы, что до сих пор пряталась глубоко в сердце Сюзанны, словно острый осколок льда, Сюзанна была бы всего лишь красивой темнокожей женщиной, чьи ноги заканчиваются чуть ниже колен. Но с Деттой Уокер внутри она была человеком, с которым нельзя не считаться. Человеком опасным. Стрелком.

— Ему надо о многом подумать, — тихо проговорил Эдди. — Ему столько всего пришлось пережить. Возвращаться из мертвых — это и взрослому тяжело, а он еще совсем ребенок. И, как очень правильно говорит Роланд... если кто-то попытается его обидеть, этот кто-то очень о том пожалеет. — Эдди прекратил толкать коляску, вытер пот со лба и повернулся к Роланду. — А тут *хоть кто-нибудь* есть вообще, в этой глухой жопе мира? Или все давно разбежались?

— Кто-то остался, я думаю.

Роланд не просто так думал, он это знал. Пока они шли по Тропе Луча, за ними украдкой подглядывали — и не раз. Однажды это была испуганная женщина, прижимавшая к себе двоих детей. Третий ребенок, грудной младенец, висел у нее на груди в слинге. Еще был старик-фермер, наполовину мутант, с единствен-

ным судорожно дергавшимся щупальцем, свисавшим из уголка рта. Эдди с Сюзанной не видели этих людей и не чувствовали присутствия других — тех, что наблюдали за ними, прячась в высокой траве или среди деревьев. Сюзанне и Эдди предстоит еще многому научиться.

Но похоже, хотя бы чему-то они научились, потому что Эдди спросил:

— А они, часом, нас не преследуют? Это не их Ыш вынюхивает?

— Я не знаю.

Роланд задумался, стоит ли им говорить, что, как ему кажется, беспокойство ушастика связано с чем-то другим, но решил, что не надо. Долгие годы стрелок был один, без ка-тета, и привык держать свои мысли при себе. От этой привычки надо избавляться, если он хочет, чтобы его тет был крепким. Но не сейчас, не сегодня.

— Пойдемте, — сказал Роланд. — Наверняка Джейк нас уже ждет.

2

Спустя два часа, буквально за пару минут до полудня, они поднялись на вершину холма и остановились, глядя вниз на широкую, неспешную реку, серую, словно сплав олова со свинцом, под затянутым тучами небом. На северо-западном берегу — на их стороне — стояло какое-то здание вроде амбара, выкрашенное в зеленый цвет, такой яркий, что он, казалось, кричал в полный голос среди приглушенных красок дня. Одной стороной дом нависал над водой и держался на сваях, покрашенных в тот же зеленый цвет. К двум этим сва-

ям крепился на толстых канатах большой паром — плот размером сто на сто шагов, разрисованный, как цирк-шапито, красными и желтыми полосами. В центре плота возвышался похожий на мачту деревянный шест, но паруса не было. Рядом с шестом стояло несколько плетеных стульев, повернутых в сторону берега. На одном из них сидел Джейк, на соседнем — какой-то старик в широкополой соломенной шляпе, мешковатых зеленых штанах, высоких ботинках и тонкой белой рубашке без рукавов, облегавшей тело. Джейк и старик ели что-то очень похожее на толстые бутерброды с сочной начинкой. При одном только взгляде на них Роланд сглотнул слюну.

Ыш тоже был на плоту, стоял на самом краю и сосредоточенно разглядывал свое отражение в воде. Или, может быть, отражение стального троса, протянутого над рекой.

— Это Уайе? — спросила Сюзанна у Роланда.

— Да.

— Уай-ай-ай, — улыбнулся Эдди, поднял руку и помахал ею над головой. — Джейк! Эй, Джейк! Ыш!

Джейк помахал в ответ, и хотя до реки и плота оставалась еще четверть мили, зрение у всех путешественников было одинаково острым, и они разглядели, как Джейк улыбнулся, приоткрыв белые зубы.

Сюзанна поднесла ко рту сложенные рупором ладони:

— Ыш! Ыш! Ко мне, малыш! Иди к маме!

Ыш пронзительно взвизгнул — лаять по настоящему он не умел, но этот визг очень напоминал лай, — сорвался с места, пробежал через плот, скрылся в зеленом сарае, выскочил с другой стороны и помчался вверх по склону холма. Уши плотно прижаты к голове, глаза с золотым ободком сверкают.

— Не так быстро, мой сладкий, а то сердце прихватит! — крикнула, смеясь, Сюзанна.

Ыш, похоже, воспринял ее слова как команду прибавить скорость. Уже через две минуты он подбежал к коляске Сюзанны, запрыгнул ей на колени, тут же спрыгнул обратно на землю, радостно оглядел путешественников.

— Олан! Эд! Сюз!

— Хайл, сэр трокен. — Роланд употребил древнее слово для обозначения ушастиков-путаников, которое впервые услышал еще в раннем детстве, когда мама читала ему книжку «Трокен и дракон».

Ыш поднял лапу, помочился на траву, потом повернулся в ту сторону, откуда пришли путешественники, и принялся, глядя за горизонт.

— Почему он все время так делает, Роланд? — спросил Эдди.

— Не знаю. — Однако он *почти* знал. Вроде бы что-то подобное было в одной старой сказке. Не в «Трогене и драконе», но в очень похожей. Роланду почему-то подумалось о зеленых глазах в темноте, зорких и настороженных, и у него по спине пробежал холодок — не страха, нет (разве что самую малость), а какого-то смутного воспоминания. Но ощущение быстро прошло.

Даст Бог — будет вода, подумал Роланд и только потом осознал, что произнес это вслух. Эдди переспросил:

— Что?

— Да так, пустяки. Не бери в голову, — сказал Роланд. — Пойдемте знакомиться с новым приятелем Джейка. Может быть, у него там найдется парочка лишних бутербродов.

Эдди, которому до смерти надоели резиновые «стрелецкие голубцы», тут же воодушевился.

— Да, пойдёмте скорее. — Он взглянул на воображаемые часы у себя на руке. — Батюшки-светы, мы чуть было не пропустили обед!

— Заткнись, моя радость, и толкай креслице, — сказала Сюзанна.

Эдди заткнулся и взялся за ручки коляски.

3

Когда они вошли в здание лодочной станции, старик сидел на стуле, а когда вышли к реке, встал им навстречу. Увидел револьверы на поясах у Роланда и Эдди — большие тяжелые револьверы с рукоятками из сандалового дерева, — и его глаза расширились. Он опустился на одно колено. Вокруг было тихо, и Роланд услышал, как в ноге старика что-то хрустнуло.

— Хайл, стрелок, — проговорил старик, сжал в кулак распухшую от артрита руку и поднес ее ко лбу. — Я приветствую тебя всем сердцем.

— Встань, друг, — отозвался Роланд, очень надеясь, что старик — действительно *друг*. Джейк, кажется, в этом не сомневался, а Роланд давно понял, что интуиции мальчика следует доверять. Не говоря уже об инстинктах ушастика. — Прошу тебя, встань.

Старик попытался подняться, и Эдди помог ему встать.

— Благодарствую, сынок, благодарствую. Ты сам тоже стрелок или пока подмастерье?

Эдди взглянул на Роланда, но тот вообще на него не смотрел. Поэтому он пожал плечами и улыбнулся:

— И то и другое, наверное. Я Эдди Дин из Нью-Йорка. Это Сюзанна, моя жена. А это Роланд Дискейн. Из Гилеада.

Глаза старика еще больше расширились.

— Из Гилеада?! Ты сказал, из Гилеада? Я не ослышался?

— Ты не ослышался, — подтвердил Роланд, и его сердце защемило от тоски. Непривычное чувство. Время — лицо на воде, а вода на то и вода, чтобы течь.

— Тогда заходите на плот. Вы здесь желанные гости. С молодым человеком мы уже подружились. Да, подружились. — Ыш подошел к старику, тот нагнулся и погладил ушастика по голове. — И с этим пушистым приятелем тоже. Да, парень? Помнишь, как меня звать?

— Бикс! — сразу же отозвался Ыш, потом опять повернулся к северо-западу и потянул носом воздух, подняв мордочку кверху. Его глаза с золотым ободком неотрывно следили за движущейся полосой облаков, отмечавшей Тропу Луча.

4

— Будете кушать? — спросил их Бикс. — У меня все по-простому, без разносолов, да и где их тут взять? Но я с радостью поделюсь тем, что есть.

— Будем очень благодарны, — сказала Сюзанна. Взглянула на трос, протянутый наискось через реку. — Это паром, да?

— Ага, — подтвердил Джейк. — Бикс говорит, что на том берегу живут люди. Не совсем у реки, но и не так чтобы очень далеко. Он думает, это фермеры. И там у них рисовые поля. Но они редко приходят к реке, эти люди.

Бикс пошел в дом. Эдди дождался, пока старик скроется внутри, потом наклонился к Джейку и спросил, понизив голос:

— С ним все нормально?

— Нормально, — ответил Джейк. — Нам все равно на ту сторону, и он с радостью нас переправит. Он говорит, что уже и забыл, когда в последний раз перевозил пассажиров. С тех пор прошло много лет.

— Это да, — согласился Эдди.

Бикс вернулся с плетеной корзиной, которую Роланд забрал у него — иначе старик наверняка свалился бы в воду. Потом они все расселись на плетеных стульях и принялись за бутеры с какой-то розовой рыбой, щедро сдобренной специями и божественно вкусной.

— Ешьте сколько хотите, — сказал Бикс. — Бычков в реке много, и почти все хорошие. Если вдруг попадаются нехорошие, я их сразу выкидываю обратно. Когда-то нам было велено выбрасывать всех мутантов на берег, чтобы, значит, они не плодились. И по первости я так и делал, но теперь... — Бикс пожал плечами. — Живи и давай жить другим, вот что я говорю. Как человек, сам проживший немало, я могу так говорить.

— А сколько вам лет? — спросил Джейк.

— Сто двадцать-то точно минуло, а потом я и счет потерял. Время, знаешь ли, коротко по эту сторону двери.

По эту сторону двери. Где-то в сознании Роланда снова забрезжило смутное воспоминание о какой-то древней истории, но тут же исчезло.

— Вы идете за ними? — Старик указал вверх, на полосу облаков, движущихся по небу.

— Да.

— К Кальям или еще дальше?

— Дальше.

— В великую тьму? — В голосе Бикса звучала тревога, но вместе с тем и восхищение.

— Мы идем своей дорогой, — сказал Роланд. — Сколько ты с нас возьмешь за переправу, сэй паромщик?

Бикс рассмеялся. Хрипло и от души.

— Деньги не стоят вообще ничего, если их не на что тратить, скота у вас нет, и оно ясно как день, что еды у меня всяко больше, чем у вас. И потом, вы всегда можете вытащить револьверы и силой заставить меня переправить вас на тот берег.

— Никогда в жизни, — сказала Сюзанна, искренне потрясенная, что он мог так подумать.

— Я знаю, знаю, — махнул рукой Бикс. — Бандиты, те могут... еще и паром мой сожгут, когда переправят-ся на ту сторону... но настоящие стрелки — никогда. Вы, миссис, ведь тоже стрелок? Вроде не вооружены, но про женщин никогда не угадаешь.

Сюзанна улыбнулась и промолчала.

Бикс повернулся к Роланду.

— Вы, как я понимаю, пришли из Лада. Я бы послушал про Лад, как там теперь и чего. Это был удивительный город. Он уже рушился, когда я его знал. И там творилось немало странного. Но он все равно был удивительный.

Они быстро переглянулись, все четверо. Это были не просто взгляды: это был — ан-тет, странная телепатия, когда члены ка-тета понимают друг друга без слов. А еще в этих взглядах был *стед*. Это древнее слово Срединного мира иногда означало «стыд». А еще оно означало «печаль».

— Что? — спросил Бикс. — Что я такого сказал? Если я попросил вас о чем-то, о чем просить не подобает, вы уж меня извините.

— Нет-нет, — сказал Роланд. — Просто Лад...

— Лад — пыль на ветру, — закончила за него Сю-
занна.

— Ну, — вставил Эдди, — не совсем чтобы пыль...

— Пепел, — сказал Джейк. — Который светится в
темноте.

Бикс обдумал услышанное и медленно кивнул.

— Но вы все равно расскажите. Сколько успеете за
один час. Ровно столько займет переправа.

5

Бикс рассердился, когда они предложили помочь
ему с приготовлениями. Сказал, что это его работа, и
он с ней справляется — просто уже не так быстро, как
прежде, в те незапамятные времена, когда у реки были
фермы и несколько мелких факторий и на том берегу,
и на этом.

Впрочем, приготовления были недолгими. Бикс
сходил в дом и принес табурет и рым-болт из желез-
ного дерева. Взгромоздился на табурет, закрепил рым-
болт на вершине шеста и прицепил его к тросу. Потом
отнес табурет в дом и вернулся к парому с какой-то
большой металлической загогулиной в форме буквы
«Z». Старик положил ее в деревянный футляр на даль-
нем конце плота — с таким торжественным видом,
словно исполнял некий священный ритуал.

— Вы только не сбросьте ее за борт. Без нее мне
домой не вернуться, — сказал он.

Роланд присел на корточки, чтобы рассмотреть эту
штуковину поближе. Взмахом руки подозвал Эдди и
Джейка. Указал на слова, выдавленные на переклади-
не буквы «Z».

— Здесь написано то, что я думаю?

— Да, — сказал Эдди. — Северный центр позитроники. Наши старые друзья.

— И давно у тебя эта штука, Бикс? — спросила Сюзанна.

— Да уж годков девяносто, если не больше. Там под землей целая сетка тоннелей. — Бикс махнул рукой примерно в том направлении, где был Изумрудный дворец. — Они тянутся на многие мили, и там полно разных штукovin, сделанных древними. И все они замечательно сохранились. Там даже музыка есть, до сих пор, значит, играет. Откуда-то сверху. Странная музыка, я такой нигде больше не слышал. Она вроде как проникает в голову и перетрясает тебе все мысли. И долго там находиться нельзя, иначе все тело покроется язвами, и зубы начнут выпадать, и плевать будешь часами. Я однажды туда спускался. И больше — ни-ни. Одного раза хватило. Я вообще думал, что кончусь. Но ничего, выжил.

— А волосы тоже начали выпадать? Как и зубы? — спросил Эдди.

Бикс удивленно взглянул на него и кивнул:

— Выпали, да. Но потом отросли. Эта рукоятка, она *из стаи*.

Эдди задумался, с каких это пор неодушевленные железяки стали сбиваться в стаи. Хотя всякое в жизни бывает... И только потом сообразил, что старик сказал «*из стаи*».

— Ну что, вы готовы? — спросил Бикс. Его глаза сияли, почти как у Ыша. — Можно отчаливать?

Эдди взял под воображаемый козырек:

— Так точно, капитан. Мы отплываем на Остров сокровищ. Йо-хо-хо и бутылка рому!

— Ты мне pomoжeшь управиться с этим канатом, Роланд из Гилеада?

И Роланд охотно помог.

6

Паром, влекомый течением, медленно двигался вдоль натянутого над рекой троса. Вокруг плота плескались рыбы, то и дело выпрыгивая из воды. Члены ка-тета Роланда по очереди рассказывали старику о Ладе и о своих приключениях в этом городе. Поначалу Ыш с интересом наблюдал за рыбами, стоя на самом краю плота. А потом снова уселся и принялся сосредоточенно нюхать воздух, глядя в ту сторону, откуда они пришли.

Узнав, как именно они покинули обреченный город, Бикс пробурчал:

— Блейн Моно, да. Помню-помню. Психованный поезд. Был еще один, только забыл, как он назывался...

— Патриция, — подсказала Сюзанна.

— Да, точно. Патриция. Красавица со стеклянными стенками. Так вы говорите, города больше нет?

— Больше нет, — подтвердил Джейк.

Бикс опустил голову.

— Как-то это печально.

— Да, — согласилась Сюзанна, прикоснувшись к руке старика. — Срединный мир — место печальное, хотя и очень красивое.

Они были уже на середине реки. Подул ветерок, на удивление теплый. Все давно уже сняли теплую верхнюю одежду и устроились на плетеных пассажирских сиденьях. Большая рыба — возможно, как раз того

вида, которым их угощал Бикс — выпрыгнула на плот, буквально перед носом у Ыша. Обычно ушастик не упускал добычу, но сейчас он даже и не взглянул на рыбу. Роланд сбросил ее обратно в воду, подтолкнув ногой.

— Ваш трокен чувствует, что оно скоро нагрянет, — заметил Бикс. — Вы там поберегитесь в дороге.

На мгновение Роланд лишился дара речи. Из глубин памяти всплыла картинка, раскрашенная вручную гравюра, одна из дюжины иллюстраций в старой и с детства любимой книжке. Шесть ушастиков-путаников сидят на стволе упавшего дерева, подняв мордочки вверх, на лесной поляне под тонким серпом луны. Эта книжка, «Волшебные сказки Эльда», была у него самой-самой любимой. Он тогда был совсем маленьким, и мама читала ему перед сном, пока за окном бушевала осенняя буря, пела свою одинокую печальную песню, призывая зиму. Картинка с ушастиками была иллюстрацией к сказке «Ветер сквозь замочную скважину», сказке страшной и мрачной, и в то же время — чудесной и удивительной.

— Ох ты, боги мои на пригорке! — Роланд хлопнул себя ладонью по лбу. — Как же я сразу не понял?! Да хотя бы уже по тому, что в последние дни как-то уж слишком резко потеплело.

— То есть ты сразу не понял?! И это — стрелок из Внутреннего мира?! — Бикс сокрушенно поцокал языком.

— Что такое, Роланд? — встревожилась Сюзанна.

Но Роланд как будто ее и не слышал. Он ошарашенно смотрел на Бикса. Потом перевел взгляд на Ыша, потом — снова на Бикса.

— Приближается стыловей.

Бикс кивнул:

— Да. Трокены так говорят, а уж насчет стыловей трокены не ошибаются никогда. Годность у них такая, вместе с умением говорить.

— Годность? — озадаченно переспросил Эдди.

— Он имеет в виду «способность», — пояснил Роланд. — Бикс, ты, случайно, не знаешь, есть на том берегу место, где можно укрыться и переждать?

— Случайно, знаю. — Старик указал на пологие холмы, подступавшие к самому берегу Уайе, где тоже был деревянный причал и здание лодочной станции, только некрашеное и размером поменьше. — Там, за причалом, дорога. То есть раньше была дорога, а теперь так, колея. Она идет вдоль Тропы Луча.

— Конечно, — заметил Джейк. — Все служит Лучу.

— Правильно говоришь, молодой человек, очень правильно. Вам как сподручнее с расстояниями, в милях или в колесах?

— И так и этак, — сказал Эдди. — Хотя большинству из нас мили привычнее.

— Ну, раз привычнее... Значит, идите по старой дороге Кальи миль пять... может, шесть... и там будет заброшенный городок. Большинство домов там деревянные, они вас не спасут, но молитвенный дом — он из камня. Как раз подходящее место. Я там был. Внутри есть хороший большой камин. Надо только проверить трубу, чтобы тяга была. Вам нужно переждать сутки. А то и больше. А на дрова можно какой-нибудь дом разобрать. Если там что осталось.

— Что такое стыловей? — спросила Сюзанна. — Буря?

— Да, — сказал Роланд. — Я уже много лет ни с чем подобным не сталкивался. Хорошо, что у нас есть Ыш.

Но я все равно бы не понял, если бы не Бикс. — Он сжал плечо старика. — Благодарствую, сэй. Мы все тебе благодарны.

7

Как и многое в Срединном мире, здание лодочной станции на юго-восточном берегу реки доживало последние дни; стропила были буквально увешаны гроздьями летучих мышей, по стенам ползали пауки. Роланд и все остальные даже не стали туда заходить, остановились снаружи. Бикс привязал плот и присоединился к ним. Они все по очереди обняли старика, бережно и осторожно, чтобы ненароком не сделать больно.

Бикс вытер слезы, нагнулся и погладил Ыша по голове:

— Ты уж за ними присматривай, сэр трокен.

— Ыш! — Отозвался ушастик и добавил: — Бикс!

Старик выпрямился, и в спине у него что-то явно хрустнуло. Он поморщился, взявшись обеими руками за поясницу.

— Вы доберетесь обратно? — спросил Эдди.

— А чего ж не добаться? — ответил Бикс. — Была б весна, вот тогда, может, и не добрался бы, да. Уайе такая... не тихая, когда тают снега и заряжают дожди. А сейчас-то чего? Тишь да гладь. Буря еще далеко. Продвинуь чуток против течения, вставлю шкворень, чтобы меня не снесло назад, малость передохну, потом продвинуь еще чуть-чуть. Вот так, потихонечку, и поеду. Может, потрачу четыре часа вместо одного, но домой доберусь. Всегда добирался, чего там... Жалко только, еды у меня маловато. А то дал бы вам с собой.

— Не волнуйся за нас. Мы справимся, — сказал Роланд.

— Вот и славно. Вот и хорошо. — Похоже, старик не хотел расставаться. Он внимательно оглядел лица своих новых друзей, а потом улыбнулся, обнажив беззубые десны. — Мы хорошо встретились на пути, правда?

— Поистине так, — согласился Роланд.

— Если будете возвращаться этой же дорогой, вы уж загляните к старику Биксу. И расскажите ему о своих приключениях.

— Конечно, — сказала Сюзанна, хотя и знала, что они никогда не вернутся этой дорогой. Они все это знали.

— И берегитесь стыловоя. С ним шутки плохи. Но у вас есть еще день. Может, два. Он же еще не кружит на месте? Еще не кружишь, да, Ыш?

— Ыш! — согласился ушастик.

Бикс тяжело вздохнул:

— Ну что же... Теперь вы пойдете своей дорогой, а я — своей. Нам всем надо успеть укрыться от бури.

Роланд и его тет зашагали по старой дороге, прочь от реки.

— Эй, погодите! — окликнул их Бикс, и они обернулись к нему. — Если вдруг встретите этого треклятого Энди, скажите ему, что я не хочу слушать песенки и не хочу знать свой *горрыскоп*!

— Кто такой Энди? — спросил Джейк.

— Да есть там один. Ну и пес с ним. Может, вы с ним и не встретитесь.

После никто и не вспомнил об этих словах старика, хотя они все-таки встретили Энди в фермерском поселении Калья-Брин-Стерджис. Но это было уже потом, после бури.

До заброшенного городка было миль пять, не больше, так что дорога от реки заняла меньше часа. А рассказ Роланда о стыловее — и того меньше.

— Раньше они случались в Большом полесье, к северу от Нью-Ханаана, пару раз в год. У нас в Гилеаде их не было, так далеко буря не доходила. Но я помню повозки на Гилеадской дороге. Повозки, груженные замороженными телами. Фермеры с семьями, я думаю. Где были их трокены... их ушастики-путаники... я не знаю. Может быть, заболели и умерли. Как бы там ни было, эти люди остались без своих ушастиков. Предупредить их было некому, и подготовиться они не успели. Стыловей всегда начинается внезапно. Еще минуту назад было жарко... перед стыловеем всегда бывает потепление... а потом он кидается на тебя, словно стая волков на овечье стадо. Единственный признак его приближения — звук, который издают деревья, попавшие под стыловей. Такие глухие удары, как будто гранаты взрываются под землей. Видимо, оттого, что живые соки деревьев мгновенно смерзаются в лед. Может, они и слышали, эти люди. Но те, кто был в поле, уже ничего не успели.

— Мгновенно смерзаются в лед? — нахмурился Эдди. — Это какой же должен быть мороз?

— В течение часа температура может упасть на срок отметок ниже точки замерзания, — угрюмо проговорил Роланд. — Пруды и озера покрываются льдом в считанные минуты. И звук при этом такой, словно оконные стекла бьются от пуль. Птицы прямо в полете превращаются в ледяные фигурки и падают, как камни, с неба. Трава обращается в стекло.

— Так не бывает, — сказала Сюзанна. — Ты явно преувеличиваешь.

— Нисколько. И холод — это еще не все. Самое страшное — ветер. Настоящая буря. Ломает замерзшие деревья словно соломинки. Проносится над землей, проходит, бывает, три сотни колес, а потом поднимается в небо. Так же внезапно, как и опустилась.

— А как ушастики узнают о приближении бури? — спросил Джейк.

Роланд лишь покачал головой. Он никогда не задался вопросами «как» или «почему».

9

Они набрали на обломок дорожного указателя, лежавший на пыльной земле. Эдди поднял его и прочитал.

— Тут всего одно слово. Кстати, меткое определение всего Срединного мира. Слегка непонятно, но очень в тему. И даже ржачно. — Он повернулся к остальным, держа дощечку на уровне груди. На дощечке было написано большими неровными буквами: «ОСАДОК».

— Осадок — это глубокий колодец, — сказал Роланд. — По неписаному закону, всякий путник может напиться из него, не спрашивая разрешения. И никто не вправе ему запретить или требовать платы.

— Добро пожаловать в Осадок. — Эдди зашвырнул дощечку в придорожные кусты. — Мне это нравится. Будь у меня автомобиль, я бы приклеил на бампер наклейку: «Я переждал стыловой в Осадке — и не выпал в осадок!»

Сюзанна рассмеялась. Джейк даже не улыбнулся. Он молча указал на Ыша, который кружился на месте, словно пытаясь поймать собственный хвост.

— Похоже, нам надо поторопиться, — сказал мальчик.

10

Они вышли из леса, и сразу за ним начался городок. Давно заброшенное поселение, растянувшееся по обеим сторонам дороги примерно на четверть мили. Там были и жилые дома, и торговые лавки, но теперь их уже было не различить. Остались лишь покосившиеся обочочки, глядящие на дорогу пустыми провалами окон, в которых когда-то, наверное, были стекла. Единственная более-менее сохранившаяся постройка стояла на южной окраине городка. Там заросшая сорняками главная улица расщеплялась на два рукава, обтекая низкое квадратное здание, сложенное из серого плитняка. Оно стояло в окружении густого кустарника и молоденьких елок, которые, видимо, выросли уже после того, как жители покинули городок; корни деревьев потихонечку подбирались под фундамент молитвенного дома. Со временем они окрепнут и свалят здание, а уж времени в Срединном мире было в избытке.

— Старик был прав насчет дров, — сказал Эдди, поднял с земли старую, покоробившуюся дощечку и положил поперек ручек коляски Сюзанны, словно импровизированный столик. — Их здесь навалом. — Он покосился на Ыша, который снова кружился на месте. — Ну если мы успеем их собрать.

— Сейчас и начнем собирать, — ответил Роланд. — Только сначала проверим, что там внутри. Чтобы по-

том не пришлось разбираться с какими-нибудь непредвиденными соседями. В общем, давайте быстрее.

11

Внутри было холодно и промозгло. На втором этаже жили птицы, которых ньюйоркцы называли воробьями, а Роланд — буроржавками. Но кроме птиц, в здании не было никого. Оказавшись внутри, Ыш сразу избавился от навязчивого стремления смотреть на северо-запад и кружить на месте. В нем вновь проснулось природное любопытство, и он тут же бросился вверх по лестнице — туда, где что-то чирикало и било крыльями. Потом раздался пронзительный лай, а вскоре стайка встревоженных буроржавок выпорхнула наружу и улетела искать себе новое пристанище в менее населенных районах Срединного мира. Хотя если Роланд не преувеличивал, подумал Джейк, и если они летят в сторону Уайе, то уже очень скоро превратятся в сосульки.

Весь первый этаж занимал один большой зал. Вдоль стен стояли столы и скамейки. Роланд, Эдди и Джейк подтащили их к окнам, в которых давно уже не было стекол — хорошо еще, окна были узкими и небольшими, — и закрыли пустые проемы. Окна с северо-западной стороны заложили снаружи, чтобы ветер не опрокинул заслоны, а прижал их плотнее к стене.

Сюзанна тем временем въехала на коляске в камин — такой огромный, что ей даже не пришлось пригибаться. Она подняла голову, заметила какое-то ржавое кольцо, взялась за него, потянула. Раздался

чудовищный скрип... тишина... а потом на нее обрушилось плотное облако черной золы. Она отреагировала мгновенно, очень живо и очень по детта-уокеровски.

— *Твою мать, что за хрень?! Мудацкий камин, чергу ему в жопу!*

Она выехала обратно, кашляя и махая руками перед лицом. У нее на коленях лежала огромная куча золы. Сюзанна стряхнула ее на пол резкими движениями, больше напоминавшими удары.

— *Вот же, блин, мандавошь законченная! И что вообще оно там...*

Она обернулась и увидела Джейка, который тарасился на нее, открыв рот. Ыш у него за спиной тоже застыл с выпученными глазами.

— Прошу прощения, — сказала Сюзанна. — Что-то меня занесло. Вообще-то я больше злюсь на себя. Сколько себя помню, у нас всегда были каминьки. Так что я уж могла бы сообразить и не тянуться ручонками куда не надо.

— Ты ругаешься даже покруче папы, — проговорил Джейк с искренним уважением. — Я думал, *никто* не ругается круче моего папы.

Эдди подошел к Сюзанне и принялся стирать золу с ее лица и шеи. Она оттолкнула его руки.

— Ты только еще больше размазываешь. Лучше давай-ка поищем этот колодец, который Осадок. Может быть, там еще есть вода.

— Даст Бог — будет и вода, — сказал Роланд.

Сюзанна резко обернулась к нему и прищурилась.

— Издеваешься, Роланд? Я тут сиюэтаким Смоляным Чучелком, а тебе, значит, весело!

— Ни в коем случае, сэй, — заверил Роланд, но в уголке его рта притаился намек на улыбку. — Эдди,

Сюзанна, ищите колодец. Мы с Джейком пока начнем собирать дрова. Эдди, как только закончишь, давай сразу к нам. Надеюсь, наш друг Бикс успеет добраться домой. Потому что, мне кажется, времени у него меньше, чем он рассчитывал.

12

Колодец располагался совсем рядом с молитвенным домом, на небольшой площади, которая раньше, возможно, была главной площадью городка. Вербка, конечно, уже давно сгнила, но у путешественников была другая. Вербка — вообще не проблема.

— Проблема в том, — сказал Эдди, — что нам к ней привязать. Может, старую седельную сумку Роланда...

— А вон там что такое? — спросила Сюзанна, указав на заросли ежевики слева от колодца.

— А что там? Я ничего не вижу... — начал было Эдди — и тут же увидел. Тусклый проблеск ржавого металла. Стараясь не оцарапаться о колючки, Эдди сунул руку в кусты и вытащил ржавое ведро, внутри которого свернулся кольцом засохший побег плюща. Ведро было старым, но вроде бы крепким. И даже с ручкой.

— Дай-ка я посмотрю, — предложила Сюзанна.

Эдди выкинул засохший плющ и передал ведро Сюзанне. Она подергала ручку, и та сразу же отломилась, но не с резким щелчком, а с тихим, обреченным вздохом. Сюзанна виновато взглянула на Эдди и пожала плечами.

— Ничего страшного, — сказал Эдди. — Лучше сейчас, чем в колодце.

Он выкинул ручку в кусты ежевики, отрезал кусок веревки и продел ее сквозь дужки, в которых прежде

крепилась ручка. Веревку пришлось раскрутить, иначе она не пролезала в дырочки.

— Неплохо, — сказала Сюзанна. — Кто-то у нас очень даже умелый для белого мальчика. — Она заглянула в колодец. — Воду я вижу. И неглубоко. Меньше десяти футов. Она *такая холодная* с виду.

— А кто-то у нас чересчур уж разборчивый для трубочиста, — заметил Эдди.

Ведро ударилось о воду, накренилось и начало наполняться. Когда оно полностью погрузилось, Эдди принялся вытягивать его наружу. Ведро слегка подтекало в тех местах, где ржавчина проела его насквозь, но дырочки были совсем небольшими. Эдди снял рубашку, намочил ее и принялся вытирать лицо Сюзанны.

— Вот это да! — воскликнул он. — А трубочист-то — девочка!

Она отобрала у него рубашку, прополоскала в ведре, выжала и начала стирать сажу с рук.

— Ну вот, уже лучше, чем было. Сейчас еще пара заходов, и будет нормально. А когда соберем дрова и разожжем камин, можно будет домыться в теплой...

С северо-западной стороны донесся глухой удар. А через пару секунд — второй. Потом — еще и еще, а дальше удары посыпались, как автоматная очередь. Звук шел точно в направлении городка, словно топот приближающейся вражеской армии. Эдди с Сюзанной испуганно переглянулись.

Эдди, голый по пояс, схватился за ручки коляски.

— Банный день отменяется.

Все еще издалека — но уже явно ближе, чем раньше — доносился раскатистый грохот, как будто там шло сражение.

— Похоже на то, — сказала Сюзанна.

Вернувшись, они увидели, как Роланд с Джейком бегут к молитвенному дому с охапками старых разломанных досок. По-прежнему издалека, но уже чуточку ближе, чем раньше, доносился грохочущий хруст замерзающих деревьев, тронутых стыловеем. Ыш кружился волчком посреди улицы.

Сюзанна резко подалась вперед, выпала из коляски, приземлившись на руки, и поползла к дому.

— Ты чего? — растерялся Эдди.

— В коляску можно сложить больше дров. А я пока разведу огонь. Попрошу у Роланда огниво.

— Но...

— Эдди, я уже большая девочка. И хочу сделать хоть что-то полезное. А ты, кстати, надень рубашку. Да, она мокрая, но ты хотя бы не покорябаешься.

Эдди сделал, как она сказала. Потом наклонил коляску к себе, так, чтобы она встала на два больших задних колеса, и покатыл ее к ближайшему вероятному «дровяному складу». Проходя мимо Роланда, он передал ему просьбу Сюзанны, и тот коротко кивнул на бегу.

Они молча носили доски и складировали их в доме, чтобы спастись от лютой стужи. Хотя пока что на улице было тепло, даже жарко. Тропа Луча в небе на время исчезла, потому что теперь тучи плыли сплошной пеленой в юго-восточном направлении. Сюзанна разожгла огонь в камине, и тяга в трубе завывала, как зверь. Посреди зала уже собралась изрядная куча досок, некоторые — с торчавшими из них ржавыми гвоздями. Пока никто даже не оцарапался, однако Эдди не сомневался, что это лишь вопрос времени. Он попытался припомнить, когда ему в послед-

ний раз делали прививку от столбняка, но так и не вспомнил.

А за Роланда можно не волноваться, подумал он. В его крови никакая бактерия не выживет. Сдохнет сразу же, в тяжких корчах.

— Ты чему улыбаешься? — запыхавшись, спросил Джейк. Рукава его рубашки испачкались и были утыканы щепками, на лбу красовалось пятно черной грязи.

— Да так, ничему. Ты там осторожнее с ржавыми гвоздями. Еще сходим по разу — и хватит, наверное. Буря уже совсем близко.

— Ага.

Глухой грохот уже перебрался на их сторону реки, и хотя на улице по-прежнему было тепло, воздух как будто сгустился, и в нем ощущалось какое-то тревожное напряжение. Эдди в последний раз загрузил кресло Сюзанны досками и покатил его к дому. Из открытой двери веяло жаром, который чувствовался даже на расстоянии. *Надеюсь, и вправду похолодает, подумал Эдди. Иначе мы там зажаримся.*

Он остановился у двери, дожидаясь, пока Роланд с Джейком не пройдут внутрь. И тут со стороны реки донесся пронзительный тоненький визг, который все не кончался и не кончался, а наоборот, набирал силу. От этого звука Эдди пробрал озноб. Приблизившийся ветер был как будто живым, и в его голосе слышалась боль.

Воздух всколыхнулся, пришел в движение. Сперва он был теплым, потом стал прохладным и высушил пот на лбу Эдди, а затем сделался по-настоящему холодным. Это произошло в считанные секунды. К пронзительному визгу ветра присоединились какие-то странные шелестящие хлопки, похожие на шуршание

пластиковых флажков, которыми иногда окружают площадки, где стоят предназначенные на продажу подержанные автомобили. Хлопки слились в единый стрекочущий рокот. Ветер уже срывал листья с деревьев. Сначала — горстями, затем — охапками, а потом — просто все разом. Голые ветки раскачивались на фоне неба, которое темнело буквально на глазах.

— *О черт!* — выдохнул Эдди и бросился к двери, толкая перед собой кресло. И конечно же, оно застряло в дверном проеме. В первый раз за десять ходок. Доски, которые Эдди сложил поперек подлокотников, оказались слишком длинными. В любой другой раз они бы просто сломались — с тем же тихим, почти виноватым вздохом, с каким от ведра отломилась ручка. Но на этот раз — нет. Потому что буря подошла совсем близко, а закон подлости действует повсеместно, в том числе и в Срединном мире. Эдди протянул руку поверх спинки кресла, чтобы сбросить на землю самые длинные доски, и в это мгновение Джейк закричал:

— *Ыш! Ыш остался снаружи! Ыш! Ко мне!*

Но Ыш как будто не слышал. Он уже не крутился на месте. Теперь он просто сидел, подняв мордочку кверху и завороченно глядя в ту сторону, откуда шла буря.

14

Джейк не думал о ржавых гвоздях, торчавших из сваленных на коляску деревяшек. Он вообще ни о чем не думал — просто взобрался на шаткую кучу досок и прыгнул. Даже не глядя куда. Налетел прямо на Эдди, и тот пошатнулся, безуспешно попытался удержать

равновесие и плюхнулся на пятую точку. Джейк тоже грохнулся, но тут же вскочил на ноги — глаза широко раскрыты, длинные волосы развеваются на ветру.

— Нет, Джейк! Стой!

Эдди схватил Джейка за рукав, но рубашка была уже старой, изношенной; ткань истончилась от многочисленных стирок в ручьях и речушках. Джейк дернул рукой, и манжет оторвался.

Роланд возник у двери, сбросил с кресла самые длинные доски — как и Джейк, совсем не тревожась о ржавых гвоздях, — рывком втянул кресло внутрь и рявкнул на Эдди:

— Быстро в дом!

— Но Джейк...

— Джейк либо справится, либо нет. — Роланд схватил Эдди за руку и поднял на ноги. Джинсы обоих хлопнули на ветру с таким звуком, будто кто-то строчил из пулемета. — Он сам о себе позаботится. Иди в дом.

— Ни хрена!

Роланд не стал спорить. Он просто толкнул Эдди внутрь. Тот упал, растянувшись на полу. Сюзанна, стоявшая на коленях перед камином, удивленно обернулась. Ее лицо блестело от пота, рубашка из оленьей кожи намокла на груди.

Застыв на пороге, Роланд с мрачным видом наблюдал за тем, как Джейк бежит к своему другу.

15

Джейк чувствовал, как понижается температура воздуха. Ветка дерева отломилась с сухим треском, и ему пришлось пригнуться, чтобы она не задела его по голове. Ыш даже не шелохнулся, пока Джейк не под-

хватил его на руки. Только тогда ушастик встрепенулся, огляделся вокруг с диким видом и оскалился, обнажив зубы.

— Можешь кусаться, — сказал ему Джейк, — я все равно тебя не отпущу.

Ыш его не укусил, но даже если бы и укусил, Джейк все равно бы, наверное, не почувствовал. Его лицо онемело. Он побежал обратно к дому, и ветер превратился в огромную холодную руку, толкавшую его в спину. Где-то на втором шаге он понял, что не бежит, а передвигается большими прыжками, как космонавт на Луне в каком-нибудь фантастическом фильме. Один прыжок... второй... третий...

Только на третьем прыжке он не приземлился. Ветер подхватил его и потащил вперед, и ему только и оставалось, что прижимать к себе Ыша покрепче. Сбоку раздался оглушительный треск: это один из старых домов не выдержал напора бури. Обломки взвились в воздух. Джейк увидел, как кусок лестницы с грубыми дощатыми перилами уносится вверх, к темному небу. *Мы следующие*, подумал он, а потом крепкая рука (без двух пальцев, но по-прежнему сильная) схватила его чуть выше локтя.

Роланд развернул Джейка к двери. Однако исход битвы с бурей до последнего оставался неясным — ветер был слишком сильным. Роланд рванулся назад, его оставшиеся пальцы буквально впились в руку Джейка. А потом хватка ветра внезапно разжалась, и Роланд с Джейком ввалились в дом. Стрелок упал на спину, утянув мальчика за собой.

— Слава Богу! — воскликнула Сюзанна.

— Богов будем славить позже! — Роланду приходилось кричать, иначе его голос просто утонул бы в реве бури. — Закрываем дверь! Все вместе! Сюзанна, ты

толкай снизу! Со всей силы! Джейк, ты закроешь засов! Опустить вот эту штуку на эти скобы! Сразу, как только закроется дверь! Ты понял?

— Я понял, да, — раздраженно ответил Джейк. По его щеке, сбоку, стекала тоненькая струйка крови. Видимо, что-то задело его по виску, пока он бежал к дому. Но глаза были ясными, сосредоточенными.

— Давайте! Толкаем! Все вместе!

Они навалились на дверь, и та, пусть и с трудом, но закрылась. Даже вдвоем они бы, наверное, не удержали ее и десяти секунд, однако, к счастью, им не пришлось это проверять. Джейк тут же опустил тяжелый деревянный засов. Роланд, Эдди и Сюзанна настороженно отступили от двери. Ржавые скобы, не слишком надежные с виду, держались крепко. Путешественники переглянулись и посмотрели на Ыша. Тот радостно твякнул и перебрался поближе к камину. Похоже, чары надвигавшейся бури больше не действовали на ушастика.

Стужа уже проникала внутрь. Вдали от камина было прохладно.

— Я бы успел догнать Джейка, — сказал Эдди Роланду. — Почему ты меня остановил? Он же мог там погибнуть.

— Джейк отвечает за Ыша. Он должен был раньше забрать его в дом. На привязь его посадить, если уж по-другому нельзя. Разве не так, Джейк?

— Все так, да. — Джейк присел рядом с Ышем и погладил его по шерстке. Другой рукой стер с лица кровь.

— Роланд, — сказала Сюзанна, — он же еще ребенок.

— Уже не ребенок, — ответил Роланд. — Прости меня великодушно, но нет... уже нет.

В первые часы стыловея было еще не понятно, выдержит ли каменный дом напор бури. Ветер ревел, деревья ломались, как спички. Одно упало на крышу и проломило в ней дыру. Струйки студеного воздуха пробивались в нижний зал сквозь щели между потолочными досками. Сюзанна и Эдди сидели, тесно прижавшись друг к другу. Джейк прикрывал собой Ыша (тот безмятежно лежал на спине, растопырив короткие лапки во все четыре стороны) и то и дело поглядывал на потолок, под которым кружились взвихренные облачка высохшего птичьего помета, просочившегося сквозь щели. Роланд спокойно выкладывал из сумки провизию. Близилось время ужина.

— Что скажешь, Роланд? — спросил Эдди.

— Скажу, что если здание продержится еще час, значит, оно точно выстоит. Холод будет усиливаться, но с наступлением темноты ветер слегка утихнет. Завтра станет еще чуть тише, а послезавтра ветра не будет вообще, и станет гораздо теплее. Такой жары, как до бури, конечно, не ждите. Но мы же знаем, что это была неестественная жара.

Он глядел на своих спутников и почти улыбался. Эта полуулыбка смотрелась странно и непривычно на его вечно серьезном, даже угрюмом, лице.

— А пока у нас есть очаг и огонь в очаге. Все помещение он не согреет, но если держаться поближе к камину, его тепла будет достаточно. И у нас есть возможность чуть-чуть отдохнуть. Ведь нам пришлось многое пережить, верно?

— Да, — сказал Джейк. — Даже *слишком*.

— И еще больше ждет впереди. Опасности, горести, трудная, изнурительная работа. Может быть,

смерть. Так что давайте, пока есть возможность, сядем у очага, словно в старые добрые времена, и отдохнем. — Роланд смотрел на своих спутников все с той же странной улыбкой. В отсветах пламени его лицо казалось разрезанным надвое: с одной стороны — молодое, с другой — совсем старое. — Мы — ка-тет. Мы — единство из множества. Мы должны быть благодарны судьбе за укрытие от бури, тепло и товарищество. Ведь есть и такие, у кого ничего этого нет. Им повезло меньше нас.

— Будем надеяться, что им все-таки повезло, — заметила Сюзанна, думая о Биксе.

— Идите сюда, — сказал Роланд. — Будем ужинать.

И они подошли, и уселись вокруг своего дина, и принялись за еду, которую он им предложил.

17

Сюзанна заснула быстро, но проспала не более двух часов. Ей приснился отвратительный сон про какую-то гнилую, кишашую червями еду, от которой ее воротило, но которую все равно приходилось есть. Этот сон ее и разбудил. Снаружи по-прежнему завывал ветер, однако уже не так размеренно, как прежде. Временами он почти полностью затихал, потом вновь набирал силу, издавая пронзительный ледяной свист. Стены дома вздрагивали. Дверь, колотившаяся о деревянный засов, издавала глухой ритмичный стук, но и ржавые скобы, и сам засов держались крепко. Сюзанне не хотелось даже думать о том, что было бы с ними всеми, если бы засов оказался гнилым, как ручка на том ведре, найденном у колодца.

Роланд не спал, сидел у камина. Вместе с Джейком. Ыш лежал на полу между ними и сладко посапывал, прикрыв мордочку лапой. Сюзанна присоединилась к ним. Огонь уже не полыхал в полную силу, но рядом с камином все равно было тепло. Она взяла доску, подумала разломить надвое, но решила, что резкий звук может разбудить Эдди. и бросила ее в камин целиком. Роем поднялись искры и, кружась, полетели в трубу.

Как оказалось, можно было и не беспокоиться, потому что еще до того, как все искры скрылись в трубе, Сюзанна почувствовала на затылке прикосновение ласковой руки. Ей не нужно было оборачиваться: это прикосновение, эту руку она узнала бы из тысячи. Она взяла ее, поднесла ко рту и поцеловала ладонь. *Белую ладонь.* Даже теперь, после того как они столько раз занимались любовью, Сюзанне иногда не верилось, что такое возможно. Но ведь возможно. *И так и есть.*

По крайней мере мне не придется знакомить его с родителями, подумала она.

— Не спится?

— Ну да. Есть такое. Сны какие-то странные снятся.

— Это все из-за бури, — сказал Роланд. — Она навевает дурные сны. В Гилеаде все знали об этом. Но мне нравится, как шумит ветер. И всегда нравилось. Он утешает мое сердце и пробуждает воспоминания о былых временах.

Он отвернулся, словно смутившись, что сказал так много.

— Раз уж мы все равно не спим, Расскажи нам историю, — предложил Джейк.

Роланд еще долго смотрел на огонь, потом повернулся к Джейку. Стрелок вновь улыбался, но его взгляд был рассеянным и далеким. Доска в камине треснула.

Вновь полетели искры. Ветер снаружи зашелся пронзительным воем, словно взбешенный тем, что не может пробраться в дом. Эдди обнял Сюзанну за талию, прижал к себе. Она положила голову ему на плечо.

— Какую историю ты хочешь услышать, Джейк, сын Элмера?

— Любую. — Джейк умолк на мгновение и добавил: — О былых временах.

Роланд повернулся к Сюзанне и Эдди:

— Вы тоже хотите послушать историю?

— Да, — сказала Сюзанна.

— Да, — кивнул Эдди. — То есть если ты хочешь рассказывать.

Роланд задумался.

— Может быть, я расскажу две истории. До рассвета еще далеко, а поспать можно и днем. Эти истории, они как бы вложены одна в другую. И все-таки ветер дует сквозь обе, и это поистине хорошо. Нет ничего лучше историй, рассказанных ветреной ночью, когда люди находят теплое укрытие в холодном мире.

Он взял длинную узкую деревяшку, пошевелил раскаленные угли и бросил ее в огонь.

— Одна история будет из жизни. О том, что я видел своими глазами и что пережил вместе с Джейми Декарри, моим старым другом и собратом по ка. Вторая история — сказка, которую мама читала мне в детстве. Она называется «Ветер сквозь замочную скважину». В старых сказках иной раз содержится очень полезная информация, и эту сказку я должен был вспомнить, как только увидел, что Ыш беспокоится и принюхивается к чему-то в воздухе. Но это было давно. — Роланд вздохнул. — Очень давно.

Снаружи взвыл ветер. Роланд дождался, пока тот слегка утихнет, и начал рассказ. Эдди, Сюзанна и

Джейк слушали как замороженные всю эту долгую ночь, которая все никак не кончалась. Лад, Тик-Так, Блейн Моно, Изумрудный дворец — все забылось. Даже Темная Башня забылась на время. Были только ночь и голос Роланда, который то нарастал, то становился совсем-совсем тихим.

То нарастал, а то вдруг затихал, как вой ветра снаружи.

— Вскоре после гибели мамы, которая, как вам известно, приняла смерть от моей руки...

ШКУРОВЕРТ

Часть I

Вскоре после гибели мамы, которая, как вам известно, приняла смерть от моей руки, мой отец — Стивен, сын Генри Высокого — вызвал меня к себе. В кабинет в северном крыле дворца. Тесную, холодную комнату. Помню, как свистел ветер за узкими окнами. Помню высокие хмурые стеллажи с книгами. Эти книги стояли целое состояние, но их никогда не читали. *Он* их не читал. Помню черный воротник у него на рубашке — знак траура. Я носил точно такой же. Все мужчины Пилеада носили такие воротники. Или черные повязки на рукавах. А женщины — черные сетки на волосах. Траур по Габриэль Дискейн должен был продолжаться полгода.

Я поприветствовал его, поднеся ко лбу сжатый кулак. Он не поднял глаза, не оторвался от бумаг, разложенных на столе, но я знал, что он видел меня. Мой отец видел все, очень хорошо видел. Я ждал. Он подписывал какие-то документы. За окном свистел ветер, во внутреннем дворе кричали грачи. Огонь в камине не горел. Отец редко звал слуг, чтобы те разожгли камин. Даже в самые студеные дни.

Наконец он посмотрел на меня.

— Как там Корт, Роланд? Как там твой бывший наставник? Ты должен знать, потому что, как мне сообщили, ты почти все свое время проводишь с ним, кормишь его и все прочее.

— Бывают дни, когда он меня узнает, — сказал я. — Но чаще не узнает. Одним глазом он кое-как видит. Второго... — Договаривать было не нужно. Второго глаза у Корта не было. Его вырвал Давид, мой сокол, когда я проходил испытание в поединке с учителем. Корт, в свою очередь, убил Давида. Но Давид стал последним, кого убил Корт.

— Я знаю, что стало с его вторым глазом. Ты правда кормишь его?

— Да, отец.

— И моешь, когда он ходит под себя?

Я стоял перед отцом, словно нашкодивший ученик перед строгим учителем. Именно так я себя ощущал. Но как много вы знаете нашкодивших учеников, убивших собственных матерей?

— Отвечай мне, Роланд. Я — твой дин и отец, и я хочу получить ответ.

— Иногда. — И я в общем-то не солгал. Иногда я менял Карту белье по три-четыре раза на дню. Иногда, в особо удачные дни — всего один раз, а то и вовсе ни разу. Он был вполне в состоянии дойти до сортира, если я вел его под руку. И если он вспоминал, куда надо ходить по нужде.

— Разве у него нет сиделок?

— Я их отослал.

Отец посмотрел на меня с искренним любопытством. Я искал в его лице хоть какой-то намек на презрение — отчасти даже хотел это увидеть, — но презрения не было. Или я просто его не разглядел.

— Я воспитывал тебя человеком, достойным носить револьверы, чтобы ты стал сиделкой при сломленном старике?

И тут я разозлился. Корт воспитал не одну смену мальчишек в традициях Эльда и наставил их на путь

стрелка. Но не все удостоились ими стать. Те, кому не удавалось пройти испытание и победить Корта в поединке, становились изгнанниками. Они уходили на запад. Уходили одни, без оружия, без всего. И там, в Крессии и еще дальше, в краях, где царила анархия, многие из тех побитых Кортом мальчишек присоединились к Джону Фарсону, Благодетелю, как его называли. К тому самому Джону Фарсону, который потом все разрушил — все, что пытался сберечь мой отец, что защищали стрелки рода Эльда. *Фарсон* дал им оружие, этим мальчишкам. У него было оружие, и у него были планы.

— И что же, бросить его теперь в выгребную яму? Такова, значит, будет его награда за долгие годы службы? А кто станет следующим? Ванней?

— Никогда в жизни, и ты это знаешь. Но сделанного не воротишь, Роланд, как тебе тоже должно быть известно. И ты нянчишься с ним вовсе не из любви. И сам это понимаешь.

— Я это делаю из уважения!

— Если бы только из уважения, ты бы его навещал, читал бы ему... твоя мать всегда говорила, что ты отменно читаешь вслух, и в этом она не лгала... но ты бы не стал вычищать его дерьмо и менять ему постель. Ты наказываешь себя за смерть матери, но это была не твоя вина.

Я знал, что это правда. И все же отказывался в это верить. Официальное объявление о смерти было простым: «Габриэль Дискейн, родом из Артена, умерла, одержимая демоном, изнуравшим ей душу». Так всегда говорилось о людях знатного рода, покончивших самоубийством. Именно так и представили смерть моей матери. И все приняли эту версию без тени сомнений, даже те, кто связал свою судьбу с Фарсоном,

тайно или не так уж и тайно. Потому что все знали (и лишь богам было известно откуда, уж точно не от меня и не от кого-то из моих друзей), что моя мать была любовницей Мартена Брудклока, придворного мага и главного советника моего отца, и что Мартен сбежал на запад. Один.

— Роланд, слушай меня внимательно. Я знаю, ты чувствуешь себя преданным. Считаешь свою мать изменницей. Я сам испытываю те же чувства. Отчасти ты ненавидишь ее. И я тоже ее ненавижу, отчасти. Но мы оба любили ее, и любим до сих пор. Ты был отравлен игрушкой, которую привез из Меджиса, и обманут злой ведьмой. По отдельности их силы, может быть, и не хватило бы, но розовый шар вместе с ведьминским колдовством... да.

— Риа. — Глаза зашипало, но я собрал волю в кулак и сдержал слезы. Для себя я решил, что никогда больше не стану плакать на глазах у отца. Никогда в жизни. — Риа с Кооса.

— Да, она. Старая сука с черной душой. Это она убила твою мать, Роланд. Она превратила тебя в револьвер... и нажала на спусковой крючок.

Я ничего не сказал.

Он, должно быть, почувствовал, как мне плохо, потому что вновь принялся перебирать и подписывать бумаги у себя на столе. Потом опять поднял голову.

— За Кортм пока что присмотрят сиделки. А ты поедешь в Дебарю с поручением. Вместе с одним из своих товарищей.

— В Дебарю? В Ясную обитель?

Отец рассмеялся:

— Ты имеешь в виду ту обитель, где останавливалась твоя мать?

— Да.

— Нет, туда тебе точно не надо. Это *страшные* женщины. Они с тебя заживо кожу сдерут, если ты только шагнешь на порог их святого убежища. Большинство сестер Ясной обители предпочитают длинную мерку мужчинам.

Я не понял эту последнюю фразу. Не забывайте, я был тогда совсем юным, невинным и очень наивным во многих вещах — даже после всего, что мне пришлось пережить.

— Мне кажется, я еще не готов снова ехать куда-то с заданием, отец.

Он холодно взглянул на меня.

— Позволь мне судить, к чему ты готов, а к чему не готов. К тому же такого, как в Меджисе, там не будет. Да, я допускаю, что там опасно. И может быть, даже дойдет до стрельбы. Но, по сути, это обычная работа, которую надо сделать. Отчасти ради того, чтобы люди, которые начали сомневаться, смогли убедиться, что Белизна все еще в силе. Но прежде всего потому, что нельзя оставлять преступление безнаказанным. То, что неправильно, надо исправить. Тем более, как я уже говорил, ты поедешь туда не один.

— А кто поедет со мной? Катберт или Ален?

— Ни тот ни другой. Оба нужны мне здесь. Поедешь с Джейми Декарри.

Я обдумал услышанное и решил, что Краснорукий Джейми будет хорошим спутником. Хотя я предпочел бы поехать с Катбертом или Аленом. И отец, разумеется, это знал.

— Поедешь без возражений или будешь мне что-то доказывать и отрываться от дел?

— Я поеду.

На самом деле я был даже рад хоть на время сбежать из дворца — от его сумрачных комнат и тайных

интриг, от этого всепроникающего ощущения, что близится тьма и анархия, и ничто не способно их остановить. Когда мир сдвинется с места, Гилеад не сдвинется вместе с ним. Этот сверкающий дивный пузырь просто лопнет.

— Хорошо. Ты хороший сын, Роланд. Может быть, я тебе никогда этого не говорил, но это правда. Мне не в чем тебя упрекнуть. Да, не в чем.

Я опустил голову. Потом, когда выйду отсюда, я дам волю чувствам. Но не сейчас. Не на глазах у отца.

— В десяти или двенадцати колесах от женской обители... Ясной обители, или как там ее называют... располагается городок Дебария, на самом краю солонцовых равнин. Ничего зловещего в нем нет. Обычный железнодорожный узел, пыльный, пропитанный запахом скотобойни. Оттуда идут поезда со скотом и солью. На восток, север и юг — во всех направлениях, кроме того, где засел этот мерзавец Фарсон. Скота с каждым годом все меньше и меньше, и я думаю, уже в скором времени Дебария придет в запустение и исчезнет с лица земли, как происходит со многими поселениями Срединного мира, но пока что там кипит жизнь. Салуны, игорные дома и притоны с девицами... В общем, то еще злачное место. Однако там есть надежные люди. Да, в это трудно поверить, но хорошие люди там есть. Один из них — старший шериф Хью Пиви. К нему-то вы и пойдете. Представитесь как положено. Покажете свои револьверы и сигул, который я дам. Пока все понятно?

— Да, отец. И что же там случилось такого ужасного, что оно требует внимания стрелков? — После смерти матери я улыбался нечасто, но тут улыбнулся. — Пусть даже таких желторотых, как мы?

— Согласно докладам, которые я получаю... — Он взял со стола стопку листов и взмахнул ими. — В городе появился шкуроверт. У меня самого есть большие сомнения на этот счет. Но одно несомненно: люди напуганы.

— Я не знаю, кто такой шкуроверт, — сказал я.

— Что-то вроде оборотня. Во всяком случае, так говорится в старинных легендах. Когда мы закончим, иди к Ваннею. Он собирал все доклады.

— Хорошо.

— Выполни свою работу, найди безумца, который бродит по городу, нарядившись в звериные шкуры... скорее всего именно так оно и обстоит на самом деле... только не слишком затягивай с этим делом. Назревают большие события, очень серьезные. Ты будешь нужен мне здесь — ты и весь твой ка-тет — до того, как все начнется.

Через два дня мы с Джейми отправились в путь. Для нас и наших лошадей снарядили специальный поезд на два вагона. Когда-то Западный рельсовый путь тянулся на тысячу с лишним колес, до самой пустыни Мохане, но в годы, предшествовавшие падению Гилеада, по железной дороге можно было доехать не дальше Дебарии. За ней хорошая дорога кончалась. Большие участки путей были разрушены землетрясениями и непогодой. А что пощадили стихии, то растащили бродячие шайки бандитов, называвших себя сухопутными пиратами. И таких было немало — в тех диких землях царили анархия и беззаконие. Эти земли на дальнем западе мы называли Внешним миром, и этот мир как нельзя лучше служил целям Джона Фарсона. По сути, Фарсон и сам был всего лишь бандитом. Но с большими амбициями.

Паровозик был маленьким, почти игрушечным. Жители Гилеада называли его «свисток на колесах» и смеялись, когда он, пыхтя, проезжал по мосту за дворцом. Верхом мы бы добрались быстрее, но поезд давал нам возможность поберечь лошадей. А пыльные бархатные сиденья в пассажирском вагоне раскладывались в спальные места. Это было удобно. То есть мы с Джейми так думали до тех пор, пока не попытались там спать. Вагон все время трясло и шатало, а однажды тряхнуло так, что Краснорукий Джейми свалился на пол. Катберт бы рассмеялся, случись с ним такое, Ален стал бы ругаться, но Джейми молча поднялся, снова лег на кровать и мгновенно заснул.

В тот первый день мы почти всю дорогу молчали — просто сидели, смотрели в окно, сквозь дрожащую пленку листового рыбьего клея. Зеленые луга и леса Гилеада сменились унылыми равнинами, заросшими пыльным кустарником. Были там фермы, явно знававшие лучшие дни, и отдельно стоящие пастушьи хижины, и несколько маленьких городков, чьи жители (среди них было много мутантов) изумленно таращились на «свисток на колесах», медленно едущий мимо. Некоторые из них тыкали пальцем себе в лоб, как будто указывая на невидимый третий глаз. Это означало, что они поддерживают Фарсона. В Гилеаде их бы отправили в тюрьму за измену, но Гилеад был уже далеко. Меня поразило, как быстро сошла на нет преданность этих людей, когда-то принимавшаяся как должное. Это был тревожный знак.

В первый день путешествия, на выезде из Бисфорда-на-Артене, где до сих пор жили родственники моей матери, какой-то толстяк бросил в нас камень. Камень ударился в дверь вагона, в котором ехали наши лоша-

ди, и те испуганно заржали. Толстяк увидел, что мы смотрим на него в окно. Ухмыльнулся, схватился за причинное место двумя руками и пошел прочь, ковыляя вразвалку.

— Кто-то хорошо кушает даже в бедном голодном краю, — заметил Джейми, глядя вслед необъятным колышущимся ягодицам в старых латаных-перелатаных штанах.

На следующее утро, когда слуги подали нам завтрак, состоявший из холодной овсянки и молока, Джейми спросил:

— Так ты мне расскажешь, зачем мы едем?

— Только сначала ответь на один вопрос, ладно? Ну, если знаешь ответ.

— Да, конечно.

— Отец сказал, что женщины из обители в Дебарии предпочитают длинную мерку мужчинам. Можешь мне объяснить, что он имел в виду?

Джейми молча смотрел на меня — как будто пытаюсь понять, не издеваюсь ли я над ним, — а потом улыбнулся. Улыбнулся едва заметно, но в случае с Джейми это было равносильно тому, как если бы он схватился за живот, захлебываясь от смеха. Катберт Олгуд на его месте уже давно бы катался по полу.

— Наверное, это то самое, что шлюхи из нижнего города называют искусственным членом. Теперь понятнее?

— Что, правда?! А как они... ну, это самое... Друг другу, что ли, засовывают?

— Ну, так говорят. Хотя мало ли что говорят. Люди много чего болтают. Ты больше знаешь о женщинах, Роланд. У меня-то и женщины еще не было. Ну ничего. Придет время — все будет. Так зачем нас послали в Дебариию?

— Там у них якобы шкуроверт терроризирует честных граждан. Ну и нечестных, наверное, тоже.

— Шкуроверт — это оборотень? Который в зверя превращается?

В данном случае все было немного сложнее, но основную суть он уловил. Снаружи бушевал ветер, швыряя в стены вагона пригоршни сухой земли. Он был таким сильным, что поезд раскачивался на рельсах, а однажды так накренился, что со стола чуть не упали пустые миски из-под каши. Вернее, они уже начали падать, но мы с Джейми успели их подхватить. Не умей мы проделывать подобные вещи — причем не задумываясь, — мы бы и негодились на то, чтобы носить револьверы. Не то чтобы Джейми ставил револьверы превыше любого другого оружия. При наличии выбора (и времени сделать выбор) он предпочел бы свой лук или арбалет.

— Мой отец в это не верит, — сказал я. — Но Ванней верит. Он...

Тут поезд снова потрянуло, и нас с Джейми швырнуло вперед. Вагон накренился. Старый слуга, который шел по центральному проходу, чтобы забрать наши миски и чашки, отлетел в самый конец вагона, к двери между салоном и маленькой кухней. Его передние зубы выпали прямо ему на колени. Я, честно сказать, испугался.

Джейми бросился к старику и склонился над ним. Я подошел следом. Джейми поднял зубы, и я увидел, что они сделаны из дерева и держатся на тонкой, почти незаметной скрепке.

— Вы не ушиблись, сэй? — спросил Джейми.

Старик, кряхтя, поднялся на ноги, взял свои зубы и вставил на место.

— Я-то в порядке, но этот гроб на колесах опять сошел с рельсов. Все, с меня хватит. Наездился я в Дебарю, пора на покой. Я, между прочим, женатый человек. Жена моя — та еще старая ведьма. Я, знаете ли, собираюсь ее пережить. А вам, юноши, надо бы посмотреть, как там лошадки. Будем надеяться, ноги не переломали.

Лошади были целы, но сильно встревожены. Они били копытами, беспокоились и явно стремились выбраться из вагона. Мы с Джейми опустили наклонный трап, вывели их и привязали к стяжке между вагонами. Они стояли, низко опустив головы и прижав уши, чтобы горячий ветер, дующий с запада, не задувал в них песок. Потом мы вернулись в пассажирский вагон, забрали свои револьверы и вышли наружу. К нам подошел машинист — широкоплечий, приземистый, кривоногий. Следом за ним появился старый слуга. Машинист указал вперед, на гребень горы.

— Вот там проходит прямая дорога в Дебарю. Указатели видите? За час доберетесь до этого женского приюта. Только вы туда не заходите и ни о чем не просите. Все равно не получите. — Он понизил голос. — Говорят, эти девицы едят мужчин. И это не в переносном смысле, ребята. *Они... едят... мужчин.*

Я бы скорее поверил в существование шкуроверта, чем в такой бред, но промолчал. Машинист явно был не в себе. Его, наверное, неслабо тряхнуло. И рука была красной, как у Джейми. Только у Джейми она была красной всегда — как будто ее окунули в кровь — и такой и останется до смертного часа, а у машиниста был просто легкий ожог: у него все заживет.

— Они будут вас звать к себе, обещать всякое-разное. Может, и сиськи покажут. Уж эти девицы прекрасно знают, что показать молодым парням, чтобы те взгляда не могли оторвать. Только вы не обращайтесь внимания. Не слушайте их обещаний и не смотрите на сиськи. Езжайте напрямик в город. От приюта — еще час пути, если верхом. Найдите рабочую бригаду. Нам нужны люди, чтобы поднять эту дуру и поставить обратно на путь. Рельсы-то целы, я проверял. Там просто заносы. Эта соляная пыль, будь она трижды неладна. У вас же, наверное, есть деньги, чтобы заплатить рабочим. Или, если вы вдруг умеете писать... да уж умеете наверняка, все благородные джентльмены умеют писать... можете дать им расписку. Этот, как его... виксиль. Или как там оно называется...

— У нас есть деньги, — заверил я. — Хватит, чтобы нанять небольшую бригаду.

Глаза машиниста широко раскрылись. Думаю, они раскрылись бы еще шире, если бы я сказал, что отец дал мне двадцать золотых «орлов», которые я спрятал в потайной карман, вшитый в рубашку с изнанки.

— И волов. Потому что нам будут нужны волы. Если они у них есть. Если нет, можно и лошадей.

— Мы посмотрим, что у них есть, — сказал я, садясь на коня. Джейми закрепил лук на одной стороне седла, потом перешел на другую сторону и опустил арбалет в кожаный чехол, притороченный к упряжи. Отец Джейми сам сделал этот чехол, специально для арбалета сына.

— Только не оставляйте нас здесь надолго, — попросил машинист. — У нас нет оружия и нет лошадей.

— Мы о вас не забудем, — ответил я. — Вы закройтесь внутри. Если сегодня у нас не получится найти

рабочих, мы пришем за вами повозку, чтобы вас забрали в город.

— Спасибо. И держитесь подальше от этих женщин! *Они... едят... мужчин!*

В тот день было жарко. Сперва мы пустили коней галопом, чтобы дать им размяться — ведь они больше суток простояли в тесных загонах, — а потом перешли на шаг.

— Ванней, — сказал Джейми.

— Что — Ванней? — не понял я.

— Перед тем как поезд сошел с рельсов, ты сказал, что твой отец не верит в шкуроверта, а Ванней верит.

— Он сказал, трудно было бы не поверить после того, как прочтешь все доклады шерифа Пиви. Помнишь, как он повторял нам буквально на каждом занятии: «Когда говорят факты, умные люди слушают». Двадцать три смерти — это очень серьезные факты, к которым стоит прислушаться. Этих людей не зарезали, не застрелили. Их разорвали на части.

Джейми хмыкнул.

— В двух случаях — целые семьи. Большие семьи, скорее, кланы. В домах все вверх дном, все залито кровью. От тел оторваны руки и ноги. Какие-то потом находились, наполовину обглоданные... Какие-то — нет. На одной ферме шериф Пиви и его помощник нашли голову мальчика, самого младшего из детей. Надетую на стойку забора. Череп пробит, мозги выскоблены.

— Свидетели есть?

— Даже несколько. Один пастух видел, как зверь набросился на его напарника. Сам он был на ближайшем холме. Пошел за овцами, отбившимися от стада.

С ним были две собаки. Они бросились вниз, чтобы защитить второго хозяина, но их тоже разорвали в клочья. Тварь заметила пастуха на холме и направилась было к нему, но ее отвлекли овцы, и пастуху удалось убежать. Он говорил, это был волк, который передвигался на двух ногах, как человек. Потом была еще женщина, подруга какого-то игрока. Его поймали с крапленой колодой в одном из игорных домов. Обоим велели покинуть город до заката солнца, иначе грозили публичной поркой. Они как раз направлялись в поселок рядом с соляными копиями, и по дороге на них напал зверь. Мужчина пытался отбиться, и у женщины была возможность спастись. Она спряталась на склоне среди камней. Она говорила, что это был лев.

— На двух ногах?

— Если и так, она не стала задерживаться, чтобы его рассмотреть. И были еще двое гуртовщиков. Они остановились на ночлег на берегу речки Дебарии, а рядом с ними был лагерь молодоженов-Мэнни. Правда, гуртовщики узнали об этом, только когда услышали крики молодой пары. Тут же вскочили на лошадей, поехали туда. Успели увидеть, как убийца уносится прочь, держа в пасти оторванную ногу девушки. Он передвигался большими скачками. Это был не человек. Но гуртовщики утверждали, что он бежал на двух ногах.

Джейми сплюнул на землю.

— Так не бывает.

— Ванней говорит, что бывает. Говорит, что-то похожее было и раньше, правда, довольно давно. Он считает, что это какая-то особая мутация.

— И все эти свидетели видели разных животных?

— Да, гуртовщики описали его как тигра. У него были полосы.

— Львы и тигры бегают по округе на задних лапах, как дрессированные животные в бродячем цирке. При том, что в этих краях никаких львов и тигров сроду не водилось. Ты уверен, что нам не морочат голову?

Я был еще слишком молод, чтобы быть уверенным в чем бы то ни было, но одно я знал твердо: в такое тревожное время никто не станет посылать юных стрелков на запад — пусть и не дальше Дебарии — исключительно ради шутки. Тем более что Стивен Дискейн шутником явно не был, даже в лучшие времена.

— Я лишь пересказываю, что сказал мне Ванней. Гуртовщики, которые привезли в город останки той юной пары Мэнни, даже *не слышали* о таком звере, как тигр. Но по их описаниям, именно тигр и получался. Вот тут все свидетельские показания. — Я достал из кармана два сложенных листа бумаги, которые дал мне Ванней. — Хочешь сам почитать?

— В чтении я не силен, как ты знаешь, — сказал Джейми.

— Ладно. Тогда поверь мне на слово. Их описание в точности совпадает с картинкой в одной книге сказок. К той части, где мальчик попал в стыловей.

— А что за сказка?

— Сказка про мальчика по имени Тим. «Ветер сквозь замочную скважину». Но это так, к слову. К делу не относится. Я понимаю, что гуртовщики наверняка были пьяны. Они всегда напиваются, когда проходят через города, где продают спиртное. Но если их показания правдивы, Ванней говорит, что это не просто оборотень, который меняет *облик*. Он меняет еще и *личины*. Превращается в разных зверей.

— Говоришь, двадцать три жертвы?

Поднялся ветер, погнал поземку соляной пыли. Лошади забеспокоились. Мы с Джейми подняли шейные платки, закрыли рты и носы.

— Жарко, — пробурчал Джейми. — Да еще эта проклятая пыль.

После этого он замолчал, как будто решив, что и так слишком разговаривался. Меня это устраивало. Мне нужно было о многом подумать.

Так мы ехали около часа, потом поднялись на вершину холма и увидели внизу белую *гаси* размером с баронское поместье, с большим садом и виноградником, спускавшимся к маленькой узкой речке. Я сглотнул слюну. В последний раз я ел виноград, когда у меня еще волосы не росли под мышками.

Высокие толстые стены *гаси* были усыпаны битым стеклом, но ворота стояли распахнутыми, словно приглашая войти. Перед воротами — в кресле, похожем на трон — сидела женщина в белом муслиновом платье с капюшоном из белого шелка, сверкавшим на солнце, как крылья чайки. Когда мы подъехали ближе, я увидел, что кресло сделано из железного дерева. Впрочем, никакое другое кресло — разве что отлитое из металла — и не выдержало бы эту женщину. Это была самая крупная из всех женщин, которых я видел в жизни. Настоящая великанша, под стать легендарному Давиду Шуструму, некоронованному принцу воров.

На коленях женщина держала какое-то рукоделие. Похоже, она вязала одеяло или накидку, но рядом с ее великанским телом и могучими грудями, каждая из которых могла бы закрыть от солнца полугодовалого младенца, ее изделие казалось размером с носовой платок. Она заметила нас, отложила работу и встала. Росту в ней было шесть с половиной футов, если не

больше. Здесь, в низине, ветер дул послабее, но белые одежды женщины все равно хлопали, как паруса. Тонкие юбки прижались к телу, обрисовав крепкие стройные бедра. Мне вспомнились слова машиниста: *Эти женщины едят мужчин*. Но когда великанша поднесла одну руку ко лбу, а другой приподняла юбку, приседая в глубоком реверансе, я все равно натянул поводья и остановил коня.

— Хайл, стрелки, — сказала она. У нее был низкий раскатистый голос, почти что мужской баритон, но мягче и женственнее. — От имени Ясной обители и женщин, нашедших приют в этих стенах, я приветствую вас. Пусть ваши дни на земле будут долгими.

Мы тоже поднесли ко лбу кулаки и пожелали ей того же вдвойне.

— Вы приехали из Внутреннего мира? Да, наверное. Таких неиспорченных юношей в здешних краях и не водится. Хотя вас тут быстро научат плохому. Если задержитесь больше чем на день. — Она рассмеялась. Как будто гром прогремел вдалеке.

— Мы задержимся, да, — ответил я.

Я уже понял, что Джейми не скажет ни слова. Он всегда был молчуном, а теперь и вовсе язык проглотил, так его потрясла эта встреча. Тень великанши лежала на белой стене — огромная, как сам лорд Перт.

— За шкуровертом приехали?

— Да, — подтвердил я. — Вы сами его видели; этого человека, или только слышали о нем от других? Если только слышали, то мы скажем спасибо и поедем своей дорогой.

— Это не человек.

Я не знал что ответить и только молча смотрел на женщину. Ее голова была почти вровень с моей, хотя она стояла на земле, а я сидел верхом на коне.

— Это чудовище, — пояснила она. — Тварь из Глубоких расселин. Это уж наверняка. Так же верно, как и то, что вы двое служите Эльду и Белизне. Быть может, когда-то он был человеком. Но теперь — нет. Да, я его видела. И я видела, что он творит. Подождите минутку, не уезжайте, и вы тоже увидите.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и вошла в распахнутые ворота. В своем белом муслиновом платье она была словно парусник, подгоняемый ветром. Я взглянул на Джейми. Тот пожал плечами и кивнул. В конце концов, затем мы сюда и приехали, чтобы разобраться с оборотнем, а машинист подождет помощи чуть подольше, только и всего.

— ЭЛЛЕН! — крикнула великанша. На полной громкости ее голос звучал так, словно она кричала в мегафон. — КЛЕММА! БРИАННА! НЕСИТЕ СЮДА УТОЩЕНИЕ! МЯСО, ХЛЕБ, ЭЛЬ — ТОЛЬКО СВЕТЛЫЙ, НЕ ТЕМНЫЙ! НЕСИТЕ СТОЛ! СТУЛЬЯ! И СКАТЕРТЫ! СКАТЕРТЬ НЕ ЗАБУДЬТЕ! ПОЗОВИТЕ ФОРТУНУ! ПУСТЬ СЕЙЧАС ЖЕ ИДЕТ СЮДА! И ДАВАЙТЕ БЫСТРЕЕ!

Отдав приказания, она вернулась к нам, приподнимая подол белоснежного платья, чтобы не испачкать его в соляной пыли, овевавшей ее черные туфли-лодочки какого-то совершенно невообразимого размера.

— Леди-сэй, мы вам искренне благодарны за предложенное гостеприимство, но нам действительно нужно...

— Что вам нужно, так это поесть, — перебила она меня. — Мы накроем стол здесь, у дороги, чтобы у вас не пропал аппетит и не расстроилось пищеварение. Я знаю, что говорят о нас в Гилеаде. Мы все это знаем. Мужчины так говорят обо всех независимых женщи-

нах, умеющих обходиться своими силами. Потому что мужчинам не нравится сомневаться в силе и ценности своих молоточков.

— Мы ничего такого не слышали...

Она рассмеялась, и ее грудь заколыхалась, как море.

— Ты очень вежливый и обходительный юный стрелок, но старую тетку не проведешь. Не бойтесь, мы вас не съедем. — В ее глазах, таких же черных, как туфли, зажегся озорной огонек. — Хотя вы, наверное, вкусные. Я Эверлина из Ясной обители. Мать-настоятельница, милостью Господа и Человека Иисуса.

— Роланд из Гилеада, — представился я. — А это Джейми, тоже из Гилеада.

Джейми поклонился в седле.

Она снова сделала реверанс и на этот раз склонила голову так низко, что края шелкового капюшона на миг сомкнулись у нее перед лицом, словно белые занавески. Потом она выпрямилась и обернулась к воротам, откуда как раз выходила миниатюрная женщина. Хотя, может быть, она была нормального роста. Может быть, она просто казалась крошечной рядом с Эверлиной. На ней было серое платье из грубого хлопка. Руки скрещены на груди, кисти спрятаны в рукавах. Капюшона она не носила, но мы все равно видели лишь половину ее лица. Вторую половину скрывал толстый слой бинтов. Женщина сделала нам реверанс, а потом съехала и отступила назад, словно пытаясь спрятаться за широкой спиной настоятельницы.

— Подними голову, Фортуна, и поздоровайся с этими юными джентльменами как положено.

Она подняла голову, и я понял, почему она не хотела этого делать. Бинты скрывали ее нос не полностью, и было видно, что от правой его половины

почти ничего не осталось. На месте ноздри зияла красная дыра.

— Хайл, — прошептала Фортуна. — Пусть ваши дни на земле будут долгими.

— А твои пусть будут дольше вдвойне, — сказал Джейми.

Судя по скорбному взгляду девушки, она очень надеялась, что его пожелание не сбудется.

— Расскажи им, что произошло, — велела Эверлина. — Расскажи все, что помнишь.

— Это обязательно, матушка?

— Да. Им надо знать. Они приехали для того, чтобы с этим покончить.

Фортуна с сомнением посмотрела на нас, потом опять обратилась к своей настоятельнице:

— А они смогут? Они с виду такие юные.

Потом она сообразила, как это было невежливо, и ее щека, не скрытая под бинтами, залилась густой краской. Девушка вдруг пошатнулась, и Эверлина приобняла ее за плечи. Было сразу понятно, что Фортуна получила серьезные травмы, от которых оправится еще не скоро. Думаю, больше всего пострадало лицо, хотя на теле могли быть и другие раны, спрятанные под широким плотным одеянием, скрывавшим фигуру от шеи до пят.

Девушка рассказала нам все, что помнила. Пока она говорила, из ворот вышли другие сестры Ясной обители. Вынесли стол и стулья, еду и напитки. Кушанья были явно получше тех, что нам подавали в поезде, — и пахли вкуснее, и смотрелись значительно аппетитнее, — однако к тому времени, когда Фортуна закончила свой короткий, но страшный рассказ, у меня напрочь пропал аппетит. И у Джейми, наверное, тоже, если судить по его лицу.

Это случилось две недели назад. Уже смеркалось, Фортуна и еще одна из сестер, Долорес, вышли, чтобы набрать воды из колодца и закрыть ворота на ночь. Фортуна несла ведро — и поэтому осталась в живых. Когда Долорес закрывала ворота, снаружи из темноты выпрыгнуло чудовище, схватило девушку и откусило ей голову. Фортуна сказала, что разглядела чудовище очень хорошо, потому что на небе стояла полная Мешочная луна. Это был зверь, но стоявший на двух ногах. Ростом выше человека, покрытый чешуей, с длинным хвостом, волочившимся по земле. Плоская голова. Желтые глаза с вертикальными черными зрачками. Длинные челюсти, острые зубы, каждый — длиной с кисть руки взрослого человека. Зубы, испачканные в крови несчастной Долорес. Чудовище бросило обезглавленное тело на землю и побежало, переваливаясь на коротких толстых ногах, к колодцу, где стояла Фортуна.

— Я бросилась бежать... Оно схватило меня... И больше я ничего не помню.

— Я помню, — сурово проговорила Эверлина. — Я услышала крики и выбежала во двор с ружьем. У нас есть ружье, дробовик. С длинным стволом и раструбом на конце. В последний раз его заряжали еще в незапамятные времена, и никому из нас не доводилось из него стрелять. Я даже не знала, как он себя поведет. Он вполне мог взорваться у меня в руках. Но я увидела, как это чудовище терзает зубами лицо Фортуну. И увидела еще кое-что. И вот тогда выстрелила не задумываясь. Мне даже не пришло в голову, что я могу промахнуться и попасть не в чудовище, а в Фортуну. Я могла ее убить.

— Лучше бы так и случилось, — прошептала Фортуна. — Лучше бы ты убила меня.

Она села на стул у принесенного сестрами стола и разрыдалась, закрыв руками лицо.

— Не надо так говорить, — сказала Эверлина и погладила девушку по волосам, с той стороны головы, которую не закрывали бинты. — Так нельзя говорить. Это богохульство.

— Вы попали в это чудовище? — спросил я.

— Да, задела слегка. Одна дробинка, а может, и несколько попали ему в голову, сорвали пару чешуйчатых шишек. Из-под них потекло что-то черное и густое, как деготь. Мы потом нашли пятна на мостовой и сразу засыпали их песком. Даже не трогали. Кто знает, а вдруг они ядовитые, и яд проникает сквозь кожу. Чудовище отшвырнуло Фортуну, и мне показалось, что оно сейчас набросится на меня. Я держала его на прицеле, хотя это ружье может выстрелить только раз, а потом его надо опять заряжать порохом и дробью. Я сказала чудовищу, чтобы оно подошло поближе. Сказала, что подожду, пока оно не подойдет совсем близко, чтобы дробь не рассеялась. — Она отвернулась в сторону и сплюнула в пыль. — Наверное, у него все же есть разум. Даже в зверином облике. Потому что оно услышало меня, поняло и убежало. Но прежде чем выскочить из ворот, оно обернулось и посмотрело прямо на меня. Словно хотело запомнить. Ну и пусть его. Я не боюсь. Дроби у меня больше нет и не будет, разве что у кого-нибудь из торговцев найдется запас. Но у меня есть вот что.

Она приподняла юбку до колена, и мы увидели огромный мясницкий нож в ножнах из сыромятной кожи, прикрепленных к ноге.

— Так что пусть он приходит за Эверлиной, дочерью Розанны.

— Вы говорили, что видели что-то еще, — сказал я.

Эверлина внимательно посмотрела на меня, потом повернулась к женщинам:

— Клемма, Бриана, накрывайте на стол. А ты, Фортуна, молись. И не забудь испросить у Господа прощения за свое богохульство. И поблаговари Его за то, что твое сердце все еще бьется в груди.

Эверлина схватила меня за локоть и провела через ворота на территорию обители — к колодцу, у которого бедняжка Фортуна чуть не распрощалась с жизнью. Здесь мы были одни, и никто не мог нас подслушать.

— Я видела его член. — Эверлина понизила голос. — Длинный и загнутый, как кривая сабля. Он был огромный и напряженный, налитый черной кровью... или что там у него вместо крови в *этом* обличье. Он собирался убить ее, да. Как Долорес. Но еще он собирался ее изнасиловать. Причем именно в таком порядке: сначала убить, а потом изнасиловать.

Мы с Джейми отобедали в компании сестер из Ясной обители — даже Фортуна чуть-чуть поела, — потом сели на лошадей и уже собрались ехать в город, но тут ко мне подошла Эверлина.

— Когда закончите со своими делами, на обратном пути загляни ко мне. У меня для тебя кое-что есть, — сказала она.

— Что именно, сэй?

Она покачала головой:

— Всеу свое время. Но когда вы разделаетесь с этой тварью, приезжай сюда. — Она взяла мою руку, поднесла к губам и поцеловала. — Я знаю, кто ты, ибо жизнь твоей матери продолжается в облике сына. Я буду ждать тебя, Роланд, сын Габриэль. Приезжай непременно.

Я не успел ничего ответить. Эверлина отступила и скрылась в воротах обители.

Главная улица Дебарии оказалась довольно широкой и даже вымощенной каменными плитами, хотя во многих местах мостовая раскрошилась, и из-под нее проглядывал утрамбованный грунт. Торговые лавки работали. Судя по звукам, доносившимся из салунов, питейные заведения в городе процветали. А вот лошадей и мулов там было мало, раз-два и обчелся. Мы заметили лишь нескольких, стоявших у коновязи на улице. В тех краях скот держали ради торговли и ради мяса, а не для того чтобы ездить верхом.

Женщина, вышедшая из лавки с корзинкой в руках, увидела нас и уставилась во все глаза. Потом метнулась обратно, и наружу вышли еще несколько человек. К тому времени, когда мы добрались до конторы старшего шерифа — маленькой деревянной пристройки рядом с большим каменным зданием городской тюрьмы, — зеваки выстроились двумя рядами по обеим сторонам улицы.

— Убивать шкуроверта приехали?! — крикнула дама с корзинкой.

— Да куда им, зеленым? Эти мальцы графин водки и тот не прибьют! — крикнул в ответ мужчина, стоявший перед входом в салун «Развеселые парни». Раздался дружный смех. Шутку одобрили.

— А городок-то вполне оживленный, — заметил Джейми, слезая с коня. Он оглянулся на небольшую толпу из сорока или даже пятидесяти горожан и горожанок, отложивших свои дела (и свои развлечения), чтобы поглазеть на нас.

— Когда стемнеет, все будет иначе, — ответил я. — Оборотни охотятся по ночам. То есть так говорит Ванней.

Мы вошли в контору, где нас встретил старший шериф Хью Пиви, оказавшийся крупным мужчиной с большим выпирающим животом, длинными белыми волосами и обвисшими усами. Лицо — в глубоких морщинах, сосредоточенное, измученное многочисленными заботами. Он увидел наши револьверы и вздохнул с облегчением. Потом увидел наши юные безбородые лица и снова нахмурился. Вытер чернила с кончика перьевой ручки, которой писал, когда мы вошли, поднялся из-за стола и протянул руку для рукопожатия. Никаких официальных поклонов, никаких кулаков, поднесенных ко лбу.

Когда мы представились, он сказал:

— Не хочу вас обидеть, юные джентльмены, ни в коем случае не умаляю ваших достоинств, но я надеялся, что приедет сам Стивен Дискейн. И может быть, Питер Маквриес.

— Маквриес умер три года назад, — сказал я.

Пиви потрясенно уставился на меня.

— Как же так — умер? Такой был стрелок... Просто отменный стрелок.

— Умер от лихорадки. — Я не стал уточнять, что лихорадка скорее всего была вызвана ядом. Старшему шерифу Дебарии на границе Внешнего мира вовсе не обязательно это знать. — А Стивен занят другими делами и потому прислал меня. Я его сын.

— Да-да, мы тут наслышаны о тебе и твоих подвигах в Меджисе. Новости сюда доходят. У нас есть телеграф и даже телефон. — Он указал на аппарат, висевший на стене. Под ним была прибита табличка: «БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ТРОГАТЬ!» — Раньше связь была и с Гилеадом. Но теперь — только с Салливудом на юге, с Джефферсоном на севере и с деревней в предгорье. Называется Малая Дебария. У нас даже есть несколь-

ко уличных фонарей, которые работают до сих пор. И лампы в них не керосиновые и не газовые, а настоящие искровые. Горожане уверены, что их свет отпугивает эту тварь. — Шериф Пиви тяжело вздохнул. — А вот я не уверен. Нехорошо это все, юные джентльмены. Очень плохо. Иногда у меня возникает такое чувство, будто мир еле держится на разболтавшихся креплениях. Будто он уже начал разваливаться.

— Так и есть, — сказал я. — Но если крепления разболтались, шериф, их можно опять закрепить.

— Да, пожалуй. — Он кашлянул, прочищая горло. — А теперь... не считите за неуважение, юные джентльмены, я знаю, что вы — это именно вы... но мне был обещан сигул. Если вы привезли сигул, я его заберу. Он для меня много значит.

Я открыл сумку и достал маленькую деревянную шкатулку с оттиском личной печати отца на крышке: буква «С» внутри буквы «Д». Пиви взял у меня шкатулку, и уголки его рта под усами чуть приподнялись в почти незаметной улыбке. Мне показалось, что это была улыбка узнавания, и она убавила шерифу сразу несколько лет.

— Ты знаешь, что там внутри?

— Нет. — Меня не просили смотреть.

Пиви открыл шкатулку, заглянул внутрь, затем поднял глаза на меня и Джейми.

— Когда я был еще только помощником шерифа, Стивен Дискейн собрал отряд — там был я, и тогдашний шериф, и еще семь человек — и повел нас брать банду Ворона. Отец не рассказывал тебе о Воронах?

Я покачал головой.

— Это, конечно, не шкурверт, но потрудиться все равно пришлось. Вороны промышляли грабежом, и не только в Дебарии, но и по всем окрестным фермам.

Грабили и поезда, если там было что грабить. Но в основном похищали людей ради выкупа. Преступление, подходящее для трусливых мерзавцев — я слышал, Фарсон имеет склонность к таким делам, — зато приносит хорошие барыши.

Они похитили жену фермера, Белинду Долин. Твой отец прибыл в город уже на следующий день. Ее муж позвонил по телефону, как только бандиты ушли. Его связали, но он сумел освободиться. Вороны не знали про телефон, это их и сгубило. Конечно, нам повезло, что поблизости оказался стрелок, объезжавший дозором здешние края. В те времена стрелки всегда появлялись там, где они были нужны. И когда были нужны.

Он посмотрел на нас с Джейми.

— Может, оно и по-прежнему так. Как бы то ни было, мы прибыли на ферму, где побывали бандиты, что называется, по горячим следам. Будь мы одни, точно потеряли бы след... тут дальше к северу — сплошной твердый грунт... но у твоего отца зоркий глаз. Ты не согласишься! Как у ястреба, как у орла!

Я знал про острое зрение отца и про его мастерство следопыта. Также я знал, что эта история скорее всего не имеет отношения к нашему делу. Наверное, мне надо было сказать шерифу, чтобы он не отвлекался и говорил по существу. Но отец никогда не рассказывал о своей юности, и мне хотелось послушать. *Очень* хотелось. И, как потом оказалось, эта история все же имела касательство к нашему делу в Дебарии.

— Следы вели в направлении соляных копей. Местные называют их соляным домом. Шахты в то время стояли заброшенными. Это было еще до того, как обнаружили новую залежь. Двадцать лет тому назад.

— Залезь? — не понял Джейми.

— Месторождение, — пояснил я. — Он имеет в виду новое месторождение.

— Да, все верно. Но тогда шахты стояли заброшенными, и там скрывалось всякое отребье типа этих Воронов. След вел по равнинам, потом уходил в горы, к Нижним луговинам. Это такие луга в предгорье, под соляным домом. Именно на луговинах и был убит тот пастух. На него напал зверь, похожий...

— Похожий на волка, — перебил я шерифа. — Это мы знаем. Давайте дальше.

— Вы, я смотрю, хорошо информированы. Оно и правильно, так и надо. На чем я там остановился? А, да... следы вели к скоплению скал, которое теперь называют Кровавым ручьем. Вообще-то там нет никакого ручья, но вот кто-то назвал — так с тех пор и пошло. Следы вели прямо туда, но Дискейн решил сделать крюк и зайти с востока. Со стороны Верхних луговин. Тогдашний шериф, Пи Андерсон, был против. Возбужденный, как птица, приметившая червяка, он хотел сделать все быстро. Ему не терпелось скорее покончить со всем этим делом. Сказал, путь в обход займет трое суток, не меньше, и к тому времени женщина будет уже мертва, а самих Воронов и след простынет. Сказал, что пойдет напрямик. Пойдет один, если его никто не поддержит. «Разве что ты прикажешь мне именем Гилеада, и тогда мне придется тебе подчиниться», — говорит он твоему отцу. «Приказывать я ничего не буду, — отвечает Дискейн. — Дебария — это твоя ответственность, а у меня есть своя».

Все наши решили идти с шерифом. А я остался с твоим отцом. Шериф Андерсон повернулся ко мне в седле и сказал: «Надеюсь, на фермах еще нанимают работников, Хью, потому что, когда мы вернемся, ты

положишь на стол свой шерифский значок. Больше ты у меня не работаешь».

Это были последние слова, которые я от него слышал. Когда наши уехали, Стивен из Гилеада спешился, присел на корточки и как будто о чем-то задумался. Я присел рядом с ним. Так, в полном молчании, прошло полчаса. может, больше. Наконец я не выдержал и сказал: «Мы вроде бы собирались идти в обход... или ты тоже меня увольняешь?» «Нет, помощник шерифа, — ответил он. — Это не мое дело — тебя увольнять». — «Тогда чего мы ждем?» — «Когда начнется стрельба».

Не прошло и пяти минут, как мы услышали грохот выстрелов. И крики. Продолжалось все это недолго. Вороны знали, что мы их преследуем. Может быть, их внимание привлек солнечный блик на пряжке кого-то из наших. Или на металлической отделке седла. А Папа Ворон был далеко не дурак. В общем, они устроили нам засаду. Укрылись в тех скалах и расстреляли всех наших, Андерсона и ребят. В те времена огнестрельного оружия было больше, и Вороны вооружились неслабо. У них даже был скорострел. Может, и не один.

Ну а мы, как собирались, пошли в обход. Уложились в два дня, потому что Стивен Дискейн очень спешил. На третий день мы заночевали на склоне и проснулись еще до рассвета. Вы, наверное, не знаете... да и откуда вам знать... что соляные дома — это просто пещеры в скалах. Они оборудованы под жилье. Там жили и сами рабочие, и все их семьи. Ходы к залежам соли начинаются прямо в пещерах — и ведут в толщу скал. Как я уже говорил, в те времена копи были заброшены. Но мы увидели дым, идущий из вентиляционного отверстия над одной из пещер. С тем же успе-

хом там мог бы стоять шатер бродячего цирка с зазывалой у входа, мол, вот они мы, заходите, люди добрые.

«Вот сейчас и пойдем, — сказал Стивен. — Они были уверены, что им ничего не грозит, и наверняка пили, не просыхая, все эти два дня. И вчера вечером тоже. А сейчас отсыпаются после пьянки. Ты со мной?» «Да, стрелок. Я с тобой», — ответил я.

Произнося эти слова, Пиви безотчетно расправил плечи. Он и вправду помолодел.

— Мы подкрались к пещере, — продолжил он свой рассказ. — Последние полсотни ярдов — чуть ли не ползком. Твой отец держал револьвер наготове. На случай если бандиты поставили часового. Они и поставили, да. Сопливого мальчишку, который дрых на посту. Дискейн ударил его камнем по голове. Потом я видел этого сопляка на городской площади. Он стоял под виселицей с петлей на шее, штаны в дерьме, сам весь в слезах. Ему было всего четырнадцать, однако он не пропустил своей очереди, когда бандиты глумились над сэй Долин — над похищенной женщиной, которая ему в бабки годилась. Так что я не проронил ни слезинки, когда веревка затянулась на его шее. За соль надо платить, как говорят в здешних краях.

Стрелок пробрался в пещеру первым, я — следом за ним. Бандиты лежали вповалку и храпели, как псы. Да это и были не люди, а псы. Белинда Долин стояла привязанной к столбу. Она увидела нас, и ее глаза широко распахнулись. Стивен Дискейн указал пальцем сначала на нее, потом на себя, сложил ладони перед собой и еще раз указал на Белинду. Этот знак означал: *Ты в безопасности*. Она поняла и кивнула. Я никогда не забуду, с какой благодарностью она посмотрела на твоего отца. *Ты в безопасности* — это слова из того

мира, в котором мы выросли. И от которого теперь почти ничего не осталось.

А потом Стивен Дискейн говорит: «Просыпайся, Аллан Ворон. Просыпайся, если не хочешь прийти на пустошь в конце тропы с закрытыми глазами. Просыпайтесь, вы все».

И они проснулись. Он не собирался брать их живыми — это, как вы наверняка понимаете, было бы форменное безумие, — но не стал бы убивать спящими. Однако проснулись они ненадолго. Стивен вытащил револьверы. Молниеносно. Я даже не уловил никакого движения. Вот он просто стоит, а вот уже держит в обеих руках револьверы... такие большие, с рукоятками из сандалового дерева... и стреляет с двух рук. В этом замкнутом пространстве выстрелы грохотали, как гром. Я тоже вытащил свой старенький револьвер, доставшийся мне от деда, и уложил двоих бандитов. Прежде мне не доводилось стрелять в людей. Это был мой первый раз. К сожалению, далеко не последний.

Не прошло и минуты, как из всей банды в живых остался лишь сам Папа Ворон... Аллан Ворон. Он был уже старый, весь скрюченный, и половина лица у него была парализована после инсульта или чего-то такого, но он, старый бес, все равно среагировал мгновенно. Спал полураздетый, в одном исподнем, а его пистолет был засунут в сапог под койкой. Папа Ворон схватил пистолет и обернулся к нам. Стивен его застрелил, но старый мерзавец успел сделать несколько выстрелов. Он промахнулся, но...

Пиви, который в те времена, о каких шел рассказ, был не старше нас с Джейми, открыл шкатулку, на мгновение о чем-то задумался, глядя на то, что лежало внутри, потом поднял глаза на меня. В уголках его рта,

спрятанная под усами, притаилась все та же улыбка узнавания.

— Ты видел шрам на руке у отца, Роланд? Вот здесь. — Он прикоснулся к своей руке чуть выше сгиба локтя.

Тело отца было размечено шрамами, словно карта — значками, и я хорошо знал эту карту. Шрам над внутренним сгибом локтя представлял собой глубокую ямку, чем-то похожую на ямочки в уголках рта шерифа Пиви, не совсем скрытые усами, когда он улыбался.

— Последняя пуля Ворона срикошетила от стены над столбом, к которому была привязана Белинда Долин.

Шериф Пиви повернул шкатулку так, чтобы мне было видно, что лежит внутри. Там была пуля. Большая, крупного калибра.

— Я ее выковырял из руки твоего отца. Охотничьим ножом. Отдал ему. Он сказал мне спасибо. И еще он сказал, что когда-нибудь вернет ее мне. И вот она у меня. Ка — колесо, сэй Дискейн.

— Вы кому-то рассказывали эту историю? — спросил я. — Я об этом впервые слышу.

— О том, что я достал пулю из плоти истинного потомка Артура? Эльда Эльдского? Никому не рассказывал. До сего дня — никому. Да и кто бы пове-рил?

— Я верю, — сказал я. — И благодарю вас от всего сердца. У него могло быть заражение.

— Это вряд ли, — усмехнулся Пиви. — Только не у него. Кровь Эльда крепка, ее не отравишь так просто. И если бы меня там убили... или если бы мне не хватило духу... он бы сам вынул пулю. А когда мы вернулись в город, Стивен Дискейн представил все так,

будто ликвидация банды Ворона — это по большей части моя заслуга, и меня выбрали старшим шерифом. Вот с тех пор и шерифствую. Но скоро уйду на покой. Этот шкуроверт меня доконает. Я видел достаточно крови и терпеть не могу всякие тайны.

— Кто займет твоё место? — спросил я.

Похоже, вопрос удивил шерифа.

— Наверное, никто. Копи уже истощаются, через пару лет снова закроются. На этот раз — навсегда. И железная дорога продержится немногим дольше. Так что скоро Дебарни придет конец. А ведь еще во времена наших дедов это был славный маленький городок. Тот курятник, святая обитель, которую вы, думается, проезжали по дороге сюда, — вот она, может, и устоит. А все остальное пойдет прахом.

— А до тех пор? — спросил Джейми, явно встревоженный.

— Пусть фермеры, наемные работники, шлюхи с их сутенерами и игроки отправляются в ад своей собственной дорогой. Не моя это забота. Во всяком случае, скоро уж точно будет не моя. Но я не могу уйти на покой, пока не будет закончено дело со шкуровертом. Так или иначе, но его надо закончить.

— Этот шкуроверт напал на одну из сестер Ясной обители, — сказал я. — Изуродовал ей все лицо.

— Вы там были, как я понимаю?

— Женщины напуганы. — Я вспомнил мясницкий нож, прикрепленный к ноге толщиной со ствол молодой березы. — Все, кроме матери-настоятельницы.

Шериф хохотнул.

— Да, Эверлина — она такая. Самому дьяволу в рожу плюнет. А если он заберет ее к себе в Нис, и месяца, думается, не пройдет, как она будет всем заправлять в царстве мертвых.

— У вас есть какие-то догадки, кем может быть шкуроверт, когда он в человеческом облике? — спросил я. — Если есть, скажите. Все же Дебария — это ваша ответственность, как сказал мой отец шерифу Андерсону.

— Имени я вам назвать не смогу, если ты об этом. Но может, чем-то и подсоблю. Идите за мной.

Он провел нас через арку в здание городской тюрьмы, сооруженное в форме буквы «Т». Я насчитал восемь больших общих камер, расположенных вдоль центрального прохода, и дюжину маленьких, одиночных, на поперечной перекладине. Все они пустовали. Все, кроме «одиночки», в которой на соломенном тюфяке храпел какой-то пьянчуга. Дверь в его камеру была открыта.

— Когда-то все эти камеры бывали набиты битком по пятничным и субботним вечерам, — сказал Пиви. — Пьяные гуртовщики и работники с ферм, все они тут отдыхали. А теперь ночью никто не гуляет. Все сидят дома, по своим ночлежкам. Даже по пятницам и субботам. Никто не хочет встретиться со шкуровертом, возвращаясь домой после пьянки.

— А рабочие с соляных копей? — спросил Джейми. — Они тоже здесь отдыхают?

— Бывает, да. Но нечасто. У них там свои заведения, в Малой Дебарии. Аж два салуна. Злачные, надо сказать, места. Когда здешние шлюхи из «Развеселых парней», «Пышки» или «Невезухи» становятся староваты, чтобы привлечь клиентуру... или насквозь прогнивают от всяких болезней... в общем, они перебираются в Малую Дебарию. А солянщики надерутся своей «Белой жути», и им вроде как все равно, есть нос у шлюхи или нет — главное, чтобы у нее было то самое.

— Мило, — пробормотал Джейми.

Пиви открыл одну из больших камер:

— Заходите, ребята. Бумаги у меня нет. Однако есть мел, а тут — хорошая ровная стена. И здесь нас никто не услышит. Разве что Соленый Сэм вдруг проснется. Но обычно он спит до заката.

Шериф достал из кармана довольно большой кусок мела и нарисовал на стене длинный прямоугольник с зазубринами на верхней стороне. Они были похожи на ряд перевернутых «V».

— Это у нас Дебария, — пояснил Пиви. — А это железная дорога. По ней вы приехали. — Он провел две длинные линии и быстро перечеркнул их короткими палочками. А я вспомнил о машинисте и старом буфетчике, который прислуживал нам в вагоне.

— Наш поезд сошел с рельсов, — сказал я. — Можете отправить туда рабочих, чтобы его поднять? У нас есть деньги. И мы с Джейми тоже не будем сидеть сложа руки.

— Не сегодня, — рассеянно отозвался Пиви. Он изучал свою карту. — Машинист остался там, у поезда?

— Да. Там машинист и еще один человек.

— Пошлю за ними повозку. Поручу это Келлину и Викке Фраям. Келлин — мой лучший помощник... есть еще двое, но от них толку мало... а Викка — его сын. Они заберут ваших людей и привезут в город до темноты. Время есть. Сейчас лето, дни длинные. А вы пока посмотрите сюда, ребята. Это железная дорога, а это Ясная обитель, где была изувечена та бедная девочка, о которой вы говорили. Как раз у Большого проезжего тракта. — Пиви изобразил Ясную обитель в виде маленького квадрата и вписал в него крестик. К северу от обители, ближе к зазубринам наверху кар-

ты, он поставил еще один крестик. — А здесь был убит Йон Карри, пастух.

Слева от этого второго крестика, почти на том же уровне — сразу под зазубринами наверху, — Пиви нарисовал третий крестик.

— Ферма Алоры. Семеро убитых.

Четвертый крестик — еще дальше влево и чуть выше.

— Ферма Тимберсмита на Верхних луговинах. Убито девять человек. Это там мы нашли голову мальчика, надетую на стойку забора. Там были следы.

— Волчьи? — спросил я.

Шериф покачал головой:

— Нет, похожие на следы большой кошки. Сначала. Потом они изменились. Сперва превратились в отпечатки копыт. А потом... — Пиви мрачно взглянул на нас. — В человеческие следы. Сначала — большие, как у великана. Но с каждым шагом они становились все меньше и меньше и в конце концов стали обычных размеров. Как бы там ни было, мы потеряли их, как только вышли на сланец. Твой отец, может, не потерял бы. Но его с нами не было.

Он продолжал размечать карту, а когда закончил, отступил в сторону, чтобы нам было лучше видно.

— Мне всегда говорили, что стрелков отличает не только твердая рука, но и умная голова. Ну и что вы на это скажете?

Джейми шагнул вперед между рядами соломенных тюфяков (эта камера явно была рассчитана на немалое число «постояльцев», которых сюда приводили, возможно, в изрядном подпитии) и провел пальцем по зазубринам наверху карты, слегка смазав белую линию.

— Соляные дома располагаются вдоль всего подножия гор?

— Да. Соляные горы, так они и называются.

— А где Малая Дебария?

Пиви нарисовал еще один квадратик, обозначающий поселение солянщиков. Совсем рядом с крестиком, которым было отмечено место, где чудовище напало на нечестного игрока и его женщину... ведь они как раз и направлялись в Малую Дебарию.

Еще пару минут Джейми внимательно изучал карту, потом кивнул и сказал:

— Похоже, что шкуроверт — кто-то из солянщиков. Вы тоже так думаете?

— Да. Кто-то из солянщиков. Хотя среди них тоже есть пострадавшие. Однако это имеет смысл — насколько вообще что-то может иметь хоть какой-то смысл в таком совершенно безумном деле. Новая залежь располагается глубже, чем старые, а всем известно, что глубоко в недрах земли водятся демоны. Может быть, кто-то из солянщиков случайно наткнулся на демона, разбудил его и, сам того не желая, натворил дел.

— И еще в недрах земли сохранились машины и всякие штуки, оставшиеся от Великих древних, — заметил я. — Среди них есть вполне безобидные, но есть и опасные. Может, какой-то из этих древних... как они называются, Джейми?

— Артефакты, — подсказал он.

— Да, вот они. Может быть, это все из-за них. Может быть, этот парень нам все расскажет. Если получится взять его живым.

— Это вряд ли, — проворчал Пиви.

Но лично я думал, что шанс у нас есть. Если мы сможем вычислить шкуроверта и прийти за ним днем.

— А сколько всего человек работает на соляных копиях? — спросил я.

— Не так много, как в прежние времена. Потому что сейчас в разработке всего одна залежь. Я бы сказал, человек... двести, не больше.

Мы с Джейми переглянулись, и я заметил в его глазах искорку смеха.

— Плевое дело, Роланд, — сказал он. — Мы успеем их всех допросить как раз к празднику Жатвы. Если поторопимся.

Насчет праздника Жатвы — это было, конечно, преувеличение, но мне все равно стало невесело. При таком положении дел нам пришлось бы задержаться в Дебарии как минимум на две-три недели. И потом, где гарантия, что мы сможем вычислить шкуроверта, даже если он будет сидеть перед нами во время допроса? Может, он мастерски нам солжет, а может, ему просто нечего будет скрывать, потому что он даже не подозревает о том, во что превращается по ночам и что творит в этом ночном обличье. Я пожалел, что со мной нет Катберта, который умел видеть скрытые связи между вещами, на первый взгляд совершенно не связанными между собой; и что со мной нет Алена, наделенного даром «прикосновения» к чужому сознанию. Впрочем, и Джейми был вовсе не плох. В конце концов, именно он разглядел то, что я должен был разглядеть сам, ведь оно было прямо у меня перед носом. В одном я был полностью солидарен с шерифом Хью Пиви: я тоже терпеть не мог тайн и загадок. И не терплю до сих пор, в этом я не изменился, хотя и прошло столько лет. Я не умею разгадывать тайны. И никогда не умел; у меня ум по-другому устроен.

Когда мы вернулись обратно в контору шерифа, я сказал:

— Я должен задать вам три вопроса, шериф. Первый вопрос: будете ли вы так же открыты с нами, как мы — с вами? Второй вопрос...

— Второй вопрос: видите ли вы в нас тех, кто мы есть, и принимаете ли то, что мы делаем? И третий: просите ли вы у нас помощи и защиты? Шериф Пиви отвечает на все: да, да, да, а теперь, ребята, ради всего святого, переключайте мозги на работу, потому что прошло две недели с тех пор, как эта тварь объявлялась у Ясной обители, и в тот раз ей не дали наесться, а это значит, что шкуроверт скоро снова пойдет на охоту.

— Он охотится только ночью, — сказал Джейми. — Вы в этом уверены?

— Я уверен.

— А его нападения как-то связаны с фазами луны? — спросил я. — Потому что советник моего отца... и наш бывший учитель... он говорит, что в древних легендах...

— Я знаю легенды, сэй, но в данном случае они не правы. В том, что касается этого конкретного существа. Иногда оно нападает в полнолуние. В Ясной обители оно появилось при полной Мешочной луне, все в чешуе и наростах, как аллигатор из Длинных соляных болот. А на ферму Тимберсмита пришло в новолуние. Тут раз на раз не приходится, как бы мне ни хотелось сказать иначе. Но больше всего я хочу поскорее закончить со всем этим делом, пока нам опять не пришлось собирать по кустам еще чьи-то кишки и снимать детские головы со стоек забора. Вас прислали сюда нам на помощь, и я очень надеюсь, что вы сумеете нам помочь... хотя у меня есть сомнения.

Я спросил, есть ли в Дебарии хороший отель или пансион, и шериф хмыкнул в ответ.

— Последний пансион держала вдова Брейлли. Два года назад какой-то пьяный бродяга из пришлых попытался ее изнасиловать в ее же собственном доме. Но она была женщиной крепкой и в обиду себя не давала. Она все поняла по его глазам и припрятала под передником нож. Перерезала горло насильнику, раз — и все. Стринги Боден, который был здесь судьей, пока не решил попытать счастья совсем в другой области и не заделался конезаводчиком на Дуте, рассмотрел ее дело за пять минут. Объявил ее невиновной, поскольку то была самозащита. Но леди решила, что с нее хватит Дебарии, села в поезд и уехала в Гилеад, где живет и здравствует до сих пор, я уверен. Через пару дней после ее отъезда какой-то пьяный фигляр поджег пансион. И там все сгорело дотла. Отель стоит до сих пор. Называется «Чудный вид». Вид там вовсе не чудный, а постели кишат клопами размером с жабы глаза. Лично я бы там спать не лег, разве что в полном латном облачении Артура Эльдского.

Вот так и вышло, что первую ночь в Дебарии мы с Джейми провели в общей камере городской тюрьмы, под нарисованной мелом картой шерифа Пиви. Соленого Сэма выпустили на волю, так что вся тюрьма осталась в нашем полном распоряжении. Снаружи поднялся ветер, дувший с соляных равнин на запад. Стоны ветра под свесом крыши вновь напомнили ту историю, что мама читала мне в детстве, сказку о мальчишке Тиме по прозвищу Храброе Сердце, попавшем в стыловей в Большом полесье, к северу от Нью-Ханаана. При одной только мысли о маленьком маль-

чике, который бродит один-одинешенек в этом огромном лесу, у меня все холодело внутри. Но мужество Тима всегда согревало мне душу. Сказки, услышанные нами в детстве, запоминаются на всю жизнь.

После того как особенно сильный порыв ветра (в Дебарии ветер был теплым, а не холодным, как стюловей) ударил в стену и бросил пригоршню соляной пыли сквозь забранное решеткой окно, Джейми заговорил. Лишь в редких случаях он начинал разговор первым.

— Ненавижу этот вой ветра. Теперь я, наверное, всю ночь не усну.

Мне самому нравилось, как шумит ветер. Этот звук всегда напоминал о старых добрых временах и далеких краях. Хотя, надо признаться, я бы как-нибудь обошелся без соляной пыли.

— И как нам искать эту тварь, Джейми? Надеюсь, у тебя есть какие-то мысли. Потому что у меня их нет.

— Надо поговорить с солянщиками. Для начала. Может, кто-нибудь видел парня, который тайком, весь в крови, возвращался в поселок. Голым. Ведь он же не мог возвращаться одетым, если, конечно, он не раздевается заранее.

Это дало мне надежду. Если тот, кого мы искали, знал о своих превращениях, он действительно мог раздеваться заранее, когда чувствовал приближение приступа, прятать одежду, а потом забирать. Однако если он сам не знал...

Это была тонкая ниточка, слабая, но иногда получается распутить все вязание, потянув и за слабую ниточку — если быть осторожным и постараться ее не порвать.

— Спокойной ночи, Роланд.

— Спокойной ночи, Джейми.

Я закрыл глаза и стал думать о маме. В тот год я часто ее вспоминал, но именно в эту ночь она вспомнилась мне не мертвой, а живой и красивой — какой была в моем детстве, когда сидела у моей постели в комнате с разноцветными витражными окнами и читала мне сказку на ночь.

— Смотри, Роланд, — говорила она. — Ушастики-путаники сидят в ряд и принохиваются. *Они* знают, правда?

— Да, — отвечал я. — Ушастики знают.

— А что они знают? — спрашивала женщина, которую мне суждено было убить. — Что они знают, солнышко?

— Они знают, что приближается стыловей, — отвечал я. К тому времени у меня уже начинали слипаться глаза, и через пару минут я засыпал под мелодичный мамин голос.

Как заснул и в ту ночь под завывание бури.

Я проснулся с первыми лучами рассвета. Меня разбудил резкий звук: *ДР-Р-Р! ДР-Р-Р! ДР-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р!*

Джейми лежал на спине и храпел. Я взял один из своих револьверов, вышел из камеры и побрел в направлении, откуда шел этот настойчивый звук. Это звонил телефон, которым так гордился шериф Пиви. Самого Пиви в конторе не было; он ушел спать домой. В такой ранний час кабинет пустовал.

Голый по пояс, с револьвером в руке, без сапог и без джинсов, в одном исподнем — в камере было жарко, и мы спали раздетыми, — я снял со стены слуховой рожок, приложил его к уху и наклонился поближе к переговорной трубке.

— Да? Алло?

— *Что за черт? Это кто?* — завопил голос в трубке так громко, что у меня заболело ухо. В него как будто вонзился гвоздь. У нас в Гилеаде были телефоны, из них около сотни еще работало, но ни один из наших аппаратов не передавал звуки так четко. Я поморщился и отодвинул рожок подальше. Однако мне все равно было слышно, что там говорили.

— *Алло! Алло! Вот же проклятая штука! АЛЛО!*

— Я вас слышу, — сказал я в трубку. — Не надо так громко, ради вашего отца.

— Это кто? — Голос стал чуть потише. Не намного, но все же. Теперь я смог поднести слуховой рожок чуть ближе к уху. Но не к *самому* уху. Мне хватило и одного раза.

— Помощник шерифа.

Мы с Джейми Декарри вовсе не претендовали на это звание, но самый простой ответ — он, как правило, и самый лучший. И *всегда* самый лучший, когда говоришь по телефону с паникующим человеком.

— А где шериф Пиви?

— Дома с женой. Сейчас пять утра, если не ошибаюсь. А то и пяти еще нет. Вы лучше скажите, кто вы такой, откуда звоните и что случилось.

— Это Канфилд, от Джефферсона. Я...

— От *какого* Джефферсона?

Я услышал шаги за спиной и обернулся, приподняв револьвер. Но это был Джейми, весь растрепанный после сна, с торчащими во все стороны хохолками. Он тоже держал в руке револьвер. И надел джинсы, хотя был босиком.

— С ранчо Джефферсона, придурок! Буди шерифа, и пусть он немедленно едет сюда. Здесь все мертвы. Джефферсон, его семья, повар, работники — все до единого. Повсюду кровь, море крови.

— Сколько их? — спросил я.

— Может, пятнадцать. А может, и двадцать. Откуда мне знать? — Канфилд с ранчо Джефферсона разрыдался. — Они все разорваны на куски. Тот, кто здесь побывал, почему-то не тронул собак. Двух собак, Розы и Мози. Пришлось их пристрелить. Они кровь лакали. И ели мозги.

Ранчо располагалось в десяти колесах от Дебарии, прямо на север от городка, в направлении Соляных гор. Мы выехали туда вместе с шерифом Пиви, Келлином Фраем — самым толковым помощником — и его сыном Виккой. Машинист, которого, как выяснилось, звали Тревис, тоже поехал с нами. Он ночевал в доме Фраев, и они позвали его с собой. Мы гнали лошадей во весь опор, но добрались до ранчо Джефферсона, только когда уже окончательно рассвело. Хорошо, что хоть ветер — заметно усилившийся к утру — дул нам в спину.

Пиви называл Канфилда «перекати-поле», что означало, что тот был бродячим ковбоем, нанимавшимся на работу на разных ранчо и нигде не задерживавшимся надолго. Некоторые из этих бродяг могли оказаться преступниками в бегах, но большинство были нормальными честными людьми — просто из тех парней, кому не сидится на месте. Когда мы въехали в широкие ворота с надписью «ДЖЕФФЕРСОН» белыми буквами, нас встретил сам Канфилд и еще двое ковбоев, его приятелей. Они сбились в тесную кучку у изгороди, окружавшей загон для скота рядом с хозяйским домом. В полумиле к северу, на вершине небольшого холма, стоял спальный барак для работников. С такого расстояния в глаза бросались лишь две детали, нарушавшие нормальный порядок вещей: дверь на

южном конце барака была распахнута настежь и раскачивалась на ветру. А в грязи перед домом лежали тела двух больших черных собак.

Мы спешили, и шериф Пиви пошел побеседовать с ковбоями, которые явно были рады нашему появлению.

— Ну здравствуй, Билл Канфилд. Вижу тебя очень хорошо, бродяга.

Самый высокий из трех ковбоев снял шляпу и прижал ее к груди обеими руками.

— Я не бродяга, уже не бродяга. Хотя, может, и да. Я не знаю. Какое-то время я был Канфилдом с ранчо Джефферсона, как я и сказал тому парню, который ответил на эту проклятую говорилку. Потому что еще в прошлом месяце я официально нанялся здесь на работу. Сам Джефферсон отмечал мне рабочие дни, а теперь его нет. Растерзали старика на куски, как и всех остальных.

Он тяжело сглотнул. Его кадык судорожно дернулся вверх-вниз.

Щетина на его щеках казалась особенно черной, потому что кожа была очень бледной. Спереди на рубашке красовались потеки засохшей блевотины.

— Его жена с дочерьми тоже ушли в пустошь в конце тропы. Мы их распознали по длинным волосам и по их... их... о, человек-Иисус, когда видишь такое, жалеешь, что не родился слепым. — Он закрыл лицо шляпой и разрыдался.

— А это кто, шериф? Стрелки? — спросил один из приятелей Канфилда. — А что, теперь молодняку доверять железно?

— Не твоего ума дело, — ответил Пиви. — Давайте рассказывайте, что вы видели.

Канфилд опустил шляпу. Глаза у него были красными, по щекам текли слезы.

— Мы втроем были на луговинах, искали отбившихся от табуна лошадей. Заночевали в полях. Посреди ночи слышали крики с востока. Спали мы как убитые... так умаялись за день... но крики нас разбудили. Потом были выстрелы, два или три. А когда выстрелы стихли, снова раздались крики. И еще жуткий рев. Кто-то ревел и рычал, кто-то очень *большой*.

— На медведя похоже, — вставил один из ковбоев.

— Нет, не похоже, — отозвался другой. — Совсем не похоже.

— Как бы там ни было, — продолжил Канфилд, — шум доносился от ранчо. Мы-то были далековато. В четырех, может, даже шести колесах. Но звуки по луговинам разносятся далеко. Мы тут же вскочили в седла и поспешили сюда. Только я первым приехал. Раньше, чем эти двое. Потому что уже подписался работать на ранчо, а они просто нанялись на пару дней.

— Не понимаю, — сказал я.

Канфилд повернулся ко мне.

— У меня был конь с ранчо, хороший конь. А у Снипа и Арна — всего лишь мулы. Мы их пока сюда определили, ко всем остальным. — Он указал на загон для скота. Тут как раз налетел порыв ветра, поднял с земли соляную пыль, и животные резко сорвались с места и бросились в глубь загона.

— Они до сих пор напуганы, — заметил Келлин Фрай.

— И не только они, — сказал машинист Тревис, глядя на спальный барак на вершине холма.

К тому времени, когда Канфилд — уже не бродяга, а официально нанятый работник на ранчо Джеффер-

сона — добрался до спального барака, крики стихли. Стих и рев непонятного зверя. Зато очень громко рычали собаки, дравшиеся за окровавленные останки. Хорошо понимая, чья рука его кормит, Канфилд не стал задерживаться у барака и поскакал прямо к хозяйскому дому. Дверь стояла распахнутой настежь, в прихожей и в кухне горели масляные лампы, но никто не ответил на зов Канфилда, когда тот зашел внутрь.

Жену Джефферсона он обнаружил на кухне. Тело лежало под столом, а наполовину обглоданная голова — у двери в кладовку. Там были следы. Они уходили наружу через заднюю дверь, хлопавшую на ветру. Следы были и человеческие, и медвежьи — кровавые отпечатки лап чудовищно огромного зверя.

— Я снял со стены лампу и вышел во двор по следам. Обе девочки там и лежали, во дворе, между домом и амбаром. Они пытались бежать, и одна обогнала другую на два десятка шагов, только мертвы были обе. Ночные рубашки разодраны, спины располосованы до костей, словно их драли когтями. — Канфилд медленно покачал головой, не сводя глаз с лица шерифа Пиви. В глазах ковбоя стояли слезы. — Не хотелось бы мне увидеть те когти. Никогда в жизни. Я видел, что после них остается, и этого хватит с лихвой.

— А что в бараке? — спросил шериф Пиви.

— Я туда тоже зашел. Вы все сами увидите, что там внутри. И женщин тоже... я ничего не трогал. Только я больше туда не пойду. Может, Снип или Арн...

— Только не я, — сказал Снип.

— И не я, — сказал Арн. — Мне и так теперь будут сниться кошмары.

— Думаю, обойдемся без провожатых, — сказал шериф Пиви. — Мы пойдем, а вы оставайтесь здесь.

Он направился к дому Джефферсона, оба Фрая и машинист Тревис — следом за ним. Джейми положил руку на плечо шерифа, и когда тот обернулся, сказал почти извиняющимся тоном:

— Повнимательнее к следам. Это важно.

Пиви кивнул:

— Да. Мы будем очень внимательны. Особенно к тем, что ведут в ту сторону, куда ушла эта тварь.

С женщинами все было именно так, как и сказал сэй Канфилд. Зрелище кровавой бойни для меня было уже не в новинку — я видел достаточно крови и в Меджисе, и в Гилеаде, — но *такого* мне видеть не приходилось. Ни мне, ни Джейми. Он весь побледнел, и я мог только надеяться, что он не опозорит лицо своего отца, хлопнувшись в обморок. Но беспокоился я напрасно; вскоре Джейми уже стоял на коленях посреди кухни и внимательно изучал кровавые отпечатки огромных звериных лап.

— Это и вправду медвежьи следы, — сказал он. — Только очень большие, Роланд. Таких огромных медведей вообще не бывает. Даже в Бескрайнем лесу.

— Однако вчера здесь такой побывал, — заметил Тревис. Он взглянул на тело жены Джефферсона и передернул плечами, хотя тело было накрыто одеялом, которое взяли из спальни на втором этаже. — Скорее бы вернуться обратно в Гилеад, где подобные твари существуют лишь в древних легендах.

— Что-нибудь можно понять по следам? — спросил я у Джейми. — Хоть что-нибудь?

— Да. Сначала он пошел в барак, где было больше... больше еды. Крики и шум разбудили всех четверых в доме... их только четверо было, шериф?

— Да, — подтвердил Пиви. — У Джефферсона есть еще двое сыновей, но, насколько я знаю, они сейчас в Гилеаде, на аукционе. Вернутся парни домой, а тут такая беда!

— Фермер оставил жену с дочерьми в доме, а сам побежал к бараку. Выстрелы, которые слышали Канфилд и остальные... Видимо, это он и стрелял, Джефферсон.

— Очень это ему помогло, — сказал Вика Фрай. Отец отвесил ему подзатыльник и велел заткнуться.

— Потом зверь пришел сюда, в дом, — продолжал Джейми. — Думаю, леди-сэй Джефферсон с дочерьми к тому времени были на кухне. И наверное, сэй приказала девочкам бежать.

— Да, — кивнул Пиви. — И попыталась задержать эту тварь, чтобы дать дочкам время спастись. Да, похоже, что все так и было. Но ничего у нее не вышло. Если бы они не спрятались в кухне, если бы выглянули в окно в передней части дома... они бы увидели издалика, какая она огромная, эта тварь... и тогда, может быть, и успели бы спастись. — Шериф тяжело вздохнул. — Ладно, ребята, пойдемте в барак. Сколько бы мы ни тянули, а лучше там все равно не станет.

— Я, пожалуй, останусь с ковбоями, у загона, — сказал Тревис. — Мне и так хватит.

— Пап, а можно, я тоже останусь? — спросил Вика Фрай у отца.

Келлин взглянул на испуганное лицо сына и сказал: «Можно». И прежде чем отпустить парнишку во двор, поцеловал его в щеку.

За десять шагов до барака голая земля запеклась кровавой коркой, на которой явственно были видны

следы от сапог и отпечатки когтистых звериных лап. В зарослях сорняков неподалеку от входа валялся старый четырехзарядный пистолет с погнутыми стволами. Джейми молча указал на сплетение следов, на пистолет, на дверь барака. Затем приподнял брови, задавая безмолвный вопрос, вижу я или нет? Я видел все очень хорошо.

— Здесь Джефферсон встретил этого зверя, шкуроверта в медвежьем обличье, — сказал я. — Фермер успел сделать несколько выстрелов, потом бросил пистолет...

— Нет, — перебил меня Джейми. — Зверь его вырвал. Поэтому ствол и свернут. Возможно, Джефферсон пытался бежать. А может, стоял до последнего. В любом случае у него не было шансов. Его следы обрываются здесь. Значит, зверь подхватил его и зашвырнул в барак через дверь. А потом направился к дому на ранчо.

— То есть мы выяснили, откуда он пришел, — сказал Пиви.

Джейми кивнул.

— Ничего, скоро выследим и куда он ушел.

Зверь превратил спальный барак в кровавую бойню. В конечном итоге счет мясника составил восемнадцать душ: шестнадцать работников, повар (расставшийся с жизнью рядом со своей печью; окровавленный передник закрывал его лицо, как саван) и сам Джефферсон — буквально разодранный в клочья, без рук и ног. Его оторванная голова таращилась в потолок с жуткой усмешкой, от которой остались лишь верхние зубы. Нижнюю челюсть шкуроверт вырвал с мясом. Келлин Фрай нашел ее под кроватью. Один из работников пытался закрыться седлом, используя его

как щит, но ему это не помогло. Зверь разорвал седло пополам. Передняя лука так и осталась в руке у несчастного ковбоя, а вот лица у него уже не было. Лицо сожрал оборотень.

— Роланд, — проговорил Джейми сдвленным голосом, как будто его горло сжалось до толщины соломинки. — Нам надо его найти. Его *надо* найти.

— Пойдем изучим следы, пока ветер не занес их пылью, — ответил я.

Мы оставили Пиви и всех остальных у барака, обогнули хозяйский дом и вышли на задний двор, где лежали тела двух девочек, тоже накрытые одеялами. Следы, уводящие со двора, уже начали смазываться по внешнему краю и вокруг отпечатков когтей, но не заметить их было нельзя — их увидел бы всякий, даже тот, кому не посчастливилось иметь в наставниках Корта из Гилеада. Существо, которому принадлежали эти следы, должно было весить как минимум восемьсот фунтов.

— Смотри. — Джейми встал на колени рядом с одним из следов. — Видишь, спереди они глубже? Он бежал.

— Причем на задних ногах, — сказал я. — Как человек.

Следы вели мимо разрушенной водокачки (похоже, чудовище своротило ее на ходу из чистой злобы) и поднимались на холм по узкой дорожке, уводившей на север, в сторону какого-то длинного неокрашенного строения: то ли кузницы, то ли мастерской. Еще дальше к северу, на расстоянии примерно в двадцать колес, лежали бесплодные каменистые земли, примыкающие к Соляным горам. Дыры на склонах, ведущие к соляным копиям, были похожи на пустые глазницы.

Я сказал:

— В общем, можно и не ходить дальше. И так понятно, куда ведут эти следы. К жилищам солянщиков.

— Погоди. — Джейми остановился. — Смотри сюда, Роланд. Такого ты в жизни не видел.

Следы стали меняться. Отпечатки когтистых лап постепенно превращались в отпечатки огромных неподкованных копыт.

— Он утратил медвежий облик, — сказал я, — и обратился... в кого? В быка?

— Да, наверное, — отозвался Джейми. — Давай пройдем чуть подальше. У меня есть одна мысль.

Когда мы приблизились к длинному сараю, отпечатки копыт превратились в следы огромной кошки. Поначалу кошачьи следы были очень большими, но вскоре начали уменьшаться, как будто зверь менял свой размер прямо на бегу: вот он был как лев, а вот уже — пума. В том месте, где следы сворачивали с дорожки на земляную тропинку, ведущую к мастерской, мы обнаружили участок смятой травы. На поломанных стеблях запеклась кровь.

— Он упал, — предположил Джейми. — Думаю, он упал... и катался по земле. — Он задумчиво осмотрел пяточок примятых сорняков. — Похоже, ему было больно.

— Хорошо, — сказал я. — А посмотри-ка сюда. — Я указал на тропинку в отчетливых отпечатках копыт множества лошадей. Но там были и другие следы.

Следы босых ног, ведущие к входу в здание, к открытой раздвижной двери на ржавых металлических полозьях.

Джейми повернулся ко мне с широко распахнутыми глазами. Я приложил палец к губам и достал револьвер. Джейми тоже вытащил револьвер, и мы двинулись к сараю. Я махнул Джейми, чтобы тот обогнул здание и зашел сзади. Он кивнул и свернул влево.

Держа револьвер наготове, я встал сбоку от открытой двери, чтобы дать Джейми время обойти здание. Внутри было тихо. Выждав минуту и рассудив, что Джейми уже должен быть на месте, я наклонился, свободной рукой подобрал с земли увесистый камень и закинул его внутрь. Он упал с глухим стуком и покатился по дощатому полу. Никаких других звуков слышно не было. Низко пригнувшись, я вошел.

На первый взгляд в помещении было пусто. Но я бы не стал утверждать наверняка: слишком много там было темных углов. Внутри уже было жарко, а ближе к полудню здесь станет вообще как в духовке. Я разглядел в полумраке пустые стойла — по два с обеих сторон, — небольшую кузнечную печь, ящики с ржавыми подковами и гвоздями, пыльные горшки с лечебными мазями и бальзамами, тавра для клеймения в большой жестяной банке и огромную кучу старой упряжи, приготовленной то ли для починки, то ли на выброс. На крючках, вбитых в стену над верстаком, висели разнообразные инструменты. Очень приличный набор. Но большинство из них были такими же ржавыми, как подковы и гвозди в ящиках. Еще я заметил несколько деревянных плугов и основание насоса над цементным корытом. Воду в корыте давно не меняли. Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел на поверхности воды стебельки соломы. Как я понял, это была не просто конюшня с кузницей и складом упряжи, но и помещение для клеймения и осмотра животных, и что-то вроде ветеринарной лечебницы. Видимо, лошадей заводили внутрь с одной стороны, делали с ними что нужно и выводили наружу с другой стороны. Но теперь это место было заброшенным и явно нуждалось в ремонте.

Следы шкуроверта, уже превратившиеся в человеческие, вели по центральному проходу к открытой двери на другой стороне сарая. Я пошел по следам.

— Джейми? Это я. Не стреляй, ради твоего отца.

Я вышел наружу. Джейми убрал револьвер в кобуру и указал на большую кучу конского навоза неподалеку от выхода.

— Он знает, кто он такой, Роланд.

— Ты это понял по куче навоза?

— Да, именно.

Он не стал ничего объяснять, но через пару секунд я все понял сам. Конюшня стояла заброшенной — возможно, ее перенесли ближе к хозяйскому дому, — но конский навоз был свежим.

— Если он прискакал верхом, значит, он приехал в человеческом облике.

— Да. И так же уехал.

Я присел на корточки и задумался. Джейми свернул папиросу и протянул мне. Я поднял глаза и увидел, что он слегка улыбается.

— Понимаешь, что это значит, Роланд?

— Двести солянщиков, плюс-минус.

Обычно я туго соображаю, но в конечном итоге всегда прихожу к нужному выводу.

— Ага.

— *Солянщиков*, а не работников ферм и ковбоев. Рудокопов, а не наездников. В основном.

— Вот именно.

— У скольких из них есть лошади, как считаешь? И сколько среди них таких, кто умеет ездить верхом?

Его улыбка сделалась шире.

— Человек двадцать — тридцать, я думаю.

— Это все-таки лучше, чем пара сотен, — заметил я. — Гораздо лучше. Мы поедем туда, как только...

Я не успел договорить, потому что в это мгновение мы услышали стоны. Доносившиеся из сарая, который я считал пустым. Я тихо порадовался про себя, что с нами нет Корта. Он бы точно врезал мне по уху так, что я свалился бы с ног. Я имею в виду, будь он в силе.

Мы с Джейми испуганно переглянулись и побежали обратно в сарай. Стоны не умолкали, но помещение по-прежнему казалось пустым. А потом куча старого хлама — сломанных хомутов, уздечек, подпруг и поводьев — вдруг начала вздуваться и опадать, как будто она дышала. Спутанные клубки кожаных ремней зашевелились, раздались в стороны, и из-под них поднялся мальчик. Со светлыми, почти белыми волосами, торчавшими во все стороны. В джинсах и старой рубашке, распахнутой на груди. Вроде бы целый и невредимый, но в полумраке толком не разглядеть.

— Он ушел? — спросил мальчик дрожащим голосом. — Пожалуйста, сэи, скажите, что он ушел.

— Он ушел, — сказал я.

Мальчик принялся выбираться из кучи упряжных ремней, но зацепился ногой за один ремешок и упал. Я подхватил его и увидел яркие, полные ужаса голубые глаза, смотрящие на меня снизу вверх.

А потом мальчик лишился чувств.

Я поднес его к цементному корыту. Джейми снял с шеи бандану, окунул ее в воду и принялся вытирать грязь с лица мальчика. Парнишке на вид было лет одиннадцать; хотя он мог быть и младше на год или два. Трудно судить — он был слишком худым. Через пару минут он открыл глаза. Посмотрел на меня, перевел взгляд на Джейми и вновь на меня.

— Вы кто? — спросил он. — Вы не с нашего ранчо.

— Мы друзья ранчо, — сказал я. — А кто ты?

— Билл Стритер, — ответил он. — Ковбой зовут меня Маленький Билл.

— Да? А твой отец, стало быть, Большой Билл?

Он сел, взял у Джейми бандану, окунул ее в корыто и выжал воду себе на грудь.

— Нет, Большой Билл — это был дедушка. Два года назад он ушел в пустошь, где кончаются все пути. А папа, он просто Билл. — Мальчик произнес имя отца, и его глаза испуганно расширились. Он схватил меня за руку. — Он же не умер, да? Он не умер? Скажите, что нет, сэй!

Мы с Джейми переглянулись, и это еще сильнее напугало парнишку.

— Скажите, что папа жив! Пожалуйста, скажите, что он не умер! — Мальчик расплакался.

— Ты погоди, успокойся, — сказал я. — Твой папа, он кто? Ковбой?

— Нет, нет. Он повар. *Скажите, что он не умер!*

Но он уже все понял. Я это видел по его глазам — так же ясно, как до этого видел тело повара с окровавленным передником, брошенным на лицо.

У хозяйского дома росла большая ива. Под ней-то мы и устроились, чтобы расспросить Билла Стритера. Мы — это я, Джейми и шериф Пиви. Остальных мы отправили ждать в тенечке у спального барака, рассудив, что присутствие большого количества людей расстроит мальчика еще больше. Впрочем, он сумел рассказать нам совсем немного из того, что нас действительно интересовало.

— Папа сказал, что ночь обещает быть теплой, и отправил меня спать на луг с той стороны загона, — сказал Маленький Билл. — Сказал, что на улице будет

прохладнее, и я буду спать лучше. Но я знал, почему он отправил меня из дома. Элрод где-то достал бутылку... опять... и напился.

— Элрод — это какой? Элрод Наттер? — спросил шериф Пиви.

— Да, он. Он здесь бригадир, старший над всеми ковбоями.

— Я хорошо его знаю, — сказал шериф. — С полдюжины раз запираю его в камере, если не больше. Джефферсон его держит, потому что он просто дьявол, а не ковбой, с лошадьми управляется мастерски, но если напьется — в него словно бесы вселяются. Страшное дело, да. Маленький Билл?

Мальчик серьезно кивнул и убрал с лица длинные волосы, спадавшие на глаза.

— Да, сэр. Он, когда напивался, постоянно ко мне приставал. И папа об этом знал.

— Ты у повара был в подмастерьях? — спросил Пиви. Я понимал, что шериф пытался обходиться с парнишкой поласковее, но ему все-таки следовало последить за своим языком и строить фразы как-то иначе, а не так, чтобы сразу напрашивалось продолжение: *раньше-то был, а теперь уже нет.*

Но мальчик, кажется, ничего не заметил.

— Я не у повара. Я на хозяйстве. — Он повернулся ко мне и Джейми. — В доме, где спят работники. Койки им застилаю, сворачиваю веревки, чищу седла, запираю ворота, когда лошадей пригоняю с пастбищ домой. Тини Брэддок научил меня делать лассо. Я теперь хорошо лассо бросаю. Роско учит меня, как стрелять из лука. А Фредди Два-Шага обещал показать, как клеймить лошадей. Вот уже осень.

— Ты молодец, — сказал я и трижды постучал себя по шее.

Он улыбнулся.

— Они хорошие парни, ну, в основном. — Его улыбка померкла. Как будто туча закрыла солнце. — Все, кроме Элрода. Он и трезвый-то злющий, а когда выпьет, так вообще беда. Пошутить любит. *Зло* пошутить, если вы понимаете, о чем я.

— Очень хорошо понимаю, — ответил я.

— Да, а если ты не засмеешься, вроде как тебе нравятся его шутки — даже если он тебе руку выкручивает или таскает за волосы по всему дому, — тогда он и вообще звереет. Так что когда папа сказал, чтобы я спал на улице, я взял одеяло и шадди и пошел спать на улицу. Мне сто раз повторять не надо. И папа всегда говорит: умный все понимает с первого раза.

— Что такое шадди? — спросил Джейми у шерифа.

— Кусок парусины, — пояснил Пиви. — От дождя не спасает, но если его расстелить на траве, от росы не промокнешь.

— Где ты устроился на ночлег? — спросил я у мальчика.

Он указал на луг на той стороне загона для лошадей, которые по-прежнему были встревожены из-за сильного ветра. Ветки ивы над нами раскачивались и шелестели листьями. Отрада для слуха, отрада для глаз.

— Мое одеяло и шадди, наверное, все еще там.

Я посмотрел, куда указал Маленький Билл. Перевел взгляд сперва на сарай, где мы нашли парнишку, потом — на спальный барак на холме. Эти три точки располагались в вершинах почти правильного треугольника: каждая его сторона была около полумили длиной, а в самом центре находился загон для лошадей.

— А как ты добрался от того места, где спал, до сарая, где спрятался, Билл? — спросил шериф Пиви.

Мальчик долго смотрел на него и молчал. Потом снова расплакался и закрыл лицо руками, чтобы мы не видели его слез.

— Я не помню. *Вообще ничего* не помню. — Он убрал руки с лица. Вернее, они просто упали, как будто вдруг стали слишком тяжелыми и у мальчика не было сил их держать. — Я хочу к папе.

Джейми встал и отошел в сторону, засунув руки глубоко в карманы джинсов. Я пытался сказать то, что нужно было сказать, но не смог. Вы не забывайте, хотя мы с Джейми носили револьверы, это были еще не большие револьверы наших отцов. Я был уже не таким юным, как до встречи с Сюзан Дельгадо, которую любил и которую потерял, но еще недостаточно зрелым, чтобы найти в себе силы сказать этому мальчику, что чудовище растерзало его отца. Поэтому я посмотрел на шерифа Пиви. Я искал помощи взрослого человека.

Пиви снял шляпу и положил ее на траву. Потом взял мальчика за обе руки.

— Сынок, — сказал он. — Сейчас я скажу тебе кое-что очень ужасное. Сделай глубокий вдох и будь мужчиной.

Однако Маленькому Биллу Стритеру было совсем мало лет (девять-десять, от силы одиннадцать), и он не мог быть мужчиной. Он завыл в голос. Когда я это услышал, мне представилось белое лицо моей мертвой матери. Я его видел как наяву. Это было невыносимо. Я знал, что веду себя как распоследний трус, но все равно встал и ушел.

Мальчик плакал так горько, что совершенно выбился из сил: то ли заснул, то ли лишился чувств. Джейми отнес его в дом Джефферсона и положил на

кровать в одной из хозяйских спален на втором этаже. Билл Стритер был всего лишь сыном повара, готовившего для ковбоев, но в тот момент эти спальни все равно никому бы уже не понадобились. Шериф Пиви воспользовался телефоном и позвонил к себе в контору, где, согласно приказу, дежурил один из не самых толковых помощников, дожидаясь звонка от начальника. Очень скоро хозяин местного похоронного бюро — если в Дебарии было такое — придет сюда колонну повозок, чтобы забрать тела.

Шериф Пиви вошел в крошечный кабинет сэя Джефферсона, уселся на стул и спросил у нас с Джейми:

— И что дальше, ребята? К солящикам, надо думать... И, как я понимаю, вам бы хотелось добраться туда до того, как начнется самум. А все к тому и идет, ветер крепчает. — Он тяжело вздохнул. — От парнишки вам толку мало, это ясно. Уж не знаю, что он там видел, но оно его так напугало, что у него память отшибло.

— Роланд умеет... — начал было Джейми, но я его перебил:

— Я еще не уверен, что дслать дальше. Нам с другом надо посоветоваться. Мы пойдем прогуляемся до старой конюшни.

— Все следы уже наверняка замело, — предположил Пиви. — Но вы, конечно, сходите, раз надо. — Он покачал головой. — Трудно было парнишке сказать. Очень трудно.

— Вы все сделали правильно, — сказал я.

— Правда? Ты так считаешь? Ну что же, спасибо. Бедный малыш. Думаю, он пока поживет у меня. Мы с женой о нем позаботимся. Пока не придумаем, как с ним быть дальше. Вы, ребята, идите — посоветуйтесь, если вам нужно. А я, наверное, здесь посижу. Попытаюсь немного прийти в себя. Теперь-то уж не-

зачем торопиться; эта проклятая тварь сегодня неплохо попиrowsала. И вряд ли в ближайшее время пойдет на охоту.

Мы с Джейми сделали целых два круга вокруг сарая и загона. Крепчающий ветер развеивал нам волосы и трепал штанины джинсов.

— У него правда все стерлось из памяти, Роланд?

— А *ты* как думаешь? — спросил я.

— Нет, — ответил Джейми. — Потому что первое, что он спросил: «Он ушел?».

— И он знал, что его отец мертв. Даже когда он расспрашивал нас, по его взгляду все было ясно.

Джейми долго не отвечал: шагнул, склонив голову. Мы повязали банданы на лица, закрыв рты и носы от соляной пыли, поднятой ветром. Бандана Джейми еще не успела просохнуть.

Наконец он сказал:

— Когда я начал говорить шерифу, что ты знаешь способ, как добраться до воспоминаний, спрятанных в самых глубинах сознания, ты меня перебил. Не дал договорить.

— Ему не надо об этом знать. Потому что оно не всегда получается.

С Сюзан Дельгадо в Меджисе все получилось, но Сюзан сама очень-очень хотела рассказать мне о том, что ведьма Риа пыталась скрыть от ее сознания — от той его части, на самой поверхности, где мы ясно слышим свои собственные мысли. Сюзан хотела мне все рассказать, потому что мы с ней любили друг друга.

— Но ты попробуешь, да? Ты ведь попробуешь?

Я ответил ему только тогда, когда мы пошли на второй заход вокруг загона. Все пытался собраться с мыслями. Как я уже говорил, соображаю я туго.

— Солянщики уже не живут в рудниках. Теперь у них есть свое собственное поселение в нескольких колесах от Малой Дебарии. Так мне сказал Келлин Фрай по дороге сюда. Я хочу, чтобы ты съездил туда вместе с Пиви и Фраями. И с Канфилдом тоже, если он согласится поехать. Думаю, он согласится. А эти двое... товарищи Канфилда... они могут остаться и дожидаться людей из похоронной конторы.

— А ты, стало быть, отвезешь мальчика в город?

— Да. Я один. Но я прошу тебя съездить к солянщикам вовсе не потому, что пытаюсь избавиться от тебя и всех остальных. Если вы поедете быстро и по дороге найдется где сменить лошадей, может быть, вы сумеете распознать лошадь, которую не так давно гнали галопом.

Джейми, кажется, улыбнулся, хотя под банданой этого было не видно:

— Что-то я сомневаюсь.

Я и сам сомневался. Может быть, это имело бы смысл, если бы не ветер. При таком сильном ветре пот на лошадиных боках высыхает почти мгновенно, пусть даже лошадь гнали галопом. Возможно, Джейми приметил бы лошадь, чья шкура присыпана соляной пылью, а в хвосте запутались стебельки сорной травы и репей, но если мы правы насчет шкуроверта и тот действительно знает, кто он такой, тогда он наверняка тщательно вычистил своего скакуна — от копыт до гривы, — как только вернулся домой.

— Может быть, кто-нибудь видел, как он возвращался.

— Да... если только он не заехал сначала в Малую Дебарию. Привел в порядок себя и коня — и оттуда уже поскакал к солянщикам. Умный человек сделал бы именно так.

— В любом случае вы с шерифом сможете выяснить, у скольких из них есть лошади.

— И сколькие умеют ездить верхом, даже если у них нет своих лошадей, — сказал Джейми. — Да, это мы сможем.

— Соберите их всех... ну, или сколько сумеете... и привезите в город. А если кто будет протестовать, вы им скажите, что они помогают поймать чудовище, которое терроризирует Дебарию... Малую Дебарию... весь фео́д. Думаю, вам не придется им говорить, что тот, кто откажется ехать, сразу же попадет под подозрение. Это поймет даже самый тупой.

Джейми кивнул и схватился за перекладину изгороди, когда на нас налетел особенно сильный порыв ветра.

— И еще одно, — сказал я. — Тебе нужно будет провернуть одну хитрость. В этом тебе поможет Вика, сына Келлина. Пусть они думают, что парнишка не умсет держать язык за зубами, хотя ему было сказано, чтобы он не болтал. *Как раз потому*, что ему было сказано не болтать.

Джейми молча ждал продолжения, но я был уверен, что он уже понял, что именно я собираюсь сказать, потому что в его глазах промелькнула тревога. Он сам никогда бы такого не сделал, даже если бы подумал об этом. Собственно, поэтому отец и назначил меня главным. Не потому, что я хорошо справился в Меджисе — там я справился плохо, на самом деле. И не потому, что я его сын. Хотя в каком-то смысле как раз поэтому. Будучи сыном своего отца, я всегда отличался холодным умом.

— Ты скажешь солящикам, что у нас есть свидетель убийств на ранчо. Скажешь, что по понятным причинам не можешь назвать его имя, но у нас есть

свидетель, который видел шкуроверта в его человеческом облике.

— Роланд, ты же не знаешь, видел ли Маленький Билл шкуроверта. Даже если и видел, не факт, что он смог разглядеть лицо. Он же прятался под кучей упряжи.

— Да, верно. Но шкуроверт-то об этом не знает. И может подумать, что его действительно кто-то видел. Потому что он покидал ранчо уже в человеческом облике.

Я снова двинулся вперед, и Джейми пошел рядом со мной.

— И вот тут нам нужна помощь Викки. Он немного отстанет от вас и шепнет по секрету кому-то из солянщиков... лучше всего, чтобы это тоже был ребенок, одного возраста с Виккой... что уцелевший свидетель — сын повара. Билл Стритер.

— Мальчик только что потерял отца, а ты хочешь использовать его как приманку.

— Может, до этого и не дойдет. Если слухи достигнут нужных ушей, тот, кого мы ищем, может запаниковать и сорвется бежать на пути в город. Так мы его и узнаем. И это вообще не имеет значения, если мы ошибаемся, и шкуроверт — это не кто-то из солянщиков. Мы ведь можем и ошибаться.

— А если мы правы, и он решит ехать вместе со всеми, чтобы не выдать себя?

— Приведите их всех в тюрьму. Я посажу мальчика в камеру... в запертую камеру... а ты проведешь мимо всех солянщиков. По одному, друг за другом. Я скажу Биллу, чтобы он ничего не говорил, вообще никак не реагировал, пока они все не пройдут. Я согласен с тобой. Вполне вероятно, что он не сможет узнать шкуроверта, даже если я помогу ему вспом-

нить, что было ночью. Но шкуроверт-то об этом не знает, опять же.

— Это опасно, — заметил Джейми. — Для парнишки — опасно.

— Риск минимальный, — ответил я. — Все будет происходить днем, когда шкуроверт ходит в своем человеческом облике. И, Джейми... — Я схватил его за руку. — Я тоже буду там, в камере. Если этот мерзавец попытается добраться до мальчика, ему придется иметь дело со мной.

Пиви одобрил мой план гораздо охотнее, чем Джейми. Меня это не удивило. В конце концов, это был его город. А кто для него Маленький Билл? Просто сын мертвого повара. Не более чем пешка в большой игре.

Как только они все отправились в поселение солянышников, я разбудил мальчика и сказал, что мы едем в Дебарю. Он согласился без всяких вопросов. Он был совсем вялый и сонный. То и дело тер кулаками глаза. Когда мы вышли из загона, Маленький Билл снова спросил, уверен ли я, что его отец мертв. Я ответил, что да. Он тяжело вздохнул, опустил голову и положил руки на колени. Я дал ему время собраться с силами, потом поинтересовался, не оседлать ли ему лошадь.

— Если мне можно поехать на Милли, я сам ее оседлаю. Я ее кормил, и мы с ней подружились. Все говорят, мулы тупые, но Милли совсем не тупая.

— Ну, давай посмотрим, как ты с ней справишься, чтобы она тебя не лягнула, — сказал я.

Кстати, справился он замечательно, очень умело и ловко. Он уселся в седло и сказал:

— Ну, я вроде готов.

Он даже попробовал улыбнуться. Мне было больно на это смотреть. Я себя чувствовал виноватым из-за придуманного мною плана, но ставки в этой игре были и вправду слишком высоки — достаточно вспомнить кровавую бойню на ранчо и обезображенное лицо сестры Фортуны.

— А она не испугается ветра? — Я кивнул на аккуратного маленького мула. Ноги сидевшего в седле Билла почти доставали до земли. Через год он будет уже великоват для Милли. Хотя вполне вероятно, что через год он окажется где-нибудь далеко-далеко от Дебарии — еще один странник в исчезающем мире, — и от Милли останется разве что воспоминание.

— Только не Милли, — ответил он. — Она крепкая, как дромадер.

— Ага. А кто такой дромадер?

— Не знаю. Так папа всегда говорит. Однажды я у него спросил, но он тоже не знал.

— Ну ладно, поехали, — сказал я. — Чем скорее доберемся до города, тем быстрее спасемся от этой пыли.

Но одну остановку мы все-таки сделаем. Я хотел кое-что показать Биллу, пока мы с ним были наедине.

Примерно на полпути между ранчо и Дебарией я заметил заброшенную пастушью хижину и предложил Биллу сделать привал, укрыться от ветра и перекусить. Мальчик с радостью согласился. Он потерял отца и всех, кого знал, но все равно оставался мальчишкой, и его растущий организм требовал пищи. Ведь он вообще ничего не ел со вчерашнего вечера.

Мы привязали животных снаружи, с подветренной стороны, а сами расположились внутри. Сели на пол, привалившись спиной к стене. У меня с собой было сушеное мясо, очень соленое. Но бурдюк был напол-

нен водой под завязку. Мальчик съел, наверное, с полдюжины ломтиков мяса: откусывал большие куски и запивал водой.

Сильный порыв ветра ударил в стену. Милли протестующе вскрикнула и тут же умолкла.

— К вечеру будет уже настоящий самум, — сказал Маленький Билл. — Вот увидите, будет песчаная буря.

— Мне нравится слушать шум ветра, — ответил я. — Он напоминает мне сказку, которую мама читала мне в детстве. Она называлась «Ветер сквозь замочную скважину». Знаешь такую?

Маленький Билл покачал головой.

— Мистер, а вы правда стрелок? Честное слово?

— Да, правда.

— А можно мне подержать ваш револьвер?

— Ни в коем случае, — ответил я. — Но, если хочешь, можешь подержать вот это.

Я достал из патронташа на поясе один патрон и протянул его мальчику.

Тот очень внимательно рассмотрел весь патрон, от медного основания до свинцового кончика.

— Боги, какой он тяжелый! И большой! Если таким выстрелить в человека, тот уже точно не встанет!

— Да. Патрон — штука опасная. Но он может быть очень красивым. Хочешь, покажу тебе фокус?

— Конечно, хочу.

Я забрал у парнишки патрон и принялся перекачивать его между пальцами. Мои пальцы поднимались и опускались, словно волны. Маленький Билл смотрел как завороченный, широко распахнув глаза.

— Как вы так делаете?

— Когда умеешь, все просто, — ответил я. — Все дело в практике.

— А вы меня не научите?

— Смотри внимательно, и ты сам все поймешь. Вот он есть... а вот его нет. — Я перебросил патрон на ладонь и сжал руку так быстро, что тот словно исчез сам собой. При этом я думал о Сюзан Дельгадо. Наверное, теперь так будет всегда: я стану вспоминать о ней всякий раз, когда проделываю этот трюк. — А вот снова есть.

Патрон двигался быстро... медленно... опять быстро.

— Следи за ним взглядом, Билл. Попробуй понять, как я заставляю его исчезнуть. Смотри внимательно, не отводи взгляд. — Я перешел на убаюкивающий шепот. — Смотри... смотри... смотри. Спать не хочешь?

— Немножко, — ответил он. Его глаза сонно закрылись, но тут же открылись. — Я же почти не спал ночью.

— Это верно. Смотри на патрон. Вот он движется медленно. Вот он исчез... А вот, смотри, появился и снова движется быстро.

Патрон то появлялся, то исчезал. Снаружи выл ветер. Он убаюкивал меня точно так же, как мой собственный голос убаюкивал мальчика.

— Ты поспи, если хочешь, Билл. Слушай ветер и спи. Но слушай и мой голос тоже.

— Я вас слышу, стрелок. — Его глаза снова закрылись и на этот раз так и остались закрытыми. Руки, лежащие на коленях, расслабились. — Слышу очень хорошо.

— Ты по-прежнему видишь патрон, правда? Даже с закрытыми глазами.

— Да... только теперь он большой-пребольшой. И сверкает, как золото.

— Правда?
— Да...
— Засынай крепче, Билл. Но слушай мой голос.
— Я слушаю.
— Я хочу, чтобы ты вспомнил, что было ночью. Все, что ты видел, и все, что слышал. Ты вспомнишь?
Он нахмурился во сне.
— Я не хочу.
— Не надо бояться. Все уже в прошлом, и кроме того, я с тобой.
— Вы со мной. И у вас — револьверы.
— Да, у меня револьверы. С тобой ничего не случится, пока ты слышишь мой голос, потому что я рядом. Я не дам тебя в обиду. Тебе это понятно?
— Да.
— Отец отправил тебя спать на улице, так?
— Да. Сказал, что ночь будет теплой.
— Но настоящая причина была в другом, верно?
— Да. Это все из-за Элрода. У нас кошка была, на ранчо. Он ее взял за хвост, раскрутил и зашвырнул за забор. И больше она не вернулась. Иногда он таскал меня за волосы и распевал песню «Мальчишка, влюбленный в Дженни». И папа с ним ничего не мог сделать. Элрод, он был здоровый, крупнее папы. И носил нож в сапоге. Мог зарезать кого угодно. Вот только зверя не смог, да? — Руки мальчика сжались в кулаки. — Элрод мертв, и я этому рад. Мне жалко всех остальных... и папу... я даже не знаю, как я теперь без него... но насчет Элрода я рад. Он больше не будет меня дразнить. И больше не будет меня пугать. Никогда.

Выходит, мальчик *и вправду* знал больше, чем отложилось в его памяти на поверхностном уровне.

— И ты пошел спать на луг.

— Да, на луг.

— Вот ты лежишь на траве, завернувшись в одеяло и шанни.

— *Шадди.*

— В одеяло и шадди. Ты не спишь. Может быть, смотришь на звезды, на Старую Звезду и Древнюю Матерь...

— Нет, нет, я спал, — сказал Билл. — Но меня разбудили крики. Крики из дома, где спят ковбои. И звуки борьбы. Там что-то падает и звенит. И кто-то *рычит*.

— И что ты делаешь, Билл?

— Бегу туда, к дому. Мне страшно, очень... но там, в доме, мой папа. Я заглядываю в окно. Это промасленная бумага, но сквозь нее хорошо видно. Хотя лучше бы было не видно. Потому что я вижу... я вижу... Мистер, мне можно проснуться?

— Не сейчас, Билл. Не забывай: я с тобой.

— А револьверы у вас в руках, мистер? — Он весь дрожал.

— Да. Я же сказал, что буду тебя защищать. Что ты там видишь?

— Кровь. И зверя.

— Какого именно зверя, можешь сказать?

— Это медведь. Огромный, головой до потолка. Он стоит в центре комнаты, в проходе между койками... на задних лапах стоит... и хватает людей... хватает и рвет на куски когтями... у него длинные-длинные когти... — Из-под сомкнутых век спящего мальчика потекли слезы. — Элрод был последним. Он побежал к задней двери... у которой снаружи поленица дров... а когда понял, что не успеет, он обернулся к медведю. С ножом в руке. Он уже замахнулся, чтобы ударить...

Медленно, как под водой, правая рука мальчика поднялась над головой и сжалась в кулак. Он сделал движение, изображая удар ножом.

— Медведь схватил его руку и оторвал. Совсем оторвал. Элрод закричал. Однажды я видел лошадь, которая попала копытом в какую-то яму и сломала ногу. Она так кричала... И Элрод точно так же кричал, как та лошадь. А это чудовище... этот зверь... он ударил Элрода по лицу его же собственной оторванной рукой. Кровь хлестала фонтаном. И жилы болтались, как оборванные веревки. Элрод отлетел спиной прямо на дверь, стал сползать на пол. Медведь подхватил его, поднял, прокусил ему шею... там был *такой звук*... мистер, медведь откусил Элроду голову. Мне уже можно проснуться? *Пожалуйста.*

— Скоро проснешься. Что ты сделал потом?

— Я пустился бежать. Хотел добежать до хозяйского дома, но сэй Джефферсон... он... он...

— Он — что?

— Он в меня *выстрелил*! Наверное, он не хотел. То есть меня убивать не хотел. Просто увидел меня краем глаза и подумал, что это... Я слышал, как просвистела пуля. *Вжжжжжжжж!* Так близко, совсем-совсем рядом. Я побежал к загону. Когда перелез через изгородь, услышал еще два выстрела. И опять крики. Я не стал обращаться, чтобы посмотреть. Я и так знал, кто кричит. Сэй Джефферсон.

Что было дальше, мы уже знали — поняли по следам и находкам рядом со спальным бараком: зверь выскочил наружу, вырвал у Джефферсона пистолет, согнул ствол, вспорол хозяину ранчо живот и зашвырнул тело в барак, к остальным растерзанным телам. Джефферсон стрелял в Билла, конечно же, по ошибке. Но этот выстрел спас мальчику жизнь. Потому что

иначе Маленький Билл побежал бы к хозяйскому дому, где его и прикончил бы оборотень, как это случилось с женой и дочерьми Джефферсона.

— И ты прячешься в старой конюшне, где мы тебя нашли.

— Да, прячусь под кучей старой упряжи. А потом слышу... слышу, как он идет.

Он вспоминал прошлое так, словно все это происходило с ним снова — *здесь и сейчас*. Его речь стала медленнее. Он постоянно сбивался, умолкал и плакал. Я знал, что ему было больно (вспоминать страшные вещи — это всегда очень болезненно), но все же давил на него, чтобы он продолжал. Я не мог поступить иначе. То, что случилось в старой конюшне, было действительно важно, а Маленький Билл был единственным, кто все видел. Он дважды пытался вернуться к воспоминаниям в прошедшем времени — вернуться в *тогда*. Явный признак того, что он старался выйти из транса. И мне пришлось погрузить его в сон еще глубже. В конце концов я вытянул из него все.

Ужас, который он испытал, услышав чудовище, приближавшееся к сараю. Сначала зверь громко сопел и мычал. Потом звук изменился и стал похож на рычание большой кошки. Один раз зверь рыкнул так, что Маленький Билл от испуга напрудил в штаны. Не смог удержаться. Обмирая от страха, он ждал, когда кошка войдет в сарай. Она, конечно же, сразу его учует по запаху мочи. Но кошка все не входила и не входила... Снаружи вдруг стало тихо... а затем тишину разорвали истошные крики.

— Крики кошачьи. Сперва кошачьи, потом — человеческие. Сначала высокие, как будто женские, но они быстро меняются. Быстро-быстро. И вот уже ясно, что это мужчина. Он все кричит и кричит. От

этих криков *мне самому* хочется закричать. Я подумал...

— Ты думаешь, — поправил я. — Ты думаешь, Билл. Потому что все происходит сейчас. Только теперь я с тобой, я тебя защищу. Революеры уже у меня в руках.

— Я думаю, у меня голова сейчас лопнет. А потом он умолкает... заходит внутрь.

— Идет по центральному проходу к другому выходу, так?

Маленький Билл покачал головой:

— Не идет, а *плетется*. Шатается на ходу. Как будто он ранен. Проходит мимо меня. Это больше не зверь. Это уже человек. Спотыкается, кажется, что сейчас упадет. Но успевает схватиться за дверцу ближайшего стойла. Пару секунд отдыхает, потом идет дальше. Теперь уже лучше идет.

— Тверже?

— Ага.

— Видишь его лицо? — спросил я, хотя подумал, что уже знаю ответ.

— Нет, только ноги, сквозь упряжь. Светит луна, и я вижу их хорошо.

Хорошо-то оно хорошо, но вряд ли мы сможем опознать шкуроверта по ногам. Я уже собрался вывести Билла из транса, но тут он снова заговорил:

— У него на лодыжке кольцо. На одной ноге.

Я наклонился к парнишке, как будто он мог меня видеть... хотя если он находился в глубоком трансе, то, возможно, и мог. Даже с закрытыми глазами.

— Какое кольцо? Металлическое? Как от кандалов?

— Я не знаю, что это такое.

— Как кольцо на упряжи? Только шире?

— Нет, нет. Как у Элрода на руке. Такая картинка, голая тетенька. Только теперь ее нет. Ни руки, ни картинки.

— Билл, это ты про татуировку?

Мальчик улыбнулся:

— Да, про нее. Забыл, как оно называется. Только тут не картинка. Просто синее кольцо на коже. Вокруг лодыжки.

Я подумал: *Вот ты и попался. Ты еще об этом не знаешь, сэй шкуроверт, но ты попался.*

— Мистер, мне уже можно проснуться? Я очень-очень хочу проснуться.

— Есть еще что-нибудь?

— Белая метка? — неуверенно проговорил мальчик, как будто спрашивал сам себя.

— Какая белая метка?

Он медленно покачал головой, и я решил, что пора заканчивать. С него и так уже хватит.

— Иди на звук моего голоса. Все, что произошло этой ночью, останется в прошлом. Все закончилось. Давай, Билл. Иди.

— Я иду. — Его глаза двигались под закрытыми веками.

— Ты в безопасности. Все, что случилось на ранчо, уже прошло. Правда?

— Да...

— Где мы сейчас?

— На дороге в Дебарию. Мы едем в город. Я там бывал только раз. Папа купил мне конфет.

— Я тоже куплю тебе конфет, — сказал я. — Ты молодец, Маленький Билл с ранчо Джефферсона. А теперь открывай глаза.

Он открыл глаза. Поначалу они были сонными и смотрели прямо сквозь меня. Но уже через пару се-

кунд его взгляд прояснился, и мальчик смущенно улыбнулся:

— Я, похоже, заснул.

— Да, заснул. И теперь нам с тобой надо поторопиться, чтобы добраться до города прежде, чем начнется буря. Ты сможешь ехать быстро, Билл?

— Да, — ответил он и добавил, поднявшись на ноги: — Мне снились конфеты.

Когда мы с Биллом вошли в кабинет шерифа, нас встретили двое не самых толковых помощников. Один из них — толстяк в черной шляпе с щегольской лентой из кожи гремучей змеи — сидел за столом Пиви, развалившись в кресле. Увидев револьверы у меня на поясе, он поспешно вскочил.

— Так ты, значит, стрелок? — сказал он. — Душевно рад встрече, мы оба рады. А где тот, второй?

Не удостоив его ответом, я провел Билла через арку в здание тюрьмы. Мальчик смотрел вокруг с любопытством и без всякого страха. Давешний пьяница, Солёный Сэм, уже давно освободил помещение, но его «благоухание» задержалось.

У меня за спиной раздался голос другого помощника:

— А ты вообще чего делаешь, юный сэй?

— Делом своим занимаюсь, — ответил я. — Принесите мне связку ключей от всех камер. И побыстрее, пожалуйста.

В одиночных камерах матрасов на койках не было, поэтому я отвел Билла в общую камеру для пьяниц и дебоширов, где прошлой ночью спали мы с Джейми. Я положил два матраса один на другой, чтобы мальчику было удобнее — после всего пережитого прошлой ночью он заслужил, чтобы о нем позаботились и соз-

дали ему хоть какое-то подобие уюта. Пока я устраивал ему постель, он рассматривал карту, нарисованную мелом на стене.

— Что это, сэй?

— Да так, ничего. Тебе это не интересно, — ответил я. — А теперь слушай внимательно. Я запрю тебя в камере, но ты не бойся. Ты не сделал ничего плохого. Это лишь для твоей безопасности. У меня есть дела, которые обязательно надо сделать, но как только я с ними закончу, то сразу вернусь к тебе.

— И мы вместе закроемся здесь, — сказал он. — Нам лучше закрыться. А то вдруг он вернется.

— Теперь ты его помнишь?

— Немножко, — отозвался он, глядя в пол. — Это был не человек... а потом — человек. Он убил моего папу. — Билл закрыл лицо руками. — Бедный мой папа.

Помощник шерифа — толстяк в черной шляпе — принес мне ключи. Второй помощник тоже пришел вместе с ним. Они оба таращились на мальчика, словно это был двухголовый козел на ярмарочном представлении.

Я взял ключи.

— Хорошо. А теперь возвращайтесь в контору, вы оба.

— А ты не слишком ли тут раскомандовался, молодой человек? — высказался толстяк в черной шляпе, и его напарник (маленький и тщедушный, с выступающей вперед нижней челюстью) энергично закивал головой.

— Идите в контору, — повторил я. — Парнишке надо отдохнуть.

Они смирили меня взглядами, но все же ушли. И правильно сделали. Очень правильно. Потому что я был явно не в лучшем расположении духа.

Только когда их шаги затихли вдалеке, мальчик отнял руки от лица.

— Вы его поймаете, сэй?

— Да.

— И убьете?

— А ты *хочешь*, чтобы я его убил?

Он секунду подумал и кивнул:

— Да. За то, что он сделал с папой, и с сзем Джефферсоном, и с остальными. Даже с Элродом.

Я вышел из камеры, нашел нужный ключ и запер дверь. Кольцо с ключами надел на руку, как браслет — оно было слишком большим и не помещалось в карман.

— Даю тебе честное слово, Маленький Билл, — сказал я. — Клянусь именем моего отца. Я не убью шкуроверта, но ты будешь на площади, когда его вздернут на виселице, и я лично дам тебе хлеб, чтобы ты его раскрошил под ногами повешенного.

Я вернулся в контору шерифа. Двое не самых толковых помощников поглядывали на меня с настороженной неприязнью. Меня это не волновало. Я повесил кольцо с ключами на гвоздь, вбитый в стену рядом с телефонным аппаратом, и сказал:

— Я вернусь через час. Может быть, раньше. Пока меня не будет, никто не должен входить в тюрьму. Вас двоих это тоже касается.

— Наглая нынче пошла молодежь, — заметил тщедушный.

— Вам лучше сделать, как я говорю. Это будет самое благоразумное. Вам понятно?

Толстяк в черной шляпе кивнул.

— Но шериф будет поставлен в известность, как ты тут с нами обходишься.

— Значит, в ваших же интересах сохранить зубы в целости и сохранности до его возвращения. А то без зубов неудобно в известность ставить, — сказал я и вышел.

Ветер, ставший заметно сильнее, гнал по городу клубы колючей, соленой пыли. На главной улице Дебарии не было ни души, кроме меня самого и пары-тройки лошадей у коновязи. Они стояли, повернувшись к ветру задом и понутив головы. Свою лошадь я бы в жизни так не оставил. Как не оставил бы и Милли — мула, на котором приехал Маленький Билл. Я отвел обоих животных в платную конюшню на дальнем конце улицы. Конюх принял их с радостью и обрадовался еще больше, когда я отломил ему половину золотого «орла» из тех двадцати, что дал мне отец.

Нет, ответил он на мой первый вопрос, в Дебарии нет ювелира. И на его памяти не было. Но на второй мой вопрос он ответил: «Да», — и указал на здание напротив, на другой стороне улицы. Это и была кузница. Сам кузнец стоял в дверях. Низ его кожаного передника с инструментами, рассованными по карманам, развевался на ветру. Я перешел через улицу. Кузнец поднес кулак ко лбу:

— Хайл.

Я тоже с ним поздоровался и объяснил, что мне нужно. (Ванней говорил, что оно может мне пригодиться.) Кузнец внимательно меня выслушал и взял патрон. Тот же самый, с помощью которого я погрузил в транс Маленького Билла. Кузнец спросил:

— Сколько в нем гранов пороха, знаешь?

Конечно, я знал.

— Пятьдесят семь.

— Так много?! О боги! Это прямо чудо, что ствол твоего револьвера не разрывает, когда ты стреляешь!

Навеска пороха в револьверах моего отца — которые когда-нибудь станут моими — составляла семьдесят шесть гран, но я не стал этого говорить. Кузнец все равно не поверил бы.

— Вы сможете сделать, что я прошу, сэй?

— Наверное, да. — Он немного подумал, потом кивнул: — Да, смогу. Но не сегодня. Не хочу раскошегаривать горн на таком ветру. Один выпавший уголек — и может вспыхнуть весь город. А пожарной команды у нас нет с тех пор, как мой отец был мальчишкой.

Я достал кошелек с золотыми «орлами» и вытряхнул две монеты себе на ладонь. Немного подумал и добавил еще одну. Кузнец смотрел на них как завороженный. Это был его заработок за два года.

— Мне нужно сегодня, — сказал я.

Он улыбнулся, показав на удивление белые зубы, сверкнувшие в густых рыжих зарослях бороды.

— Ах ты, бес-искуситель, как же тут устоять?! За то, что я вижу, я рискну сжечь дотла даже сам Гилеад. К закату все будет.

— К трем часам пополудни.

— Да, я и имею в виду, к трем часам пополудни. Минута в минуту.

— Отлично. А теперь подскажите, какой у вас в городе самый лучший ресторан?

— У нас в городе их всего два, и в обоих готовят не так чтобы прямо объединение. Но все-таки и не отравя. Кафе Рейси, наверное, малость лучше.

Меня это вполне устраивало. Я рассудил, что Маленький Билл с его молодым растущим организмом в любом случае отдаст предпочтение количеству, а не

качеству. Я отправился в кафе. Теперь мне приходилось идти против ветра. *К вечеру будет уже настоящая буря*, сказал мне Маленький Билл по дороге сюда, и, похоже, парнишка был прав. Ему пришлось многое пережить, и сейчас ему нужен покой. Теперь, когда мне стало известно про татуировку на ноге шкуроверта, я, наверное, мог бы обойтись и без помощи Билла... но шкуроверт об этом не знал. В тюрьме мальчик был в безопасности. По крайней мере я на это надеялся.

Это называлось рагу, и я мог бы поклясться, что вместо соли его приправили песком с солончаковых равнин, но мальчик умял свою порцию подчистую, а потом доел и мою тоже, когда я отставил тарелку в сторону. Кто-то из не самых толковых помощников старшего шерифа сварил кофе, и мы с Биллом пили его из жестяных кружек. Мы обедали прямо в камере, сидя на голом полу. Я все время прислушивался, ждал звонка. Но телефон молчал. Меня это не удивляло. Даже если Джейми с шерифом пытались сюда позвонить, ветер мог оборвать провода.

— Ты, наверное, все знаешь про эти бури, которые вы здесь называете самумами, — сказал я Биллу.

— Да, песчаные бури, — ответил он. — Сейчас как раз начинается их сезон. Ковбои их ненавидят, а временные работники — и подавно. Обычно их посылают на самые дальние пастбища, а там негде укрыться от ветра. Спать приходится на земле, и даже нельзя развести костер, потому что...

— Потому что ветер разносит горячие угли, — сказал я, вспомнив слова кузнеца.

— Да, именно. А рагу не осталось? Все съели?

— Съели. Но есть еще вот что.

Я вручил ему маленький полотняный мешочек. Билл заглянул внутрь и весь просиял.

— Конфеты! Настоящие, шоколадные! — Он протянул мне мешочек. — Вы первый берите.

Я взял одну конфету и пододвинул мешочек Биллу:

— Все остальное — тебе. Только смотри, чтобы живот не разболелся.

— Не разболится! — И он принялся за угощение. Мне было приятно смотреть, как он радуется. Первые две конфеты Билл проглотил, почти не жуя, а третью засунул за щеку, как белка — орешек, и вдруг спросил: — Что со мной будет, сэй? Как мне теперь без папы?

— Не знаю, но даст Бог — будет вода.

У меня уже была мысль, где мы найдем эту воду. Если нам удастся покончить со шкуровертом, одна влиятельная дама по имени Эверлина будет нашей должницей и наверняка не откажет нам в просьбе позаботиться о парнишке. Почему-то я был уверен, что Билли Стритер станет далеко не первым осиротевшим ребенком, воспитанным сестрами Ясной обители.

Я вернулся к вопросу о самуме:

— И что, сильная будет буря?

— К вечеру разыграется в полную силу. Или после полуночи. Но завтра к полудню все стихнет.

— Ты знаешь, где живут солянтики?

— Я там даже бывал пару раз. Один раз — с папой, на скачках. Они там иногда устраивают состязания, вот мы и приехали посмотреть. И один раз — с кобоями, когда мы искали потерявшихся лошадей. Солянтики их приводят к себе, а мы потом с ними расплачиваемся зерном и лепешками. И забираем своих лошадей, которые с клеймом Джефферсона.

— Мой товарищ поехал туда с шерифом и еще с парой человек. Как думаешь, они успеют вернуться до вечера?

Я был уверен, что он скажет «нет», но мальчик меня удивил:

— Соляная деревня, она же на этой стороне от Малой Дебарии, и дорога все время идет под гору, так что, наверное, успеют. Если быстро поедут.

Выходит, я правильно сделал, что велел кузнецу поторопиться. Хотя, с другой стороны, мальчик мог ошибаться в своих расчетах. Все-таки он был еще ребенком.

— Послушай меня, Билл. Когда они вернутся, с ними приедет и кто-то из солянщиков. Не знаю, сколько их будет. Может, дюжина. Может, человек двадцать. И возможно, нам с Джейми придется провести их мимо твоей камеры, чтобы ты на них посмотрел. Но ты не бойся. Камера будет заперта. И тебе не нужно ничего говорить. Просто смотри.

— Если вы думаете, что я сумею узнать того, кто убил папу, то я не сумею. Я даже не помню, видел я его или нет.

— Тебе, может быть, и не придется на них смотреть. — Я был почти уверен, что так и будет. План был такой: мы заводим их по трое в кабинет шерифа и просим задрать штанины. Тот, у кого на ноге обнаружится татуировка в виде синего кольца, и есть наш человек. То есть уже *не совсем* человек. Или, вернее, *совсем не* человек.

— Хотите еще конфету, сэй? Там три осталось, а в меня уже больше не лезет.

— Ты их оставь на потом, — сказал я, поднимаясь. Он тут же сник.

— Вы вернетесь? Мне страшно здесь одному.

— Да, вернусь. — Я вышел, запер дверь камеры и бросил ключи Биллу сквозь прутья решетки. — Вот, возьми. Когда я вернусь,пустишь меня.

Толстого помощника шерифа (того, кто ходил в черной шляпе) звали Стросером. Тщедушного, с выдвинутой вперед нижней челюстью — Пикенсом. Они поглядывали на меня с недоверием и опаской. Я подумал, что это хорошее сочетание. Когда приходится иметь дело с такими, как эти двое, недоверие и настороженность с их стороны — это как раз то, что нужно. Я умел с этим справляться.

— Допустим, я вас спрошу о человеке с татуировкой в виде синего кольца на лодыжке. Вам это что-нибудь говорит? — обратился я к ним обоим.

Они переглянулись, и толстяк — Стросер — сказал:

— Заключенный. Из тюрьмы.

— Из какой именно тюрьмы? — Мне уже это не нравилось.

— Из Бильеской, — пояснил Пикенс, глядя на меня как на последнего идиота. — Ты разве не знаешь? Ты, стрелок, и не знаешь?!

— Билье — это город к западу отсюда, так? — уточнил я.

— *Был* город, — ответил Стросер. — А теперь только название осталось, а сам город заброшен. Бандиты его разорили пять лет назад. Ходили слухи, что это бойцы Джона Фарсона, но я лично не верю. Это были самые обыкновенные бандиты. Когда-то в Билье стоял милицейский гарнизон — в те времена, когда еще существовала милиция. Они как раз и занимались охраной тюрьмы, куда по решению здешнего окружного судьи сажали воров, убийц и карточных шулеров.

— А еще ведьм и колдунов, — добавил Пикенс с мечтательным выражением лица, как человек, вспоминающий старые добрые времена, когда поезда на железной дороге ходили точно по расписанию, а телефоны звонили гораздо чаще, и их было значительно больше по всей округе. — Всех занимавшихся черной магией.

— И одного людоеда, который съел свою собственную жену, — сказал Стросер с глупым смешком. Я так и не понял, что именно его рассмешило — сам факт людоедства или родственные отношения каннибала с жертвой.

— Его повесили, того парня, — сказал Пикенс. Он откусил кусок от брикета жевательного табака и принялся перемалывать его своей странной челюстью, выдвинутой вперед. У него по-прежнему был вид человека, истосковавшегося по старым добрым временам. — Тогда в Бильеской тюрьме многих вешали. Мы с папашей и матушкой не раз ходили смотреть на казни. Мамаша всегда собирала с собой еды. — Он задумчиво кивнул. — Многих вешали, да. И народ приходил посмотреть. Были там и балаганы с потешными представлениями, акробаты, жонглеры. Иногда проводились собачьи бои. Но казнь, ясное дело, была гвоздем программы. Собственно, ради нее все и шли. — Он хохотнул. — Помню, как один парень сплясал каммалу, когда люк не открылся...

— И как это связано с синей татуировкой на лодыжке?

— А, да, — сказал Стросер, возвращаясь к прерванной теме. — Всем заключенным Бильеской тюрьмы набивали такую татуировку. Я только не помню зачем. То ли для наказания, то ли просто для опознания, если кто вдруг сбежит. То есть так было раньше. Тюрьму-то

уже десять лет, как закрыли. Бандиты поэтому и разграбили город — тюрьма закрылась, милиция отбыла восвояси, так что их некому было остановить. И теперь нам приходится самим управляться со всяким отребьем и прочими подонками общества. — Он смерил меня взглядом, который можно было счесть за откровенное оскорбление. — От Гилеада теперь мало помощи. Можно сказать, что вообще никакой. Прямо хоть к Джону Фарсону обращайся, чтобы он подсобил. И некоторые уже обращались, посылали к нему гонцов с просьбой о помощи. — Вероятно, он что-то заметил в моих глазах, потому что вдруг выпрямился в своем кресле и быстро проговорил: — Но только не я, разумеется. Ни в коем разе. Я верю в силу закона и благородную кровь рода Эльда.

— Мы все верим, да, — энергично закивал Пикенс.

— А вы, случайно, не знаете, кто-нибудь из солянщиков сидел в Бильесской тюрьме, пока ее не упразднили? — спросил я.

Стросер как будто задумался, потом ответил:

— Ну да, есть такие. Я бы сказал, четверо из каждых десяти.

С годами я научился не выдавать свои чувства, но тогда я был еще очень молод и не смог скрыть уныния. Стросер заметил, как я изменился в лице, и усмехнулся. Вряд ли он понимал, что эта усмешка могла очень дорого ему обойтись. Последние два дня выдались у меня непростыми, да и мысли о мальчишке лежали камнем на сердце.

— А как по-твоему, кто еще взялся бы за такую работу — вкалывать в соляном руднике за гроши? — спросил Стросер. — Наши добрые граждане?

Похоже, Маленькому Биллу все же придется взглянуть на нескольких солянщиков. И будем надеяться,

тот, кто нам нужен, не знает, что мальчик не видел его лица, а видел только татуировку на ноге.

Когда я вернулся обратно в тюрьму, Маленький Билл лежал на постели из двух матрасов, которую я ему соорудил. Мне показалось, он спит, но, услышав мои шаги, мальчик сел и обернулся. Глаза у него были красными, щеки — мокрыми. Он не спал, он скорбел. Билл бросил мне ключи, я вошел в камеру, сел рядом с ним и приобнял за плечи. Я ощущал себя скованно и неловко: мне знакомы сочувствие и сострадание, я знаю, что это такое, но я никогда не умел их проявлять, это давалось мне с большим трудом. Однако я знал, что чувствует человек, потерявший одного из родителей. В этом Маленький Билл и юный Роланд были очень похожи.

— Конфеты доел? — спросил я.

— Не хочу больше, — ответил он и вздохнул.

Ветер снаружи взвыл так, что здание затряслось. Потом вроде бы стих.

— Ненавижу этот вой ветра.

Маленький Билл в точности повторил слова Джейми Декарри, и это вызвало у меня улыбку.

— И мне не нравится здесь сидеть, — продолжал мальчик. — Как будто это я сделал что-то плохое.

— Ты не сделал ничего плохого.

— Может, и нет. Но мне уже кажется, что я тут целую вечность сижу. Взаперти. А если они не вернутся до вечера, то мне еще целую ночь тут сидеть. Да?

— Я составляю тебе компанию, — сказал я. — Если у этих помощников шерифа найдутся карты, мы можем сыграть в «Четыре валета».

— Это для малышей, — мрачно проговорил он.

— Тогда в «Не зевай» или покер. Умеешь?

Билл покачал головой и смахнул слезы со щек. Он снова расплакался.

— Я тебя научу. Будем играть на спички.

— Я бы лучше послушал сказку, про которую вы говорили, когда мы сделали привал в пастушьей хижине. Не помню, как называется.

— «Ветер сквозь замочную скважину». Но это длинная сказка, Билл.

— У нас же есть время, да?

Тут возразить было нечего.

— И там есть страшные сцены. Они, в общем, нормально воспринимаются, если ты дома, лежишь в постели и мама читает тебе перед сном. Но после всего, что ты пережил...

— Не беспокойтесь. Сказки, они помогают забыть о плохом. Если это хорошие сказки. Ваша — хорошая?

— Я всегда думал, что да.

— Тогда расскажите мне эту сказку. — Он слабо улыбнулся. — Я даже отдам вам оставшиеся конфеты. Две из трех.

— Конфеты — тебе. А я лучше сверну себе папиросу. — Я задумался, с чего начать. — Знаешь сказки, которые начинаются: «Давным-давно, в незапамятные времена, когда дед твоего деда еще не родился на свет»?

— Все сказки так начинаются. То есть все, которые рассказывал папа. Пока не сказал, что я уже вырос из сказок.

— Люди не вырастают из сказок, Билл. Никогда не вырастают. Мальчик или мужчина, девочка или женщина — мы все живем ради сказок.

— Правда?

— Да.

Я достал из кармана кисет с табаком и бумагой. Медленно свернул папиросу (в те времена я еще только учился этому искусству). Когда у меня получилось именно так, как мне нравится — чтобы тот конец, где затягиваешься, сужался чуть ли не до размеров булавочной головки, — я чиркнул спичкой о стену. Билл сидел, скрестив ноги, на соломенных матрасах. Он выудил из мешочка одну конфету, покатав ее пальцами точно так же, как я катал папиросу, потом сунул за щеку.

Я начал рассказ медленно и неловко. Тогда я еще не умел хорошо рассказывать... хотя со временем научился. Пришлось научиться. Всем стрелкам нужно это уметь. Но стоило только начать, и уже очень скоро рассказ пошел легче. Потому что у меня в голове зазвучал мамин голос. Я слушал его про себя и просто озвучивал вслух: все интонации, все повышения и понижения, все паузы.

Я видел, что мальчик захвачен историей, и меня это радовало: как будто я снова гипнотизировал его, но другим способом. Который был лучше, честнее. Однако больше всего мне нравилось, что я слышал мамин голос. Как будто она снова была со мной, где-то глубоко в моем сердце. Это причиняло мне боль, но я давно понял, что все самое лучшее, что есть в жизни, почти всегда причиняет нам боль. Мы полагаем, что так не бывает, но — как говорят старики — мир перевернулся и сдвинулся с места, и добавить тут нечего.

— Давным-давно, в незапамятные времена, когда дед твоего деда еще не родился на свет, на опушке огромного дикого леса, называвшегося Бескрайним, стояла деревня, а в деревне жил мальчик по имени Тим. Маму мальчика звали Нелл, а отца — Большой Росс. Они жили дружно и вполне счастливо, хотя и небогато...

**ВЕТЕР
СКВОЗЬ ЗАМОЧНУЮ
СКВАЖИНУ**

Давным-давно, в незапамятные времена, когда дед твоего деда еще не родился на свет, на опушке огромного дикого леса, называвшегося Бескрайним, стояла деревня, а в деревне жил мальчик по имени Тим. Маму мальчика звали Нелл, а отца — Большой Росс. Они жили дружно и вполне счастливо, хотя и небогато.

— У меня только четыре богатства, чтобы оставить тебе в наследство, — так Большой Росс говорил сыну. — Знаешь какие, сынок?

Тим знал и перечислял их не раз, но не уставал повторять вновь и вновь:

— Твой топор, твоя счастливая монетка, твой дом и твое ремесло — твое место, которое ничуть не хуже, чем у короля или стрелка в Срединном мире. — После этого он умолкал ненадолго и всегда добавлял: — И еще мама. Получается не четыре, а пять.

Большой Росс смеялся, целовал сына в лоб и желал ему спокойной ночи, потому что обычно этот ритуал происходил у них вечером, когда Тим уже ложился спать. Нелл стояла в дверях и ждала своей очереди поцеловать Тима на ночь.

— Да, — говорил Большой Росс, — маму нельзя забывать никогда. Потому что без мамы все остальное вообще ни к чему.

И Тим засыпал, зная, что его любят, что у него есть свое место в мире. Засыпая, он слушал дыхание ночного ветра: сладкое от благоухания древоцвета, росшего на опушке Бескрайнего леса, и слегка кисловатое — но все равно приятное — от духа железных деревьев в глубине леса, куда отваживались заходить только самые смелые.

Это было хорошее время, но, как нам известно — из сказок и из самой жизни, — все хорошее когда-то кончается.

Однажды — в тот год, когда Тиму сравнялось одиннадцать — Большой Росс и его напарник Большой Келлс запрягли лошадей в повозки и поехали к тому месту, где Тропа железных деревьев углублялась в лес, как они делали каждое утро, кроме седьмого дня на неделе, когда вся Древесная деревня отдыхала от трудов. Однако в тот день домой вернулся один Большой Келлс. Вернулся весь черный от сажи, в обгоревшей куртке. В левой штанине зияла дыра, сквозь которую проглядывала красная обожженная кожа, покрытая волдырями. Большой Келлс сидел, скособочившись, в повозке, словно ему было больно выпрямиться.

Нелл Росс вышла на порог своего дома и крикнула:
— Где Большой Росс? Где мой муж?

Большой Келлс медленно покачал головой. С волос на плечи посыпался пепел. Большой Келлс произнес всего одно слово, но одного этого слова хватило, чтобы у Тима все оборвалось внутри. Его мать пронзительно закричала.

Слово это было «дракон».

Никто из ныне живущих не видел лесов, подобных Бескрайнему лесу, ибо мир сдвинулся с места. Это был

мрачный и темный лес, полный опасностей. Лесорубы из Древесной деревни знали об этом лучше всех в Срединном мире, но даже им было неизвестно, кто и что может скрываться в чаше на расстоянии десяти колес от того места, где кончаются заросли древоцветов и начинаются железные деревья — эти высокие угрюмые стражи. Глубины Бескрайнего леса являли собой великую тайну: это был край необычных и странных растений, и еще более странных зверей, и смердящих болот, и — если верить досужим слухам — непонятных предметов, оставшихся после Великих Древних, предметов загадочных и часто опасных.

Жители Древесной деревни боялись Бескрайнего леса — и правильно делали. Большой Росс был не первым лесорубом, ступившим на Тропу железных деревьев и не вернувшимся назад. Да, местные боялись Бескрайнего леса, но и любили его, потому что железные деревья кормили и одевали их семьи. Они понимали (хотя никто не сказал бы об этом вслух), что лес — живой. И, как и всякому живому существу, ему нужно питаться.

Представь, что ты — птица, парящая над бескрайним простором дикого леса. С такой высоты кажется, будто земля оделась в зеленое платье, такое темное, что оно представляется почти черным. По подолу этого огромного платья тянется светло-зеленая полоса. Это — рощи древоцветов. На самой границе светло-зеленой полосы, на самом дальнем краю Северного феода, стояла деревня Древесная, бывшая последним поселком в этой когда-то цивилизованной стране. Однажды Тим спросил у отца, что значит *цивилизированный*.

— Это значит налоги, — сказал Большой Росс и рассмеялся, но как-то невесело.

Большинство лесорубов не заходили в лес дальше рощ древоцветов. Но даже там было опасно. Хуже всего были змеи, однако в рощах водились и вервелы — ядовитые грызуны размером с собаку. Немало лесорубов сгинуло в зарослях древоцвета, но это дерево стоило риска. Очень красивая плотная древесина, золотистого цвета и такая легкая, что она едва не парила в воздухе. Из нее получались отличные лодки для передвижения по озерам и рекам, но для строительства морских кораблей она не годилась. Даже самый слабый шторм вмиг расколол бы корабль, сделанный из древоцвета.

Корабли для морских путешествий строили из железного дерева. Дважды в год на лесопильню в Древесной деревне приезжал Ходьяк, закупщик от феода, и скупал все железное дерево по хорошей цене. Именно железное дерево придавало Бескрайнему лесу его зелено-черный оттенок, и добывали его только самые смелые из лесорубов, ибо на Тропе железных деревьев — которая, не забывая, проходила по самому краешку леса — таились такие опасности, рядом с которыми змеи, вервелы и пчелы-мутанты из рощ древоцветов казались вполне безобидными и нисколько не страшными.

К примеру, драконы.

Вот так и случилось, что на двенадцатом году жизни Тим Росс остался без отца. И без отцовского топора, и без счастливой монетки, которую Большой Росс всегда носил на своей крепкой шее на тонкой серебряной цепочке. И уже совсем скоро Тим мог остаться без дома в деревне и без ремесла. Ибо в те времена с приходом Широкой Земли в деревню всегда приезжал сборщик налогов от феода. С собой у него был

пергаментный свиток — с именами всех жителей Древесной деревни и числами напротив имен. Числа означали сумму налога. Если ты мог заплатить — четыре, шесть или восемь серебряных «орлов», а то и один золотой, за самые большие земельные наделы, — тебя оставляли в покое. Если же нет, феодал забирал твою землю и дом и пускал тебя по миру. И не смей жаловаться!

Каждый день Тим ходил в дом вдовы Смэк, которая учила грамоте деревенских детей. За это ей платили едой — в основном овощами, но иногда и куском мяса. Давным-давно, когда половину ее лица еще не сожрали кровавые язвы (так шептались деревенские дети, хотя никто этого не видел), она была уважаемой леди в одном из господских поместий феодала (так утверждали взрослые, хотя никто не знал наверняка). Сейчас она носила вуаль и учила самых смышленных мальчишек — и даже нескольких девочек — чтению, и письму, и одной непонятной и даже слегка подозрительной науке под названием *мать-и-матика*.

Вдова Смэк была страшно умной и не выносила пустой болтовни, лени и праздности. Она занималась с ребятами почти каждый день, и обычно ученики ее любили, несмотря на вуаль и на тот ужас, который, как им представлялось, скрывался под ней. Однако случались такие дни, когда вдова Смэк вдруг начинала дрожать всем телом и кричать, что у нее раскалывается голова и что ей надо прилечь. В такие дни она отправляла детей по домам, а иногда велела им передать родителям, что она ни о чем не жалеет, и меньше всего — о своем прекрасном принце.

Один из таких припадков случился с сэй Смэк примерно через месяц после того, как дракон испепелил Большого Росса. Тим вернулся домой в неурочное

время и, заглянув с улицы в окно кухни, увидел, что мама плачет, уронив голову на стол.

Он бросил на землю грифельную доску с *мать-и-матическими* задачами (делением в столбик, которого он очень боялся, но которое оказалось всего-навсего умножением задом наперед) и кинулся к маме. Она подняла голову и попыталась улыбнуться. Эта улыбка настолько не подходила к заплаканным грустными глазам, что Тим сам едва не расплакался. У мамы был вид человека, доведенного до крайних пределов отчаяния.

— Что с тобой, мама? Что стряслось?

— Ничего, я просто думаю о твоём папе. Иногда мне так без него плохо... А чего ты так рано вернулся?

Он уже собирался ответить, но тут заметил на столе кожаный кошелек. Мама закрывала его рукой, как будто хотела спрятать от Тима. Увидев, куда смотрит сын, она быстро смахнула кошель со стола себе на колени.

Тим был очень неглупым мальчиком и, прежде чем продолжать разговор, заварил маме чаю. Когда мама выпила чай с сахаром — Тим настоял, чтобы она положила сахар, хотя в банке его оставалось всего ничего — и слегка успокоилась, он спросил, что еще произошло.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Почему ты считала деньги?

— Да там и считать почти нечего, — вздохнула мама. — Сборщик налогов придет к нам сразу после Жатвы... да, пока еще не остыли угли большого костра, если я что-нибудь понимаю в его делах... и что тогда? В этом году он потребует шесть серебряных «орлов». Может быть, и все восемь. Говорят, налоги подняли. Наверное, из-за какой-то очередной войны,

какой-нибудь глупой войны далеко-далеко отсюда... Солдаты с реюшими знаменами... да, прекрасно.

— Сколько у нас денег?

— Четыре с мелочью. У нас нет скота на продажу. И ни одной вязанки железного дерева — с тех пор как не стало отца. И что нам делать? — Она снова расплакалась. — *Что нам делать?!*

Тим был напуган не меньше мамы, но поскольку теперь он остался единственным мужчиной в доме и, кроме него, ее некому было утешить, он сдержал слезы, обнял маму и как мог попытался ее успокоить.

— Если бы у нас остался его топор и монетка, я бы их продала Дестри, — сказала она наконец.

Тим пришел в ужас, хотя у них уже не было ни топора, ни счастливой монетки, сгоревших в пламени вместе с их веселым и добрым папой.

— Ты бы не сделала этого! Никогда!

— Я бы сделала. Чтобы сохранить его дом и участок земли. Именно их он любил. И тебя тоже любил, и меня. Если бы он мог, он бы сказал: «Сделай так, Нелл, я не против». У Дестри денег полно, он бы купил. — Она вздохнула. — Но на будущий год сборщик налогов снова приедет.. и еще через год... — Она закрыла лицо руками. — Ох, Тим, нас прогонят из дома, и я не знаю, что делать, чтобы этого избежать. А ты знаешь?

Тим отдал бы все, что имел (а имел он всего ничего), лишь бы ответить на мамин вопрос, но ответа у него не было. Он мог только спросить, скоро ли к ним в деревню приедет сборщик налогов на огромном вороном коне с седлом, которое стоит больше монет, чем Большой Росс заработал за двадцать пять лет, рискуя жизнью на узком участке леса, известном как Тропа железных деревьев.

Мама подняла руку, показав Тиму четыре пальца.

— Вот через столько недель, если погода будет хорошая. — Она подняла другую руку и показала еще четыре пальца. — И вот через столько, если будет ненастье и он задержится у фермеров на Срединных лугах. Восемь недель — это самое большее, на что можно надеяться, а потом...

— За это время всякое может случиться, — сказал Тим. — Папа всегда говорил, что лес много чего дает тем, кто его любит.

— Пока что он только все отбирает. — Нелл снова закрыла лицо руками. А когда Тим попытался ее обнять, покачала головой.

Тим вышел на улицу, чтобы подобрать свою доску с задачами. Никогда в жизни ему еще не было так грустно и страшно. *Что-то случится, и все изменится*, подумал он. *Пусть все изменится, ну пожалуйста.*

Не зря говорится, бойтесь своих желаний — иногда они исполняются.

Полная Земля подарила Древесной деревне знатный урожай; даже Нелл это знала, хотя щедрость природы отдавалась в ее душе только горечью. Она понимала, что на следующий год ей с Тимом, возможно, придется следовать за урожаем с холщовыми рюкзаками за плечами, все дальше и дальше от Бескрайнего леса, и поэтому красота позднего лета вовсе не радовала ее взор. Ее страшил лес — лес забрал ее мужа, — но это было единственное место в мире, которое она знала. По ночам ветер, дувший с севера, проникал в окно ее спальни, словно тайный любовник, со своим собственным особым запахом, сладким и горьким одновременно, как кровь и клубника. Иногда Нелл снился лес, его потайные глубины, секретные коридоры и

рассеянный солнечный свет, тусклый, как старая позеленевшая медь.

Когда ветер дует с севера, запах леса приносит видения — говорят старики. Нелл не знала, правда это или выдумка, но она точно знала, что запах Бескрайнего леса — это запах и жизни, и смерти. И еще она знала, что Тиму он нравится, как нравился и его отцу. Как нравится и ей самой (хотя часто и поневоле).

Она всегда втайне боялась того дня, когда ее сын станет достаточно взрослым и сильным, чтобы пойти в лес с отцом, но теперь горько жалела о том, что этот день никогда не настанет. Сэй Смэк и ее *мать-и-матика* — это хорошо и прекрасно, но Нелл знала, чего хочется ее сыну на самом деле, и ненавидела дракона, который отнял все это у Тима. Может быть, это была дракониха, и она лишь защищала свое гнездо, но Нелл ее ненавидела все равно. И очень надеялась, что эта чешуйчатая желтоглазая сука проглотит свой собственный огонь и взорвется — такое иной раз случается, если верить легендам.

И вот однажды, вскоре после того дня, когда Тим вернулся домой пораньше и застал маму в слезах, к Нелл пришел Большой Келлс. Тим в то время нанялся на работу к фермеру Дестри — на две недели, косить сено, — и Нелл была дома одна. Вернее, не дома, а в саду, где выпалывала сорняки, ползая на коленях. Увидев Большого Келлса, старого друга и напарника ее покойного мужа, она поднялась и вытерла грязные руки о холщовый фартук.

Она сразу поняла, зачем он пришел. Ей хватило одного взгляда на его чистые руки и аккуратно расчесанную бороду. Нелл Робертсон, Джек Росс и Берн

Келлс знали друг друга с детства и с малых лет были большими друзьями. *Однопометники из разных поместов* — так жители Древесной деревни иногда называли их неразлучную тройцу. Они и вправду всюду ходили вместе, когда были маленькими.

Когда же они подросли, мальчишки влюбились в Нелл. И хотя ей нравились оба, ее сердце горело страстью к Большому Россу; за него она вышла замуж и с ним разделила постель (хотя неизвестно, в такой ли именно последовательности; впрочем, никому и не было дела). Большой Келлс принял это достойно, как подобает мужчине. Он был шафером Росса на свадьбе и обвинил жениха и невесту шелковой веревкой, когда священник закончил венчание и молодые готовились выйти из церкви. У дверей он снял с них веревку (хотя говорят, что *на самом деле* она *никогда* не снимается), расцеловал их обоих и пожелал долгих дней и приятных ночей на всю жизнь.

Хотя день был жарким, Келлс пришел к Нелл при полном параде, в плотном суконном пиджаке. Он достал из кармана кусок шелковой веревки, завязанной свободным узлом. Нелл уже знала, что так и будет. Женщины всегда знают такие вещи. Даже женщины, много лет бывшие замужем. А сердце Келлса нисколько не изменилось за все эти годы.

— Пойдешь за меня? — спросил он. — Если да, я продам свою землю Дестри. Старик давно зарится на мой участок: он примыкает к его восточному полю. Поселюсь у тебя, и у нас будут деньги. Скоро придет сборщик налогов, Нелли, и потребует денег. И как ты справишься одна, без мужа?

— Никак не справлюсь, и ты это знаешь.

— Тогда скажи: мы обовьемся веревкой?

Она нервно вытерла руки о фартук, хотя они уже были чистыми — разве что не вымытыми в ручье.

— Я... мне надо подумать.

— Чего тут думать? — Он достал свой платок — аккуратно свернутый в кармане, а не повязанный на шею, по обычаю лесорубов — и вытер лоб. — Либо выходишь за меня, и мы остаемся в деревне... работу парнишке я подберу, будет какой-никакой лишний доход, хотя парень еще маловат для леса... либо вы с ним пойдете по миру. Я могу поделиться, но не могу отдать даром, при всем желании. Потому что мне больше нечего продавать, кроме дома. А дом у меня только один.

Она подумала: *Он пытается меня купить, чтобы я заполнила пустоту в его постели — пустоту, что осталась после Миллисент.* Но это была нехорошая мысль, несправедливая по отношению к человеку, которого Нелл знала с самого детства, еще до того, как он стал мужчиной, и который в течение многих лет работал бок о бок с ее любимым мужем на темном, опасном участке леса у Тропы железных деревьев. *Один за работой, другой на страже*, так говорили старики. *Где один, там и другой, друг без друга никак.* И теперь, когда Джека Росса не стало, Берн Келлс зовет ее замуж. Это естественно.

И все же Нелл сомневалась.

— Приходи завтра в это же самое время, если не передумаешь, — сказала она. — Я дам ответ.

Это ему не понравилось; она поняла, что ему не понравилось. Увидела что-то в его глазах — что-то такое, что замечала и раньше, когда была совсем юной девушкой, за которой ухаживали двое пригожих парней и которой завидовали все подружки. Именно этот

взгляд и заставил ее сомневаться, хотя Берн Келлс явился к ней, словно ангел-спаситель, и предложил ей — и Тиму, конечно — выход из трудного положения, в котором она оказалась после гибели мужа.

Он, видимо, понял, что она что-то заметила, и поспешно опустил глаза. Постоял так какое-то время, внимательно изучая носки своих сапог, а когда снова взглянул на Нелл, у него на лице сияла улыбка. Теперь, когда Большой Келлс улыбался, он был почти таким же красивым, как в юности... и все-таки не таким красивым, как Джек Росс.

— Стало быть, завтра. Но ни днем позже. В западных землях есть поговорка, моя дорогая. *Когда тебе что-то предложат, не раздумывай долго, всякая ценность — она, как птица, расправит крылышки и улетит.*

Она вымылась в ручье, постояла какое-то время, вдыхая кисло-сладкий аромат леса, потом вернулась домой и легла. Это было неслыханно, чтобы Нелл Росс валялась в постели среди бела дня, но ей надо было о многом подумать и многое вспомнить из тех времен, когда два молодых лесоруба соперничали за ее поцелуи.

Даже если бы она тогда воспылала не к Джеку Россу, а к Берну Келлсу (в то время его еще не называли Большим Келлсом, хотя отца у него не было; отец Берна погиб в лесу, его убил варт или какое-то другое чудовище), Нелл была не уверена, что согласилась бы выйти за него замуж. Трезвый Келлс был общительным и веселым — и надежным, как песок в песочных часах, но когда напивался, буянил, легко впадал в ярость и пускал в ход кулаки. А в те времена он пил много. Когда Росс и Нелл поженились, Келлс вообще

запил горькую, и частенько случалось, что он просыпался наутро в тюрьме.

Джек какое-то время молчал, но после очередного запоя Келлса, когда тот разнес в щепки почти всю мебель в салуне, прежде чем его свалило с ног, Нелл сказала мужу, что с этим надо что-то делать. Большой Росс неохотно согласился. Он вытащил своего старого друга и напарника из тюрьмы — как делал уже не раз, — только теперь высказал ему все начистоту, а не просто дал добрый совет окунуться в ручей и сидеть там, пока в голове не прояснится.

— Слушай меня, Берн, и слушай внимательно. Мы с тобой дружим с раннего детства и работаем вместе с тех самых пор, как стали достаточно взрослыми, чтобы ходить к железным деревьям самостоятельно. Я прикрывал спину тебе, ты прикрывал спину мне. Я доверяю тебе, как себе самому... когда ты трезвый. Но когда ты заливаешь глаза, ты не надежнее, чем трясина. Я не справлюсь в лесу один, а если я не могу на тебя положиться, тогда я рискую потерять все, что имею — что *мы оба* имеем. Мне бы очень не хотелось искать другого напарника, но я тебя предупреждаю: у меня есть жена и ребенок, и я должен о них позаботиться.

Еще пару месяцев Келлс продолжал пить, скандалить и драться, как будто назло своему старому другу (и молодой жене своего старого друга). Большой Росс и вправду собрался искать себе нового напарника, как вдруг случилось чудо. Оно было маленьким, вряд ли больше пяти футов от макушки до пяток. Чудо звали Миллисент Редхаус. То, что Берн Келлс не сделал ради Большого Росса, он сделал ради Милли. А когда полтора года спустя Милли умерла при родах (ребенок тоже не выжил, умер еще до того, как «с мертвых щек

бедной матери сошел румянец родильных потуг», как потом повитуха поведала Нелл по секрету), Росс впал в уныние.

— Теперь он опять начнет пить, и это может закончиться очень плохо.

Но Большой Келлс не запил. Не брал в рот ни капли, а если ему по каким-то делам случалось пройти мимо салуна Гитти, он переходил на другую сторону улицы. Он сказал, что Милли просила его не пить, и если он не исполнит последнюю волю покойной жены, это будет оскорблением ее памяти.

— Я скорее умру, чем опять начну пить, — сказал он.

Он держал свое слово... но иногда Нелл замечала, как он на нее смотрит. Даже, пожалуй, частенько. Он не делал ничего такого, что можно было бы посчитать непристойным или нескромным, никогда не пытался к ней прикоснуться, не пробовал даже сорвать поцелуй на празднике Жатвы, но она видела, как он на нее смотрит. Не так, как мужчина смотрит на друга или на жену друга, а так, как мужчина смотрит на женщину.

Тим вернулся домой за час до заката, весь потный и облепленный сеном, но очень довольный. Фермер Дестри расплатился с ним запиской, по которой можно было отовариться в лавке — причем на изрядную сумму, — а жена Дестри, добрая женщина, добавила целый мешок сладкого перца и помидоров. Нелл взяла у сына мешок и записку, поблагодарила его, поцеловала, выдала толстый бутерброд и отправила мыться в ручье.

Тим стоял в холодной воде и смотрел на дремлющие, окутанные туманом поля, простиравшиеся перед ним с той стороны, где были Внутренние феоды и Гилеад. Слева темнела громада леса, что начинался

буквально в одном колесе от того места, где стоял Тим. Там, в лесу, всегда сумерки, даже в полдень, так говорил папа. При мысли о папе радость мальчика — что сегодня за день работы ему заплатили почти как взрослому — утекла, как вода сквозь пальцы. Как зерно из дырявого мешка. Тиму часто бывало грустно, но каждый раз эта грусть заставляла его врасплох. Он уселся на камень, подтянул колени к груди, положил голову на руки и задумался. Погибнуть в пламени дракона так близко к опушке леса — это маловероятно и страшно несправедливо, и все же такое случалось раньше. Папа — не первый, кого постигла такая судьба. И наверняка не последний.

Мамин голос проплыл над полями, донесся до Тима. Мама звала его домой, ужинать. Тим радостно откликнулся, что идет, встал коленями на камень, склонился над ручьем и брызнул холодной водой на лицо. Ему казалось, что у него распухли глаза, хотя он не плакал. Он быстро оделся и побежал вверх по склону холма. Уже стемнело, мама зажгла в доме лампы, и длинные прямоугольники света из окон пролегли через маленький ухоженный сад. Уставший, но снова счастливый — настроение у мальчишек непостоянно, как флюгер, — Тим вошел в дом, залитый теплым, радужным сиянием.

После ужина, когда все было убрано со стола, Нелл сказала:

— Тим, я хочу с тобой поговорить. Как мама — с сыном... и даже больше. Ты уже взрослый, работаешь, сам кое-что зарабатываешь. Твое детство скоро закончится — скорее, чем мне бы хотелось, — и у тебя есть право знать, что происходит. И высказать свое мнение.

— Ты о чем, мама? О сборшике налогов?

— В каком-то смысле, но... думаю, что не только о нем.

Она едва не сказала *боюсь* вместо *думаю*, но успела исправиться. Да, ей предстояло принять непростое решение, важное решение, но чего здесь бояться?

Она предложила перейти в гостиную — такую крошечную, что Большой Росс почти касался кончиками пальцев двух противоположных стен, когда стоял в центре комнаты, вытянув руки в стороны, — там они с Тимом уселись перед неразожженным камином (то была теплая ночь Полной Земли), и Нелл пересказала сыну ее сегодняшний разговор с Большим Келлсом. Тим слушал с удивлением и нарастающим беспокойством.

— И что ты думаешь? — спросила она, закончив рассказ. Но прежде чем Тим ответил — возможно, Нелл увидела на лице сына тревогу, которую и сама чувствовала на душе, — она поспешно добавила: — Он хороший человек. Он был другом твоего папы. Даже больше братом, чем другом. Я думаю, он меня любит. И тебя тоже любит.

Нет, подумал Тим. *Я просто иду в довесок. Он меня даже не замечает. Замечал, только когда я был с папой. Или с тобой.*

— Не знаю, мама.

При одной только мысли о том, что Большой Келлс поселится в их доме — и займет место отца в материнской постели, — у Тима все переворачивалось в животе. Как будто ужин не пошел ему впрок, и его вот-вот стошнит. На самом деле его *и вправду* подташнивало.

— Он бросил пить, — сказала Нелл. Теперь она как будто разговаривала сама с собой. — Уже много лет,

как не пьет. В юности он был буйным, но твой папа его умирил. И Миллисент, конечно.

— Может, и так. Но их обоих уже нет с нами, — заметил Тим. — И знаешь, мама... он до сих пор не нашел напарника, чтобы ходить за железным деревом. Рубит лес в одиночку, а это опасно. Смертельно опасно.

— Времени мало прошло. Он еще найдет себе напарника. Он сильный и опытный лесоруб и знает хорошие участки в лесу. Твой отец научил его, как выбирать самые лучшие, когда они лишь начинали осваивать ремесло.

Тим все это знал и все-таки не был уверен, что Келлс сумеет найти кого-то, кто согласится стать его напарником. Он давно замечал, что остальные лесорубы старались держаться от Келлса подальше. Не то чтобы это происходило сознательно: похоже, они сторонились его безотчетно — точно так же, как опытный лесоруб обходит колючий ядовитый куст, заметив его лишь краем глаза.

А может, я просто все это выдумываю, подумал он.

— Не знаю, мама, — повторил он. — Вережку, которой обвились двое, нельзя развязать.

Нелл нервно хохотнула.

— Ты где это слышал?

— Ты сама так говорила.

Нелл улыбнулась.

— Да, могла и сказать. Рот у меня говорливый. Ладно, сынок, завтра будем решать, а сейчас давай спать. Утро вечера мудренее.

Но в ту ночь обоим не спалось. Тим размышлял о том, как все будет, если Большой Келлс станет его отчимом. Будет ли он проявлять доброту к ним обоим? Может быть, он возьмет Тима в лес и начнет обучать ремеслу лесоруба? Это было бы здорово, думал Тим,

но захочет ли мама, чтобы ее сын обучался профессии, которая убила ее мужа? Может быть, мама захочет, чтобы он держался подальше от Бескрайнего леса? Может, она захочет, чтобы он стал фермером?

Дестри мне нравится, он хороший, размышлял Тим. *Но я сам никогда в жизни не стану фермером. Ведь совсем рядом — Бескрайний лес, и в мире столько всего интересного.*

Нелл тоже долго не могла заснуть из-за своих собственных тревожных мыслей. По большей части она размышляла о том, что станет с ней и с Тимом, если она откажет Большому Келлсу и у них отберут дом и землю — то единственное, что у них есть в этой жизни, а другой жизни они и не знают. Что станет с ней и с Тимом, если им будет нечем расплатиться со сборщиком налогов, когда он приедет в деревню на своем огромном вороном коне?

Следующий день выдался еще жарче, но Большой Келлс пришел в том же плотном суконном пиджаке. Красное лицо лесоруба лоснилось от пота. Нелл убеждала себя, что не чувствует запаха грэфа в его дыхании, но даже если и чувствует — что с того? Это всего лишь сидр, хотя и крепкий, а мужчина может позволить себе пару-тройку глотков, когда идет к женщине, чтобы услышать ответ на свое предложение. К тому же она все решила. Почти решила.

Прежде чем Большой Келлс успел задать свой вопрос, Нелл набралась смелости и сказала:

— Мой сын мне напомнил, что веревку, которой обвилились в церкви, нельзя развязать.

Большой Келлс нахмурился. Нелл так и не поняла, что ему не понравилось — упоминание о сыне или о брачной петле.

— Да, — сказал он, — и что с того?

— Я только хотела спросить, будешь ли ты относиться ко мне по-доброму. Ко мне и к Тиму.

— Буду, да. Обязательно.

Он нахмурился еще больше, и Нелл снова не поняла — то ли он сердится. то ли смущается. Она очень надеялась, что смущается. Мужчины, которые рубят лес и не боятся диких зверей из чащи, частенько смущаются и робеют в сердечных делах, Нелл это знала. И при одной только мысли о том, что Большой Келлс может робеть, ее сердце открылось ему навстречу.

— Дашь честное слово? — спросила она.

Он улыбнулся. В аккуратно расчесанной черной бороде сверкнули белые зубы.

— Даю. Клянусь всем, что имею.

— Тогда мой ответ «да».

И они поженились. Многие сказки на этом кончаются; но наша сказка — как ни печально — только начинается по-настоящему.

На свадьбе грэф лился рекой, и для человека, который больше не пьет спиртного, Большой Келлс опрокинул в себя немало. Мама как будто этого не замечала, а вот Тим заметил. И его это встревожило. И еще Тима тревожило то, что мало кто из лесорубов пришел на свадьбу, хотя был выходной. Будь Тим не мальчиком, а девочкой, он бы заметил еще одну вещь. Некоторые из женщин, которых Нелл считала своими подругами, поглядывали на нее с плохо скрываемой жалостью.

В ту ночь, далеко за полночь, Тима разбудил глухой звук удара и крик. Сперва он подумал, что ему это приснилось, но звуки вроде бы доносились из комнаты за стеной — из родительской спальни, которую

мама теперь делила (хотя Тим до сих пор не мог в это поверить) с Большим Келлсом. Тим лежал, и прислушивался, и уже начал опять засыпать, как вдруг услышал приглушенный плач, а потом — голос отчима, резкий и грубый:

— Замолчи. Хватит реветь. Тебе же не больно. И крови нет. А мне завтра вставать с петухами.

Плач прекратился. Тим напряженно прислушивался, но все разговоры умолкли. Вскоре после того, как за стеной раздался храп Большого Келлса, Тим заснул. А следующим утром, когда мама жарила на кухне яичницу, он увидел синяк у нее на руке. Чуть выше локтя, с внутренней стороны.

— Я случайно ударилась, — сказала Нелл, увидев, куда смотрит сын. — Встала ночью сходить по нужде и налетела на стойку кровати. Мне надо заново научиться ориентироваться в темноте — теперь, когда я не одна.

Тим подумал: *Да, этого я и боялся.*

В следующий выходной, ровно через неделю после свадьбы, Большой Келлс привез Тима в свой бывший дом, принадлежавший теперь Болди Андерсону, еще одному крупному фермеру из Древесной деревни. Они поехали на повозке, в которой Келлс ездил на промысел в лес. Мулы ступали легко, поскольку им не приходилось тащить колоды и бревна железного дерева; не считая кучки древесных опилок в дальнем углу, в повозке было пусто. И там, конечно, остался этот ни с чем не сравнимый кисло-сладкий аромат — аромат глубокой чащи. Бывший дом Келлса казался заброшенным и печальным, с его закрытыми ставнями и высокой, нескошенной травой вровень с растрескавшимися перилами на крыльце.

— Заберу свои вещи, и пусть Болди делает с домом что хочет, — пробурчал Келлс. — Хоть на дрова разберет и сожжет, мне уже дела нет.

Как оказалось, он собирался забрать из дома всего две вещи: грязную старую скамейку для ног и большой, обтянутый кожей сундук с ремнями и медным замком. Сундук стоял в спальне, и Келлс погладил его, как любимого домашнего питомца.

— Я его не оставляю. Никогда в жизни. Отцовская вещь.

Тим помог отчиму вытащить вещи из дома, хотя основную работу проделал сам Келлс. Сундук оказался слишком тяжелым. Большой Келлс погрузил его в повозку и склонился над ним, уперев руки в колени своих недавно (и аккуратно) залатанных брюк. Он стоял так достаточно долго, пока с его щек не начал сходить румянец, а потом снова погладил кожаный бок сундука с такой нежностью, какой еще ни разу не проявил к маме. Во всяком случае, Тим не видел.

— Все, что я нажил, уместилось в одном сундуке. А что касается дома... разве Болди дал мне настоящую цену? — Большой Келлс с вызовом глянул на Тима, словно ждал, что тот начнет возражать.

— Я не знаю, — осторожно ответил Тим. — Люди говорят, что сэй Андерсон, он немного прижимистый. Келлс хрипло расхохотался.

— Немного прижимистый? *Немного?! Да он жмет-ся, как целка с ее нераскупоренной дыркой.* Нет уж, скажу тебе так: я получил жалкие крошки вместо большого куска, и все потому, что он, Болди, знал: я не могу ждать. Давай-ка, малыш, помоги закрепить эту доску. И не вздумай отлынивать.

Тим и не думал отлынивать. Он закрепил свой край откидной доски и затянул веревку еще до того,

как сам Келлс кое-как завязал хлипкий неряшливый узел, который очень бы насмешил отца Тима. Закончив возиться с веревкой, Большой Келлс еще раз погладил свой сундук, все так же до странности нежно и ласково.

— Теперь все здесь. Все, что я нажил. Болди знал: мне нужны деньги до прихода Широкой Земли. Сам-Знаешь-Кто едет в деревню, и уж он все возьмет, что ему причитается. — Большой Келлс сплюнул себе под ноги. — Это все твоя мать виновата.

— *Чем* она виновата? Ты сам позвал ее замуж.

— Ты, парень, думай, что говоришь. — Келлс взглянул на свою руку и, похоже, сам удивился тому, что она сжалась в кулак. Он медленно разжал пальцы. — Ты еще маленький, многого не понимаешь. Вот подрастешь и узнаешь, как женщины мужиков обдирают. Ладно, поехали домой.

Он уже собирался усесться на козлы, но помедлил и обернулся к Тиму:

— Я люблю твою маму, и это все, что тебе надо знать.

А по дороге домой, когда мулы шли бодрой рысью по главной улице, Большой Келлс вздохнул и добавил:

— И отца твоего тоже любил. Мне теперь так его не хватает. Без него все не так. И в лесу, и когда еду из леса и гляжу на хвосты Битси и Митси.

Эти слова тронули сердце мальчика, и оно чуть-чуть приоткрылось — неожиданно для самого Тима — навстречу этому крупному, сгорбившемуся на козлах мужчине, — но прежде чем новое чувство успело вырасти и закрепиться, Большой Келлс заявил:

— Пора тебе, парень, кончать с книжками, цифрами и этой придурочной Смэк с ее вуалью, припадками

и трясучкой. Даже не знаю, как она умудряется задницу подтирать после того, как проснется.

Сердце Тима резко захлопнулось. Ему нравилось учиться, и он любил вдову Смэк. Любил такую, как есть: с ее вуалью, припадками и трясучкой. И ему не понравилось, что о ней говорят так жестоко и грубо.

— И чем я займусь? Буду в лес ездить, с тобой?

Он представил, как едет в лес. Представил себя в отцовской повозке, запряженной Битси и Митси. Это было бы не так уж и плохо. На самом деле совсем не плохо.

Келлс хохотнул:

— Ты?! В лес?! Тебе ж еще и двенадцати нет.

— В следующем месяце будет двена...

— Да хоть вдвое больше. Все равно тебе не дорасти до Тропы железных деревьев. Ты ж все от матери никак не отлипнешь, так и останешься на всю жизнь Маленьким Россом. — Большой Келлс опять рассмеялся, и Тим почувствовал, как у него горят щеки. — Нет, парень. Я тебя на лесопильню пристрою. Договорился уже. Будешь доски таскать и укладывать. Вполне уже взрослый для этого дела. Как урожай соберут, так и приступишь. До первого снега.

— А мама что говорит? — Тим очень старался, чтобы его голос звучал без смятения и страха, но у него ничего не вышло.

— А что ей еще говорить? Я ее муж, так что решать буду я. — Большой Келлс стегнул мулов поводьями. — *Но!*

Спустя три дня Тим приехал на лесопильню вместе с одним из сыновей Дестри, Соломенным Уиллемом, которого прозвали так из-за светлых, почти бесцветных волос. Обоих мальчиков брали туда на работу, но

пока их услуги не требовались. И еще им сказали, что их возьмут на неполный рабочий день, во всяком случае, для начала. Тим привел с собой отцовских мулов, которым надо было размяться, и обратно мальчики ехали верхом.

— Ты ж вроде бы говорил, что твой новый отчим не пьет, — сказал Уиллем, когда они проезжали мимо салуна Гитти. Сейчас, в полдень, салун был закрыт. Ставни заперты, кабацкое пианино молчит.

— Да, не пьет, — подтвердил Тим, но он помнил, что было на свадьбе.

— Правда, не пьет? Тогда, значит, мой старший брат вчера видел чьего-то чужого отчима, когда тот вывалился из кабака. Рэнди сказал, этот чей-то чужой отчим был ужратый в ломину и блевал на крыльце. — Уиллем шелкнул подтяжками, как делал всегда, когда думал, что выдал удачную шутку.

Зря я тебя пригласил со мной ехать, подумал Тим. Ковылял бы пешком до деревни, тупой ты урод.

В ту ночь его вновь разбудил мамин плач. Тим резко сел на постели, опустил ноги на пол, но так и остался сидеть. Келлис говорил тихо, однако стена между комнатами была тонкой.

— Уймись, женщина. Прекрати. Если разбудишь мальчишку и он заявится сюда, ты у меня снова получишь, вдвойне.

Плач тут же смолк.

— Ну да, сорвался. Но я не хотел. Оно само получилось, случайно. Я зашел на минуточку, выпить с Меллоном имбирного пива и послушать, что он расскажет о своих новых затеях, а кто-то поставил прямо у меня перед носом стаканчик ржаного виски. Я сам не понял, как опрокинул его себе в горло, а потом сразу ушел. Этого больше не повторится. Даю честное слово.

Тим снова улегся в постель, очень надеясь, что это правда.

Он лежал, смотрел в потолок, которого было не видно в темноте, слушал крики совы и ждал — либо когда придет сон, либо когда за окном рассветет и можно будет вставать. Он думал о том, что если женщина вступает в брачную петлю не с тем мужчиной, эта петля превращается в аркан. Тим очень надеялся, что с его мамой подобного не случится. Он уже понял, что ему не нравится новый муж мамы. Тим никогда не сможет нормально к нему относиться — не говоря уже о том, чтобы полюбить, — но мама, возможно, на это способна. Женщины, они другие. Женское сердце может вместить в себя многое.

Тим думал свои невеселые думы всю ночь и заснул только тогда, когда небо окрасили первые лучи рассвета. А утром у мамы были синяки уже на обеих руках. Похоже, стойки кровати, которую мама делила теперь с Большим Келлсом, по ночам оживали и разбредались по комнате.

Полная Земля сменилась Широкой, как это бывает из года в год. Тим и Соломенный Уиллем работали на лесопильне, но только три дня в неделю. Бригадир, душевный человек по имени Руперт Венн, сказал, что, возможно, им дадут больше работы, если зимой не начнутся сильные снегопады и добыча пойдет хорошо, имея в виду добычу железного дерева, которое лесорубы носили из леса.

У Нелл сошли синяки, и она вновь начала улыбаться. Тиму казалось, что ее улыбка стала какой-то настороженной, но это все-таки было лучше, чем если бы мама не улыбалась вообще. Большой Келлс каждый день ездил в лес, на Тропу железных деревьев, но

хотя у него с Большим Россом были очень хорошие участки на вырубке, он до сих пор не нашел себе нового напарника. Поэтому он теперь добывал древесины поменьше, чем прежде, однако железное дерево есть железное дерево, его всегда можно продать по хорошей цене, и не за бумажные деньги, а за серебряные монеты.

Иногда Тим задумывался о том (обычно подобные мысли приходили к нему за работой на лесопильне, когда он укладывал доски в крытый сарай), что, наверное, им с мамой жилось бы лучше, если бы его новый отчим наткнулся в лесу на змею или на вервела. Или даже на варта, мерзкое летающее создание, которое называют еще птицей-пулей. Именно варт погубил отца Берна Келлса: прошел насквозь своим каменным клювом.

Тим с ужасом гнал от себя эти мысли, поражаясь тому, что в глубине его сердца — в каких-то *черных* его закоулках — могут таиться такие вещи. Отцу Тима наверняка было бы стыдно за сына. Возможно, ему действительно *было* стыдно, ведь говорят же, что те, кто ушел в пустошь в конце тропы, знают все тайны, которые живые хранят друг от друга.

По крайней мере Тим больше ни разу не чувствовал, чтобы от отчима пахло грэфом, и больше не слышал — ни от Соломенного Уиллема, ни от кого-то другого — рассказов о том, как Большой Келлис глушит виски в салуне.

Он дал слово и держит свое обещание, думал Тим. И кроватные стойки больше не ходят по маминной комнате, потому что у мамы нет синяков. Жизнь потихоньку налаживается. Вот о чем надо помнить.

В те дни, когда Тим работал на лесопильне, он возвращался домой ближе к вечеру, и мама кормила его

ужином. Большой Келлс приходил позже. Сперва ополаскивался в маленьком ручейке, протекавшем за домом — смывал с рук и шеи древесную крошку, — а потом заходил в дом и садился за стол. Ел он много, с большим аппетитом, требовал добавки, которую Нелл немедленно ему подавала. При этом она не произносила ни слова; если она пыталась заговорить, ее новый муж только сердито ворчал в ответ. После ужина Большой Келлс уходил в прихожую у задней двери, садился на свой сундук и закуривал трубку.

Иногда, оторвавшись на миг от доски с *мать-и-матическими* задачами, которые ему по-прежнему задавала вдова Смэк, Тим замечал, что Большой Келлс наблюдает за ним сквозь клубы дыма. Было во взгляде отчима что-то такое, от чего мальчику становилось не по себе, и в конечном итоге он стал выходить с задачами на крыльцо, хотя по вечерам уже было прохладно и с каждым днем темнота наступала все раньше и раньше.

Однажды вечером к нему вышла мама, села рядом на ступеньку, обняла Тима за плечи.

— На следующий год ты опять пойдешь в школу к сэй Смэк. Я тебе обещаю, Тим. Я его уговорю.

Тим улыбнулся и сказал спасибо, но не стал обольщаться. Он хорошо понимал, что на следующий год по-прежнему будет работать на лесопильне, немного подрастет и сможет не только укладывать доски, но и подносить бревна, и у него совсем не останется времени на школу, потому что он будет работать не три дня в неделю, а пять. Может быть, даже шесть. А еще через год ему доверят рубанок, а потом и пилу, как взрослому мужчине. Пройдет еще несколько лет, и он *станет* взрослым мужчиной и будет так уставать на работе, что ему уже вряд ли захочется что-то читать (даже если

сэй Смэк согласится давать ему книги), и *мать-и-матику* он тоже забудет. Этому взрослому Тиму Россу скорее всего не будет хотеться вообще ничего: только быстро поест и завалиться спать. Он начнет курить трубку и, может быть, приохотится к грэфу или пиву. Он будет наблюдать за тем, как бледнеет мамина улыбка; как тускнеют ее глаза.

И за все это надо сказать спасибо Большому Келсу.

Миновал праздник Жатвы; Охотничья Луна побледнела, вновь приросла и натянула свой лук; первые бури Широкой Земли уже надвигались с запада. И вот когда стало казаться, что сборщик налогов, наверное, и не приедет, тот явился в Древесную деревню, словно его принесло зимним студеным ветром. Как всегда, он приехал на огромном вороном коне. Тоший, как сам Том, — Костлявая Смерть. Его черный тяжелый плащ хлопал на ветру, словно крылья летучей мыши. Бледное лицо скрывалось в тени широкополой шляпы (такой же черной, как плащ). Проезжая по улицам, он непрестанно вертел головой, примечая тут — новый забор, там — корову, а то и трех, что прибавились к стаду за год. Жители деревни хоть и будут роптать, но заплатят, а если не смогут заплатить, у них отберут землю — именем Гилеада. Возможно, даже тогда, в те стародавние времена, люди шептались, что это несправедливо, налоги слишком большие, Артур Эльдский давно мертв (если он вообще существовал) и что все налоги по договору с феодем выплачены уже в десятикратном размере, как серебром, так и кровью. Возможно, кто-то из этих людей уже ждал, что придет Добрый Человек и даст им силу сказать: *Хватит, хо-рошенького понемножку. Мир сдвинулся с места.*

Да, возможно. Но не в тот год. И еще очень не скоро.

Далеко за полдень, когда в небе теснились черные тучи, а желтые кукурузные стебли в огороде Нелл стучали, как зубы в дрожащей челюсти, сэй сборщик налогов провел своего вороного коня между столбами ворот, которые Большой Росс когда-то собственноручно врыл в землю (Тим при этом присутствовал: наблюдал и помогал, когда папа просил подсобить). Медленным и торжественным шагом конь дошел до крыльца у передней двери. Остановился, кивая большой головой и раздувая ноздри. Большой Келлс стоял на верхней ступеньке крыльца, но ему все равно пришлось задрать голову, чтобы взглянуть на бледное лицо незваного гостя. Келлс держал шляпу в руках, прижимая ее к груди. Ветер трепал его редкие черные волосы (в которых уже появились первые седые пряди; Келлсу было почти сорок, и совсем скоро он станет старым). Нелл с Тимом стояли в дверях. Нелл обнимала сына за плечи и прижимала к себе крепко-крепко, как будто боялась (или, может быть, чуяла материнским сердцем), что сборщик налогов может забрать у нее ребенка.

В первые мгновения все было тихо, только плащ гостя хлопал на ветру и ветер пел свою жутковатую песню под свесом крыши. Потом сборщик налогов наклонился вперед, внимательно глядя на Келлса большими черными глазами, которые, казалось, вообще не моргали. Тим заметил, что губы у этого человека красные, словно у женщины, когда она красит их свежей мареной. Гость достал из-под плаща свиток — не книжку из досок, а именно свиток из настоящей пергаментной бумаги, — развернул его, изучил, затем свернул и убрал под плащ. Снова взглянул на Большо-

го Келлса, который вздрогнул и уставился себе под ноги.

— Келлс, я так понимаю? — Голос у сборщика налогов был грубым, резким и хриплым, и таким неприятным, что у Тима по коже пошли мурашки. Он видел этого человека и раньше, но только издалека; папа всегда уводил Тима из дома, когда сборщик налогов от феода приезжал к ним в деревню собирать ежегодную дань. Теперь Тим понимал почему. Сегодня ночью ему наверняка будут сниться кошмары.

— Келлс, ага. — Голос отчима был преувеличенно бодрым, хотя и заметно дрожал. Большой Келлс все же заставил себя поднять взгляд. — Добро пожаловать, сэй. Долгих вам дней и приятных...

— Да-да, и того и другого. — Гость небрежно махнул рукой. Теперь взгляд его черных глаз был устремлен за спину Келлса. — А это... Россы, я так понимаю? Теперь уже двое, не трое. Мне сообщили, Большого Росса постигла несчастная случайность. — Он выговаривал слова глухо и монотонно. *Словно глухой, который пытается петь колыбельную*, подумал Тим.

— Так и есть, — сказал Большой Келлс. Он сглотнул так тяжело, что стоявшему сзади Тиму было слышно, как он глотает, а потом заговорил, быстро и сбивчиво: — Мы с ним были в лесу, на нашей делянке у Тропы железных деревьев... у нас их несколько, знаете... четыре-пять небольших участков, и все, как положено, обозначены табличками с нашими именами, я их не менял, таблички... потому что у меня в душе он по-прежнему мой напарник и останется им навсегда... и вот мы, значит, в лесу разделились. А потом я услышал шипение. Такое шипение ни с чем не спутаешь, да. Сразу понятно, что это дракониха делает вдох, когда собирается пыхнуть...

— Хватит, — перебил его сборщик налогов. — Когда мне бывает охота послушать сказки, я люблю, чтобы они начинались с «давным-давно, в стародавние времена».

Келлс открыл было рот — может быть, просто хотел извиниться, — но передумал и промолчал. Сборщик налогов смотрел на него, положив руку на луку седла.

— Как я понимаю, сэй Келлс, ты продал свой дом Руперту Андерсону.

— Да, он меня обжулил, но я...

Гость снова не дал ему договорить:

— Налог — девять серебряных «орлов» или один родиевый. Родий, насколько я знаю, в здешних краях не встречается, но я все равно должен это озвучить, поскольку так было прописано в исходном Договоре. Один «орел» — за совершение сделки купли-продажи, и восемь — за дом, где ты теперь сидишь на заднице по вечерам и, как я понимаю, тешишь свой дрын по ночам.

— Девять?! — Большой Келлс аж задохнулся. — *Девять?! Это же...*

— Это же — что? — переспросил сборщик налогов своим глухим хриплым голосом. — Осторожнее, Берн Келлс, сын Матиаса, внук Хромого Питера. Следи за своим языком. Следи хорошенько, потому что, хотя твоя шея толста, ее, я так думаю, все равно можно передавить. Да, именно так я и думаю.

Большой Келлс побледнел... хотя до бледности гостя ему было все-таки далеко.

— Это лишь справедливо. Я, собственно, вот что хотел сказать. Я все заплачу.

Он сходил в дом и вернулся, держа в руках замшевый кошель. Это был кошелек Большого Росса, тот

самый, над которым мама плакала в кухне в тот день, когда вдова Смэк отменила занятия и Тим вернулся домой пораньше — еще в Полную Землю, когда жизнь казалась намного лучше, пусть даже и без Большого Расса. Келлс отдал кошель Нелл, та отсчитала требуемую сумму и высыпала драгоценные серебряные кругляшки в ладонь мужа.

Все это время сборщик налогов молча сидел на своем вороном коне, но когда Большой Келлс начал спускаться с крыльца, чтобы отдать деньги — почти все, что у них было, пусть даже Тим уже сам кое-что зарабатывал и вносил свою лепту в общий семейный котел, — гость покачал головой:

— Стой на месте. Я хочу взять их у мальчика, ибо он юн и чист, и я вижу в его чертах лицо его отца. Да, вижу очень хорошо.

Тим сложил ладони чашечкой, и Большой Келлс высыпал в них серебро — такое тяжелое! Мальчик еле расслышал, как отчим шепнул ему на ухо:

— Неси осторожнее. Не урони, бестолковщина.

Как во сне, Тим спустился по ступенькам крыльца. Протянул руки вверх и не успел даже понять, что происходит, как сборщик налогов крепко обхватил его запястья, поднял и усадил перед собой на коня. Тим увидел, что лука седла украшена узором из серебряных рун: лунами, звездами, кометами и кубками, из которых лился холодный огонь. В то же время он осознал, что монет у него в руках больше нет. Сборщик налогов забрал деньги, хотя Тим не помнил, когда и как это произошло.

Нелл закричала и рванулась вперед.

— Лови ее и держи! — Голос сборщика налогов прогремел прямо над ухом Тима, так что мальчик едва не оглох.

Келлс схватил жену за плечи и рывком отташил назад. Она споткнулась и упала на дощатое крыльцо. Длинные юбки взметнулись, задрались, приоткрыв лодыжки.

— *Мама!* — закричал Тим и попытался прыгнуть с седла, но сборщик налогов без труда его удержал. От сборщика пахло приготовленным на костре мясом и застарелым холодным потом.

— Спокойно, юный Тим Росс, она совсем не ушиблась. Смотри, как резво вскочила. — Он обернулся к Нелл, которая и вправду уже успела подняться. — Не беспокойся так, сэй, я хочу лишь перемолвиться с ним парой слов. Не стану же я, в самом деле, обижать будущего налогоплательщика королевства!

— Если обидишь его, я убью тебя, дьявол, — сказала она.

Келлс замахнулся на нее кулаком:

— Закрой рот, дура!

Нелл не отпрянула от кулака. Она смотрела только на Тима, сидевшего на высоком вороном коне перед сборщиком налогов, который крепко держал ее сына, обхватив его руками за грудь.

Сборщик налогов улыбнулся двоим, замершим на крыльце: один из них так и стоял с кулаком, занесенным для удара, а у другой по щекам текли слезы.

— Нелл и Келлс! — провозгласил он. — Счастливая пара!

После чего развернул коня и неспешно поехал к воротам, по-прежнему крепко сжимая Тима в объятиях и обдавая ему щеку зловонным дыханием. У ворот сборщик налогов остановился и прошептал Тиму в ухо, в котором все еще звенело:

— Как тебе нравится твой новый отчим, а, юный Тим? Скажи мне правду, но говори тихо. Это наш разговор, и им его слышать не обязательно.

Тим не хотел оборачиваться, не хотел, чтобы бледное лицо этого человека оказалось *еще ближе* к нему, но в сердце Тима хранился секрет, который его отравлял. Поэтому он обернулся и прошептал в самое ухо сборщика налогов:

— Он бьет маму, когда напивается.

— Правда? Хотя чему тут удивляться? Его отец тоже бил его мать. То, чему учатся в детстве, потом входит в привычку, и это правда.

Затянутая в перчатку рука подняла полу тяжелого черного плаща и накрыла обоих, как одеялом. Тим почувствовал, что сборщик налогов положил что-то маленькое и твердое ему в карман.

— Это подарок тебе, юный Тим. Ключ. Но не простой, а особенный. Знаешь почему?

Тим покачал головой.

— Это волшебный ключ. Он отпирает любой замок, но всего один раз. После этого он становится бесполезным, как грязь, так что используй его обдуманно! — Сборщик налогов рассмеялся, как будто это была самая лучшая в мире шутка. От запаха его дыхания Тима чуть не вывернуло наизнанку.

— Мне... — Он сглотнул. — Мне нечего открывать. У нас даже двери не запирают. Только в салуне и в тюрьме. А больше замков у нас нет.

— А мне кажется, есть. И ты знаешь, на чем. Разве нет?

Тим посмотрел прямо в черные смеющиеся глаза и ничего не сказал, но сборщик налогов кивнул, как будто услышал ответ.

— *Что ты там говоришь моему сыну?* — крикнула Нелл с крыльца. — *Не вливай яд ему в уши, дьявол!*

— Не слушай ее, юный Тим, очень скоро она все поймет. Поймет очень многое, но ничего не увидит. —

Сборщик налогов хохотнул. У него были очень большие и очень белые зубы. — Вот тебе загадка! Сможешь ее разгадать? Нет? Ну и ладно тогда. Не бери в голову. Узнаешь ответ в свое время.

— Иногда он его открывает, — медленно, как во сне, проговорил Тим. — Точильный брусок достает. Чтобы топор наточить. А потом запирает опять на замок. И сидит на нем по вечерам, как на стуле, и курит.

Сборщик налогов не стал уточнять, о чем идет речь.

— И каждый раз, проходя мимо, прикасается к нему. Гладит его, как хозяин — любимого пса. Так, юный Тим?

Да, именно так. Но Тим не стал этого говорить. Ему и не надо было ничего говорить. Он уже понял, что этот человек с тонким бледным лицом знает все его тайны. Все до единой.

Он играет со мной, думал Тим. Я для него просто забава, чтобы развеять скуку в тоскливый денек в тоскливой деревне, откуда он очень скоро уедет. Но он ломает свои игрушки. Надо лишь посмотреть на его улыбку, чтобы это понять.

— Я разобью лагерь в лесу. В двух колесах от Тропы железных деревьев. Пробуду здесь еще ночь или две, — проговорил сборщик налогов своим хриплым, режущим ухо голосом. — Путь был неблизкий, и я что-то устал. Меня утомляет весь этот треп, который приходится выслушивать постоянно. Да, в лесу варты, вервель и змеи, но они хотя бы *не трещат*.

Ты не можешь устать, подумал Тим. Кто угодно, но только не ты.

— Приходи ко мне, если хочешь. — На этот раз сборщик налогов не хохотнул, а хихикнул, как вредная

девчонка. — И если *осмелишься*, разумеется. Но приходи ночью, потому что твой покорный слуга предпочитает спать днем, когда есть возможность. Или не приходи, если боишься. Мне все равно. *Но!*

Это последнее слово предназначалось коню, который медленно развернулся и направился обратно к крыльцу, где, заломив руки, стояла Нелл, а рядом с ней хмурился Большой Келлс. Тонкие сильные пальцы сборщика налогов вновь сомкнулись на запястьях Тима — как кандалы — и подняли мальчика над седлом. Уже через секунду Тим стоял на земле и смотрел снизу вверх на бледное лицо и алые губы, растянутые в улыбке. Ключ жегся в кармане. Высоко в небе грохотал гром, и начался дождь.

— Феод благодарит вас. — Сборщик налогов коснулся рукой полей шляпы и развернул коня. Но прежде чем гость скрылся в стене дождя, Тим успел разглядеть одну странную вещь: черный плащ взметнулся, надувшись на ветру, и взору Тима открылся большой металлический предмет, притороченный к седельной сумке. Издали этот предмет походил на умывальный таз.

Большой Келлс спустился с крыльца, схватил Тима за плечи и принялся трясти, как тряпичную куклу. Намокшие волосы Келлса облепили лицо. Струи дождя стекали с редющих прядей и с бороды. Когда Келлс обвивался веревкой с Нелл, его борода была полностью черной, а теперь в ней заметно проглядывала седина.

— Что он тебе говорил? Что-нибудь обо мне? Что он тебе там наплел? *Говори!*

Тим не мог ничего сказать. Его голова дергалась и моталась из стороны в сторону, так что зубы стучали.

Нелл бросилась вниз по ступенькам.

— Прекрати! Оставь его! Ты обещал, что никогда...

— Не лезь не в свое дело, женщина! — рявкнул Келлс и заехал ей кулаком в лицо. Нелл упала в размокшую грязь, где дождь уже заливал следы, оставленные конем сборщика налогов.

— *Ты скотина!* — закричал Тим. — Не смей бить маму! Не смей!

Он не почувствовал боли сразу, когда Келлс ударил его по лицу кулаком, — просто перед глазами вспыхнул белый свет, и Тим на какое-то время ослеп. А когда свет поблек, мальчик обнаружил, что лежит на земле рядом с мамой. Голова кружилась, в ушах звенело, а в кармане по-прежнему жегся ключ, словно раскаленный уголек.

— Нис забери вас обоих! — выругался Келлс и пошел прочь под дождем. За воротами он повернул направо. Тим ни капельки не сомневался, куда направляется отчим: в салун. Всю Широкую Землю Большой Келлс не брал в рот ни капли — во всяком случае, Тим ничего такого не замечал, — но сегодня он точно напьется. Судя по скорбному взгляду мамы (лицо мокрое от дождя, волосы липнут к забрызганной грязью щеке, на которой уже наливается синяк), она тоже об этом подумала.

Тим обхватил маму за талию, она обняла его за плечи. Они медленно поднялись на крыльцо и вошли в дом.

Нелл села у стола на кухне. Даже не села, а повалилась на стул. Тим налил в таз воды, намочил тряпку и осторожно приложил ее к маминой щеке, которая уже начала распухать. Пару минут Нелл сидела, прижимая к щеке тряпку, потом молча протянула ее сыну. Чтобы успокоить маму, Тим приложил тряпку к лицу. Она

приятно холодила кожу, унимая жаркую пульсацию боли.

— Отлично все складывается, — сказала Нелл с наигранной бодростью. — Жена избита, мальчик избит, а новый муж напивается в кабаке.

Тим не знал, что на это ответить, и промолчал.

Нелл подперла подбородок рукой и проговорила, не поднимая глаз:

— Это я виновата. Сама так решила, на нашу голову. Теперь все еще хуже. Я тогда растерялась. Мне было страшно, у меня ум за разум зашел, хотя это не оправдание. Лучше бы у нас отобрали дом!

Остаться без дома и без земли?! Неужели мало того, что они потеряли отцовский топор и счастливую монетку?! Хотя в одном мама была права: теперь все еще хуже.

Но у меня есть ключ, подумал Тим и нащупал его в кармане.

— И где он теперь? — спросила Нелл, и Тим сразу понял, что она спрашивает вовсе не о Большом Келлсе.

В лесу. В двух колесах от Тропы железных деревьев. Где он меня ждет.

— Не знаю, мама. — В первый раз в жизни он сказал маме неправду.

— Зато мы знаем, где Берн. — Нелл рассмеялась и тут же поморщилась. Ей было больно смеяться. — Он обещал Милли Редхаус, что бросит пить. И мне обещал то же самое. Но он слабый человек. Или, может быть, это я виновата? И он снова запил из-за меня, как ты думаешь?

— Нет, мама, — ответил Тим, но все же задумался. Может быть, Нелл и права. Может быть, дело именно в ней. Но не потому, что (как это виделось ей самой)

она плохая жена: вечно всем недовольна и пилит мужа, или не убирается в доме, или отказывает супругу в том, чем мужчины и женщины занимаются по ночам, — а по какой-то другой причине. Здесь есть какая-то тайна, и Тим подумал, что ключ у него в кармане, возможно, и есть ключ к разгадке. Рука сама потянулась к карману, и Тим быстро поднялся из-за стола и подошел к буфету.

— Ты чего будешь есть? Хочешь, яичницу сделаю?

Нелл с трудом улыбнулась.

— Спасибо, сын. Но мне что-то вообще ничего не хочется. Я, пожалуй, пойду прилягу. — Она поднялась и слегка покачнулась.

Тим отвел маму в спальню. Сделал вид, что его очень интересует происходящее за окном. Пока он стоял у окна, Нелл сняла грязное платье и надела ночную рубашку. Когда Тим обернулся, мама уже лежала под одеялом. Она похлопала рукой по кровати, приглашая сына лечь рядом, как иногда делала раньше, когда Тим был совсем маленьким. Когда рядом с мамой лежал его папа, лежал в длинных исподних кальсонах и курил самокрутку.

— Я не могу его выгнать, — сказала Нелл. — Если бы могла, я бы выгнала, но теперь, когда мы обвелись веревкой, это уже не мой дом. Это теперь его дом. Закон жесток к женщинам. Раньше я как-то об этом не думала, но теперь... теперь... — Ее взгляд стал рассеянным и далеким. Похоже, она засыпала. И ей, наверное, и надо было заснуть.

Тим поцеловал маму в здоровую щеку и хотел было подняться, но Нелл его удержала.

— Что тебе говорил сборщик налогов?

— Спросил, как мне нравится мой новый отчим. Не помню, что я ответил. Я так испугался.

— И я испугалась, когда он накрыл тебя плащом. Я подумала, он хочет тебя увезти. Как Алый Король в древней легенде. — Она закрыла глаза и тут же открыла, но очень медленно. Теперь в ее взгляде читался страх, даже ужас. — Помню, как он приезжал в дом родителей, когда я была совсем маленькой, только что из пеленок. Вороной конь, черные перчатки и плащ, седло с серебряными сигулами. Его лицо, бледное... Мне потом снились кошмары из-за этого лица. Оно такое *худое*. И знаешь что, Тим?

Он медленно покачал головой.

— Даже чаша, которую он возит с собой, она та же самая. Серебряная чаша. Я ее помню. Это было двадцать лет назад — двадцать с лишним, — а он ни капельки не изменился. *Он вообще не постарел.*

Ее глаза снова закрылись, и на этот раз так и остались закрытыми. Тим на цыпочках вышел из комнаты.

Когда Тим удостоверился, что мама заснула, он пошел в прихожую у задней двери, где стоял сундук Большого Келлса, накрытый старым, уже негодным одеялом. В разговоре со сборщиком налогов мальчик сказал, что у них в деревне всего два замка — на двери салуна и тюрьмы, а других замков у них нет. На что сборщик налогов ответил: *А мне кажется, есть. И ты знаешь, на чем.*

Тим убрал одеяло и посмотрел на сундук: большой, почти квадратный сундук, который отчим иногда поглаживает рукой, словно любимого домашнего питомца, и на котором частенько сидит вечерами и курит трубку, слегка приоткрыв заднюю дверь, чтобы дым выходил наружу.

Тим быстро сбегал в прихожую у передней двери — без ботинок, в одних чулках, чтобы не разбудить

маму — и выглянул в окно. Во дворе было пусто, на улице — тоже. Большой Келлс не спешил возвращаться домой. Собственно, Тим и не ждал ничего другого. Отчим сейчас уже должен сидеть в салуне и напиваться до потери сознания.

Надеюсь, он вяжется в драку, и его избьют. Пусть на своей шкуре узнает, каково это. Я бы сам его измордовал, будь я постарше.

Тим вернулся в прихожую у задней двери, встал на колени перед сундуком и достал из кармана ключ: серебристый, крошечный, размером с половину серебряного «орла», и странно теплый, как будто живой. *Этот ключик ни за что сюда не подойдет*, подумал мальчик, а потом вспомнил, что сказал сборщик налогов. *Это волшебный ключ. Он отпирает любой замок, но всего один раз.*

Тим вставил ключик в замок. Ключ подошел идеально. Тим попробовал повернуть ключ, и тот беспрепятственно повернулся, но как только это случилось, тепло мгновенно ушло. Ключ уже не казался живым. Теперь это был просто кусочек холодного мертвого металла.

— После этого он становится бесполезным, как грязь, — прошептал Тим и оглянулся, наполовину уверенный в том, что у него за спиной стоит Большой Келлс, пьяный и злой, со сжатыми в кулаки руками. Но никто не стоял у него за спиной, и Тим расстегнул пряжки на ремнях и открыл крышку. Петли скрипнули, мальчик поморщился и опять оглянулся через плечо. Сердце бешено колотилось в груди, а лоб покрылся испариной, хотя на улице шел сильный дождь и в доме было прохладно.

Сверху были навалены как попало скомканные штаны и рубашки, большинство из них — драные и

истрепанные. Тим подумал (с горькой обидой и раздражением, новым для него чувством): *Мама стирает их, зашивает, складывает аккуратно, когда он просит. И что она получает в благодарность? Синяки на руках и лице?*

Тим достал из сундука одежду, и под ней обнаружилось то, из-за чего сундук был таким невозможно тяжелым. Отец Келлса был плотником, и в сундуке стоял ящик с его инструментами. Даже будучи ребенком, Тим понимал, что они очень ценные, ведь они сделаны из металла. *Он мог бы продать их, чтобы заплатить налог. Все равно он ими не пользуется. И наверное, вообще не умеет. Он мог бы продать их тому, кто умеет — Хаггерти Гвоздю, например, — и ему бы хватило заплатить налог. С лихвой бы хватило.*

Для таких людей есть даже особое умное слово, и Тим его знал — спасибо урокам сэй Смэк. «Скопидом».

Тим попытался поднять ящик с инструментами, но у него ничего не вышло. Ящик был слишком тяжелым. Пришлось вынимать инструменты по одному: несколько молотков и отверток и точильный брусок. После этого Тим сумел достать ящик. Под ним обнаружилось пять лезвий для топора, увидев которые Большой Росс схватился бы за голову, а то и плюнул бы в возмущении. Бесценную сталь покрывали пятна ржавчины, и Тиму даже не нужно было проверять лезвия ногтем: он и так видел, что они не заточены. Да, время от времени новый муж Нелл правит лезвие своего топора, с которым сейчас ходит в лес, но о запасных лезвиях он не заботился уже очень давно. К тому времени, когда эти лезвия могут ему понадобиться, скорее всего они будут уже ни на что не годны.

В самом дальнем углу сундука лежал маленький замшевый кошелечек и какой-то предмет, завернутый

в очень красивую бархатистую ткань. Тим взял его, развернул и увидел портрет женщины с очаровательной доброй улыбкой и пышными темными волосами, рассыпавшимися по плечам. Тим не помнил Миллисент Келлс — ему было года четыре, когда она ушла в пустошь, где в конечном итоге соберемся мы все, — но сразу понял, что это она.

Он завернул портрет в ткань, положил на место и взял замшевый кошелек. Если судить на ощупь, внутри лежал только один предмет: что-то маленькое, но достаточно тяжелое. Тим развязал кожаные завязки и перевернул кошелек, подставив под него руку. На улице грохнул гром, Тим испуганно вздрогнул, и то, что Келлс прятал на самом дне своего сундука, выпало мальчику на ладонь.

Это была счастливая монетка его отца.

Тим убрал все обратно — все, кроме отцовской монетки, — вернул на место плотницкий ящик, сложил в него инструменты, которые вынимал, чтобы ящик был не таким тяжелым, прикрыл сверху одеждой. Закрыл крышку, застегнул пряжки на ремнях. Пока что все шло хорошо, но когда Тим попытался запереть сундук, серебряный ключик провернулся в замке, не сдвинув механизм.

Бесполезный, как грязь.

Ничего не поделаешь, пришлось оставить как есть. Тим накрыл сундук одеялом и подправил его, чтобы оно легло более-менее так, как лежало прежде. Может быть, и сойдет. Тим часто видел, как отчим поглаживает сундук и сидит на нем, будто на скамье, но чтобы он *открывал* сундук — такое случалось редко. А если Келлс и открывал его, то лишь затем, чтобы взять точильный брусок. Вполне вероятно, что отчим не сразу

заметит, что кто-то лазил к нему в сундук. Но Тим хорошо понимал, что рано или поздно это неизбежно произойдет. Настанет день — может быть, в следующем месяце, но скорее всего на следующей неделе или даже завтра! — когда Келлсу понадобится точильный брусок, или он вспомнит, что у него есть еще кое-что из одежды, кроме той, которую он принес в заплечном мешке. Келлс увидит, что сундук не заперт, проверит замшевый кошелек и обнаружит, что монетка исчезла. И что тогда? Он придет в ярость и избьет и жену, и пасынка. Изобьет смертным боем.

Тим очень этого боялся, но когда он смотрел на знакомую монетку — золотую, с красноватым отливом, на тонкой серебряной цепочке, — у него в душе закипала ярость. Настоящая ярость, самая первая в жизни. Не бессильная злость мальчишки, но гнев мужчины.

Он расспрашивал старика Дестри о драконах и о том, что бывает с человеком, на которого дракон дыхнул огнем. Это очень больно? Остается ли от человека... ну... *хотя бы что-то*? Фермер видел, как терзается мальчик. Он ласково обнял его за плечи и сказал: «Не беспокойся, сынок. Пламя дракона — самое жаркое в мире... такое же жаркое, как жидкий камень, потоки которого иногда вырываются из-под земли в дальних краях к югу отсюда. Так говорится во всех легендах. В драконьем пламени человек сгорает дотла за секунду. Все сгорает: одежда, обувь, пряжка на поясе — все, что есть. Так что если ты хочешь узнать, страдал ли твой папа, то за это не бойся. Для него все закончилось в одно мгновение».

Одежда, обувь, пряжка на поясе — все, что есть. Но папина счастливая монетка даже не закоптилась, и серебряная цепочка не порвалась. А ведь папа носил

ее не снимая, даже когда ложился спать. Так что же произошло с Большим Джеком Россом? И как его монетка оказалась в сундуке Келлса? Страшная мысль пришла в голову Тиму, и он подумал, что знает того, кто сможет сказать ему, правда это или нет. Если, конечно, Тиму хватит смелости.

Приходи ночью, потому что твой покорный слуга предпочитает спать днем, когда есть возможность.

Ночь уже наступила, почти наступила.

Мама по-прежнему спала. Тим положил рядом с ней на кровать свою грифельную дощечку, на которой написал: «Я ВЕРНУСЬ. НЕ ВОЛНУЙСЯ ЗА МЕНЯ».

Конечно же, ни один сын на свете не в силах понять, что обращаться с такими словами к маме — пустое дело.

Тим даже не думал о том, чтобы взять одного из мулов Келлса: слишком норовистые. А вот мулы, которых папа взял жеребятами и вырастил сам, наоборот, мирные и послушные. Это были кобылы, нестерилизованные самки, теоретически способные приносить потомство. Но Большой Росс держал их не ради приплода, а из-за кроткого нрава. «Даже не думай об этом, — сказал он сыну, когда Тим стал достаточно взрослым, чтобы спрашивать отца о таких вещах. — Такие животные, как Битси и Митси, не предназначены для разведения, а если у них и рождаются жеребята, они редко когда выживают».

Тим выбрал Битси, которая была его любимицей. Он вывел ее со двора под уздцы и уселся на нее верхом, прямо так, без седла. Его ноги, которые едва доставали до середины боков Битси, когда папа впервые посадил Тима ей на спину, теперь почти касались земли.

Поначалу Битси еле-эле ташилась по улице, уныло свесив уши, но потом оживилась — когда грохот грома затих вдаль и ливень сменился мелкой изморосью. Битси не привыкла к тому, чтобы ее выводили по ночам, но они с Митси застоялись в стойлах с тех пор, как не стало Большого Росса, и она, кажется, была рада, что ей дали возможность...

Может быть, папа не умер.

Мысль взорвалась в голове Тима, словно сигнальная ракета в небе, и на мгновение ослепила его надеждой. Может быть, Большой Росс не умер и сейчас бродит где-то в Бескрайнем лесу...

Да, а луна сделана из зеленого сыра, как говорила мне мама, когда я был совсем маленьким.

Его нет в живых. Тим это знал, чуял сердцем. Если бы папа был жив, Тим бы это почувствовал. *И мама бы тоже почувствовала. Сердце бы ей подсказало, что папа жив, и она никогда бы не вышла за этого... этого...*

— Этого гада.

Битси дернула ушами. Они уже проехали мимо дома вдовы Смэк, который стоял в конце главной улицы, на самом краю деревни. Здесь запахи леса ощущались в полную силу: легкий пряный аромат древоцвета и крепкий, тяжелый дух железного дерева. Это было безумие: маленький мальчик едет в лес ночью, совсем один, и даже без топора, чтобы в случае чего защититься. Тим это знал — и все равно ехал в лес.

— За этого гада.

На этот раз звук его голоса напоминал тихий рык.

Битси знала дорогу и не сбавила шаг, даже когда вступила в заросли древоцвета. Не растерялась она и тогда, когда лесная просека сузилась до тропинки, пересекая границу, за которой начинались железные

деревья. Но когда Тим осознал, что действительно въехал в Бескрайний лес, он остановил мула, залез в рюкзак и достал газовую лампу, которую стащил из амбара. Судя по весу, маленький жестяной баллончик у основания лампы был полностью заправлен топливом, и Тим решил, что его хватит как минимум на час. Может быть, и на два, если расходовать газ экономно.

Он чиркнул спичкой о ноготь большого пальца (этой маленькой хитрости его научил папа), повернул круглую ручку в верхней части баллончика, там, где тот соединялся с горлышком лампы, и сунул горящую спичку в узкую прорезь, которую называют «бабской щелкой». Лампа зажглась синевато-белым светом. Тим приподнял ее повыше, и у него перехватило дыхание.

Он и раньше бывал на Тропе железных деревьев, но всегда — с папой, и никогда — ночью. То, что мальчик увидел сейчас, было так грозно и страшно, что он даже подумал, а не повернуть ли назад. Здесь, поблизости от деревни, лучшие железные деревья были уже давно срублены, но те, что остались, возвышались над мальчиком и его маленьким мулом, прямые, высокие, мрачные и торжественные, как старейшины Мэнни на похоронах (Тим видел такую картинку в одной из книжек вдовы Смэк), — они уходили ввысь, далеко за пределы бледного пятна света от слабенькой лампы. Снизу стволы были гладкими, без единого сучка. На высоте футов сорока начинались ветки, тянувшиеся к небесам, словно воздетые руки, и накрывавшие узкую тропку густой паутиной теней. Если бы ветки росли пониже, на высоте человеческого роста, пройти между стволами было бы вообще невозможно. А так проход был. Хотя с тем же успехом можно было бы сразу перерезать себе горло острым камнем. Всякий, кому хватит дурости сойти с Тропы железных деревьев и углубить-

ся в чашу, очень скоро заблудится в лабиринте стволов и в конечном итоге умрет от голода. Если раньше его самого не съедят. Словно в подтверждение этой мысли где-то в темных глубинах леса раздалось хриплое утробное рычание какого-то явно большого и страшного зверя.

Тим спросил себя, что он делает здесь, в лесу, когда у него есть теплая постель с чистыми простынями в доме, где он родился и вырос. Но потом мальчик прикоснулся к папиной счастливой монетке (висевшей теперь у него на шее), и к нему вернулась решимость. Битси оглянулась, как будто спрашивая: *Ну и чего? Куда теперь? Вперед или назад?*

Тим не был уверен, что ему хватит мужества погасить лампу, пока в ней не закончится газ и он вновь не окажется в полной темноте. Однако голос рассудка все-таки победил, и мальчик погасил лампу. Он больше не видел железных деревьев, но чувствовал их подавляющее присутствие.

И все же: вперед.

Он сжал коленями бока мула и цокнул языком. Битси сдвинулась с места. Она шла плавным и ровным шагом. Спокойствие Битси говорило о том, что она не чувствует никакой опасности. По крайней мере пока не чувствует. Но с другой стороны, что мул может знать об опасности? Если что-то случится, это *он* должен ее защищать.

Ох, Битси, Битси, подумал он. *Если бы ты только знала.*

Сколько он уже проехал? И сколько ему еще ехать? Сколько он еще *проедет*, прежде чем решит прекратить это безумие? Кроме него, у мамы вообще никого не осталось. Никого, кого можно любить и кто сможет ее защитить. Так куда же он едет?

Ему казалось, что он проехал уже колес десять и даже больше в глубь леса, но он знал, что такого не может быть. Он знал, что шуршание, доносившееся из чащи, — это шелест листвы на высоких ветвях, качавшихся под ветром Широкой Земли, а не шаги неизвестного зверя, который крадется за ним по пятам, шелкая пастью в предвкушении вкусного ужина. Тим все это знал, но почему тогда ветер звучал так похоже на чье-то дыхание?

Досчитаю до ста и поверну Битси назад, сказал себе мальчик. Но когда он добрался до ста, а в крошечной тьме леса по-прежнему не было никого, кроме него самого и его храброго мула (*И этого зверя, который крадется за нами, все ближе и ближе*, порывался добавить его предательский разум), он решил досчитать до двух сотен. На ста восьмидесяти семи где-то поблизости хрустнула ветка. Тим зажег лампу и обернулся, держа ее высоко над головой. Мрачный сумрак как будто слегка отступил, а потом рванулся вперед, словно хотел схватить мальчика. И вроде бы что-то попятилось от круга света? Ему показалось, или там, в темноте, сверкнул красный глаз?

Показалось, конечно же, но...

Тим втянул в себя воздух сквозь сжатые зубы, погасил лампу и цокнул языком. Ему пришлось цокнуть дважды. Битси, которая прежде была совершенно спокойной, теперь, похоже, задумалась, стоит ли идти дальше. Но, будучи существом кротким и послушным, подчинилась команде. Тим продолжил считать и уже очень скоро добрался до двухсот.

Теперь буду считать в обратную сторону, и если я не найду его, пока не закончу считать, тогда уже точно поверну назад.

Он уже дошел до девятнадцати в этом обратном счете, как вдруг впереди — и чуть слева — в темноте проступило оранжево-красное мерцание. Это было пламя костра, и Тим точно знал, кто разжег этот костер.

Зверь, который охотится на меня, был не сзади, подумал мальчик. Он впереди. Да, это пламя костра, но это еще и глаз. Тот самый, который я видел, когда зажег лампу. Красный глаз. Надо бежать отсюда, пока не поздно.

А потом он вновь прикоснулся к счастливой монетке у себя на груди и поехал вперед.

Он опять зажег лампу и поднял ее над головой. В обе стороны от главной тропы отходило множество узких боковых тропинок, ведущих к делянкам — личным участкам вырубки. Прямо впереди, прибитая гвоздем к скромной березе, висела деревянная дощечка, обозначающая одну из таких делянок. На ней было написано черной краской: **«КОСИНГТОН — МАРШЛИ»**. Тим хорошо знал обоих. Питер Косингтон (с которым в этом году тоже случилось несчастье в лесу) и Эрнст Маршли дружили с его отцом и нередко заходили к нему в дом на ужин, и Большой Росс с семейством тоже не раз гостевал у обоих.

«Хорошие парни, но глубоко в лес они не пойдут, — однажды сказал о них Большой Росс. — Поблизости от древоцветов еще достаточно вполне приличных железных деревьев, но настоящее сокровище... самая чистая, самая плотная древесина... она в глубине леса. Ближе к самому концу тропы, на краю Фагонарда».

Так что, может быть, я и вправду проехал всего два колеса, но в темноте все меняется.

Он направил Битси на тропинку, ведущую к делянке Косингтона и Маршли, и буквально через минуту выехал на поляну, где сборщик налогов сидел на бревне у костра, горящего ярким, веселым пламенем.

— Да это же наш юный Тим! — воскликнул он. — А у тебя крепкие яйца, парень, пусть даже они обрастут волосами еще этак годика через три. Давай садись. Сейчас будем ужинать.

Мальчик не был уверен, что ему хочется разделить трапезу с этим странным, пугающим человеком и отведать его стряпню, что бы он там ни готовил. Но Тим сегодня не ужинал, а запах, идущий от котелка над костром, был таким соблазнительным...

Сборщик налогов как будто прочел его мысли — и прочел с пугающей точностью.

— Не бойся, юный Тим. Оно не отравлено.

— Я уверен, что нет, — отозвался Тим, но теперь... теперь, когда сборщик налогов упомянул про отраву, у мальчика возникли сомнения. И тем не менее он не стал возражать, когда ему положили щедрую порцию жаркого на жестяную тарелку, и взял предложенную ложку, погнутую и сплюсненную, но чистую.

Ничего волшебного в вареве не было: обычное жаркое из мяса, картофеля, моркови и лука, с густой прямой подливкой. Тим ел, сидя на корточках, и наблюдал за тем, как Битси с опаской приблизилась к вороному коню сборщика налогов. Конь ткнулся мордой в нос скромной маленькой мулихи и сразу же отвернулся (с презрением, как показалось Тиму) туда, где хозяин насыпал ему овса — на землю, тщательно очищенную от щепок, оставшихся после сся Косингтона и сся Маршли.

Пока Тим ел, сборщик налогов молчал, только время от времени стучал по земле каблуком, выбивая

в ней небольшую ямку. Рядом с ямкой стоял тот самый таз, который Тим мельком увидел, когда сборщик налогов уезжал с их двора, и о котором ему говорила мама. Тиму было трудно поверить ее словам — таз, сделанный из серебра, должен стоять целое состояние, — но он и вправду был *очень похож* на серебряный. Это же сколько серебряных «орлов» надо было расплавить, чтобы изготовить такую вещь?!

Каблук сборщика налогов наткнулся на корень. Он достал из-под плаща огромный нож — лезвие было длиной чуть ли не с руку Тима, — перерубил корень одним ударом и снова принялся стучать каблуком по земле: *бам, бам, бам*.

— Вы там что-то выкапываете? — спросил Тим.

Сборщик налогов взглянул на мальчика и улыбнулся, растянув губы в тонкую линию.

— Может, ты и узнаешь. А может, нет. Хотя, думается, узнаешь. Ты доел?

— Да, и я говорю вам спасибо. — Тим трижды постучал пальцем по горлу. — Было вкусно.

— Хорошо. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Так говорят Мэнни. Тебе, я вижу, нравится моя чаша. Красивая, правда? Реликвия из Гарлана. В Гарлане действительно были драконы, и их огнища до сих пор сохранились в глубинах Бескрайнего леса, я в этом уверен. Вот, юный Тим, ты узнал что-то новое. Много львов — это прайд, много воронов — стая, много ушастиков — трокет, много драконов — огнище.

— Огнище драконов, — повторил Тим, как бы пробуя слова на вкус. И только потом до него дошел весь смысл сказанного. — Если в Бескрайнем лесу живут драконы...

Но сборщик налогов не дал Тиму закончить мысль:

— Та-та-та, трам-пам-пам. Попридержи-ка свои фантазии, юный Тим. А пока что возьми эту чашу и принеси мне воды. Там, на краю поляны, есть речка. И не забудь свою лампу, свет от костра так далеко не доходит, а на одном из деревьев сидит живоглот. Весь раздувшийся, значит, недавно поел, но я все равно бы не стал набирать воду, зная, что у меня над головой сидит *такое*. — Он опять улыбнулся. Тим подумал, что это была нехорошая улыбка, жестокая. Но его это не удивило. — Впрочем, такой смелый мальчик, который поехал в Бескрайний лес ночью совсем один, может делать что хочет.

Чаша *и вправду* была серебряной: слишком тяжелая, она не могла быть какой-то другой. Тиму пришлось нести ее под мышкой, неловко прижимая к боку одной рукой, потому что в другой руке у него была лампа. Приблизившись к краю поляны, Тим почувствовал запах — гнилостный и неприятный — и услышал глухое причмокивание, словно множество крошечных ртов чавкали одновременно. Он остановился.

— Этой воды вам не надо, сэй. Она плохая, гнилая.

— Я сам решу, что мне надо, а что не надо, юный Тим. Просто набери воды в чашу. И осторожнее там с живоглотом.

Опустившись на колени, Тим поставил чашу на землю и наклонился над маленькой заболоченной речкой. Вода кишела какими-то жирными белыми личинками. У них были огромные черные головы и глаза на стебельках. Сами они напоминали опарышей,

и, похоже, у них шла война. Приглядевшись внимательнее, Тим увидел, что они пожирают друг друга. Его чуть не вывернуло наизнанку.

Откуда-то сверху раздался звук, как будто кто-то провел рукой по наждачной бумаге. Тим поднял лампу повыше. Вокруг нижней ветки железного дерева, стоявшего слева, обвилась кольцами огромная змея ржавого цвета. Ее лопатообразная плоская голова — она была больше, чем самая большая из маминых кастрюль — смотрела прямо на Тима. Янтарные глаза с черными прорезями зрачков сонно глядели на мальчика. Из рта вырвался тонкий раздвоенный язык, дернулся и убрался обратно, издав звук, похожий на влажное хлюпанье.

Тим наполнил чашу вонючей водой, стараясь проделать это как можно быстрее, но поскольку его внимание было полностью поглощено змеей, смотрящей на него сверху, несколько белых личинок все-таки попало ему на руки. Они тут же принялись кусаться. Вскрикнув от боли и отвращения, мальчик стряхнул их с себя, подхватил чашу и вернулся к костру. Он шел медленно и осторожно, чтобы не пролить на себя ни одной капли этой противной воды, полной корчащихся личинок.

— Если это чтобы пить или мыться...

Сборщик налогов смотрел на него, склонив голову набок, и ждал окончания фразы, но Тим не смог договорить. Он просто поставил чашу на землю перед сборщиком, который, похоже, решил оставить свое бессмысленное занятие и прекратил выбивать каблук ямку в земле.

— Не пить и не мыться, хотя мы могли бы и выпить, и вымыться, если бы захотели.

— Вы шутите, сэй! Она *грязная*!

— *Весь мир* грязен, юный Тим, но мы же к нему приспособились, правда? Выработали сопротивляемость. Мы дышим его воздухом, едим его пищу, ходим его путями. Да, именно так. Ладно, не бери в голову. Присядь.

Сборщик налогов указал пальцем на землю сбоку от чаши, а потом принялся рыться в седельной сумке. Тим присел на корточки и стал наблюдать, как личинки в воде поедают друг друга. Ему было противно, и все-таки он смотрел как завороженный. Неужели они так и будут пожирать друг друга, пока не останется только одна — самая сильная?

— Ага, вот он где! — Сборщик налогов достал из сумки стальной прут с белым набалдашником, похожим на слоновую кость, и тоже уселся на корточках напротив Тима. Теперь они сидели лицом друг к другу над чашей, в которой бурлил живой суп.

Тим смотрел на стальной прут, зажатый в руке, загнутой в черную перчатку.

— Это волшебная палочка?

Сборщик налогов как будто задумался.

— Да, пожалуй. Хотя в прошлой жизни это был рычаг переключения передач в «додже-дарте». Автомобиль эконом-класса. Из Америки, юный Тим.

— Что такое Америка?

— Королевство, в котором живут идиоты, любящие игрушки. Но к нашему делу оно не относится. Ты, главное, знай и потом расскажи своим детям, если тебе все-таки не посчастливится и у тебя будут дети: в умелых руках любая вещь может стать волшебной. Смотри!

Сборщик налогов откинул плащ за спину, чтобы полностью освободить руку, и провел стальным прутком над чашей с мутной водой, кишашей белыми ли-

чинками. Тим не поверил своим глазам: личинки сделались неподвижными... расплылись по поверхности... и исчезли. Сборщик еще раз провел прутом над чашей, и вода стала прозрачной и чистой. Сейчас она и вправду вполне годилась для питья. Из воды на Тима смотрело его изумленное отражение.

— Боги! Как вы...

— Тише, глупый мальчишка! Потревожишь воду хотя бы чуть-чуть — и вообще ничего не увидишь!

Сборщик налогов в третий раз провел прутом над чашей, и отражение Тима пропало, как пропали личинки и муть в воде. А вместо него на поверхности воды возникла дрожащая картинка. Дом Тима в Деревенской деревне. Мальчик увидел маму, увидел Берна Келлса. Нетвердой походкой тот вышел в кухню из прихожей у задней двери. Мама, одетая в ночную рубашку, стояла между плитой и столом. Келлс был страшен. Красные выпученные глаза. Мокрые волосы липли ко лбу. И хотя Тима не было рядом, он знал, что от отчима исходили пары дешевого ржаного виски — окружали его, как туман. Келлс заговорил, и Тим сумел прочесть по губам: *Как ты открыла мой сундук?*

Нет! — хотел закричать мальчик. *Это не она! Это я!* Но горло сжалось, и он не сумел выдать из себя ни единого слова.

— Нравится? — прошептал сборщик налогов. — Хорошее представление, да?

Нелл отступила, уперлась спиной в дверь буфета, а потом развернулась, чтобы бежать. Келлс схватил ее одной рукой за плечо, другой — за волосы. Встряхнул, как тряпичную куклу, потом со всей силы швырнул об стену. Он стоял перед ней, качаясь, как будто вот-вот упадет. Но он не упал, и когда Нелл опять попыталась бежать, схватил тяжелый глиняный кувшин, стояв-

ший у раковины, — тот самый кувшин, из которого Тим наливал воду в таз, чтобы намочить тряпку и приложить ее к маминому синяку, — и с размаху ударил ее прямо в лоб. Кувшин разбился, в руке у Келлса осталась лишь ручка. Тот отбросил ее, схватил Нелл и принялся избивать.

— *НЕТ!* — закричал Тим.

Его дыхание всколыхнуло воду, и картинка исчезла.

Тим вскочил на ноги и бросился к Битси, которая с удивлением повернулась к нему. В своих мыслях сын Джека Росса уже ехал назад по Тропе железных деревьев, подгоняя Битси: бил ее пятками по бокам, пока она не пошла галопом. А в реальности сборщик налогов схватил его прежде, чем Тим успел сделать три шага, и подтащил обратно к костру.

— Та-та-та, трам-пам-пам, юный Тим, не так быстро! Мы еще только начали разговор.

— Отпустите меня! Она умирает, если он уже ее не убил! Хотя... может, это обман? Наваждение? Ваша шутка? — Если так, подумал Тим, то это была самая жестокая шутка, которую только можно сыграть с мальчиком, любящим свою маму. И все-таки он надеялся, что это шутка. Надеялся, что сборщик налогов сейчас рассмеется и скажет: *Ловко я тебя провел, да, юный Тим?*

Но тот покачал головой:

— Не шутка и не наваждение, чаша никогда не лжет. Боюсь, это уже случилось. Ужас, что может сотворить с женщиной пьяный мужчина, да? Но давай смотреть дальше. Может, на этот раз ты найдешь утешение.

Тим упал на колени перед чашей. Сборщик налогов провел над водой стальным прутом. Вода затуманилась легкой дымкой... или, может быть, Тиму лишь

показалось, потому что его глаза переполняли слезы. Как бы там ни было, дымка быстро рассеялась. Теперь Тим увидел в воде крыльцо своего дома и склонившуюся над Нелл женщину, у которой, казалось, не было лица. Медленно, очень медленно с помощью этой женщины без лица Нелл сумела подняться на ноги. Женщина развернула ее к двери и повела в дом. Нелл шла неуверенно и осторожно, словно каждый шаг давался ей с болью.

— Она жива! — закричал Тим. — Мама жива!

— Поистине так, юный Тим. Вся в крови, но цела и невредима. Ну... может быть, и *не совсем* невредима. — Он хохотнул.

На этот раз Тим крикнул над чашей, а не прямо в нее, и картинка осталась на месте. Теперь мальчик увидел, почему у женщины, помогавшей его маме, как будто не было лица. Потому что она закрывала лицо вуалью. А маленький ослик, которого Тим разглядел на самом краю дрожащей картинки, — это был Лучик. Тим не раз кормил Лучика, чистил его и выводил на прогулку. И не только Тим, но и все остальные ученики маленькой школы Древесной деревни. Их учительница говорила, что это тоже часть учения, которое сама называла «образованием», но Тим ни разу не видел, чтобы она ездила на Лучике верхом. Если бы его спросили, он бы ответил, что, наверное, она и не может. Из-за ее припадков.

— Это же вдова Смэк! Что *она* делает у нас дома?

— Возможно, ты сам ее спросишь об этом, юный Тим.

— Это вы ее как-то направили к нам?

Сборщик налогов улыбнулся и покачал головой.

— У меня множество увлечений, но спасение бабышень, попавших в беду, к ним не относится. — Он

наклонился над чашей. Широкие поля черной шляпы затеняли его лицо. — Ох ты ж. Кажется, с ней *и вправду* беда. Впрочем, и неудивительно. После такого битья! Говорят, правду можно прочесть по глазам, но я всегда смотрю на руки. Посмотри на ее руки, юный Тим.

Тим наклонился поближе к воде. Вдова Смэк по-прежнему поддерживала Нелл, а та шла, выставив руки вперед. Вот женщины поднялись на крыльцо, но вместо того чтобы сразу войти в дом, мама направилась в стену, хотя крыльцо было совсем не широким, а дверь — прямо перед глазами. Вдова Смэк мягко подтолкнула Нелл куда нужно, и женщины вошли в дом.

Сборщик налогов сокрушенно цокнул языком.

— Кажется, плохо дело, юный Тим. Удары по голове — штука опасная. Даже если они не смертельны, от них бывают последствия. Очень плохие последствия. *Необратимые*. — Его голос был мрачным и скорбным, но в глазах плясал смех.

Тим этого и не заметил.

— Мне надо ехать. Я нужен маме.

Он опять бросился к Битси. На этот раз успел пробежать пять-шесть шагов, прежде чем сборщик налогов остановил его, схватив за плечи. Пальцы этого человека были словно стальные тиски.

— Прежде чем ты уедешь, Тим — и я, конечно же, благословлю тебя на добрый путь, — тебе нужно сделать еще одну вещь.

Тиму казалось, что он сходит с ума. *Может быть, так и есть*, подумал он. *Может быть, у меня жар. Я лежу дома в постели, и все это мне снится.*

— Отнеси чашу обратно к речке и вылей воду. Но не в том месте, где ты ее набирал. Кажется, наш жи-

воглот переварил свой обед и живо интересуется происходящим вокруг.

Сборщик налогов взял лампу Тима, зажег ее, выкрутив ручку подачи газа до самого конца, и поднял повыше. Теперь змея свесилась с ветки почти на всю длину своего гибкого тела. Ее голова была поднята и вертелась из стороны в сторону. Янтарные глаза с узкими прорезями зрачков смотрели прямо на Тима. Раздвоенный язык стремительно высунулся наружу — *хлюп*, — и Тим успел мельком увидеть два длинных загнутых зуба, сверкнувших в рассеянном свете газовой лампы.

— Когда пойдешь к речке, бери левее, — посоветовал сборщик налогов. — Я составлю тебе компанию и постою на страже.

— А вы не можете сами вылить? Мне надо ехать. Там мама. Мне *надо*...

— Я пригласил тебя сюда не ради твоей мамы, юный Тим. — Сборщик налогов как будто стал выше ростом. — *Делай, как я говорю.*

Тим взял чашу и пошел к речке, забирая влево. Сборщик налогов с лампой в руках шагал рядом, держась между Тимом и живоглотом. Змея повернула голову, следя за их передвижениями, но не стала на них бросаться, хотя расстояние было ничтожным, а нижние ветки деревьев переплетались так густо, что атака наверняка была бы успешной.

— Это участок Косингтона — Маршли, — сказал сборщик налогов. — Ты, наверное, видел табличку.

— Да.

— Мальчик, который умеет читать, — это сокровище для феода. — Сборщик налогов подошел так близко к Тиму, что у того по спине побежали мурашки. — Ты будешь платить немалый налог... когда-нибудь.

Если, конечно, не сгинешь в Бескрайнем лесу сегодня... или завтра... или послезавтра. Но не нужно высматривать бурю, когда она еще не видна за горизонтом, верно? Ты знаешь, чья это деланка, но я знаю чуть больше. Узнал, когда объезжал деревню. Кстати, много чего интересного услышал. И что Фрэнки Саймонс сломал ногу, и что ребенок у Виландов захворал, выпив испорченного молока, и что у Риверлайсов подошли коровы. Так мне сказали... ввали, конечно, если я что-нибудь понимаю в своем деле, а я в нем понимаю, можешь не сомневаться. Чего только люди не выдумают! Но я вот о чем, юный Тим. Я узнал, что в начале Полной Земли Питера Косингтона придавило деревом. Ствол упал не в ту сторону. Такое случается время от времени, и особенно — с железными деревьями. Я думаю, железные деревья и вправду *разумны*. Отсюда, должно быть, и происходит обычай просить прощения у дерева перед тем, как его срубить.

— Я знаю, что было с сэем Косингтоном, — сказал Тим. Несмотря на тревогу и страх, его заинтересовал этот разговор. — Мама варила им суп, хотя сама была в трауре по папе. Ствол упал ему на спину, но не *прямо* на спину. Иначе он бы сразу погиб. А что с ним такое? Он же поправился.

Они подошли к речке. Здесь гнилостный запах был уже не таким сильным, и чавканья личинок слышно не было. Это хорошо. Но живоглот по-прежнему наблюдал за ними с пристальным, голодным интересом. А это плохо.

— Да, Коси Ствол — крепкий парень. Снова вернулся к работе, и мы все говорим спасибо. Но пока он лежал дома — две недели до того, как твой отец встретил своего дракона, и еще шесть недель после, — на этой деланке и на всех остальных участках, закреплен-

ных за Косингтоном и Маршли, было пусто и тихо. Потому что Эрни Маршли — он совсем не такой, как твой отчим. Я имею в виду, он никогда не пойдет рубить деревья в Бескрайнем лесу без напарника. Хотя, конечно — *также* в отличие от твоего отчима, — у Тугодума Эрни *есть* напарник.

Тим вспомнил о папиной счастливой монетке, висевшей теперь у него на груди. Вспомнил о том, почему он вообще предпринял эту безумную поездку в лес.

— *Не было* никакого дракона! Будь это дракон, он бы сжег и папину монетку! И как она оказалась в сундуке у Келлса?

— Вылей воду из чаши, юный Тим. Думаю, здесь не будет личинок, которые так тебя беспокоят. Нет, здесь не будет.

— Но я хочу знать...

— Закрой рот и делай, как я говорю. Ты не уйдешь с этой поляны, пока моя чаша полна.

Тим опустил на колени и склонился над речкой. Ему хотелось лишь одного: побыстрее разделаться с поручением и ехать домой. Он нисколько не переживал за Питера Косингтона и не верил, что человека в черном плаще волнует судьба лесоруба. *Он меня раздражит. Или же издевается, хочет помучить. А может, и вовсе не видит разницы между одним и другим. Но как только я вылью воду из этой проклятой чаши, то сразу сяду на Битси и поеду домой. И пусть он только попробует мне помешать. Пусть только попробует...*

Мысль оборвалась — резко, как сухой пруттик ломается под каблуком. Тим выронил чашу, и та упала, перевернувшись вверх дном, в густую траву. Сборщик налогов не обманул: в этом месте и вправду — никаких личинок. Вода такая же чистая и прозрачная, как в ручье за домом Тима. Глубина здесь была небольшая,

и мертвое тело лежало буквально в шести-восьмидюймах от зыбкой поверхности. Одежда мертвеца давно превратилась в лохмотья, колыхавшиеся в воде. Век на глазах не было, волос на голове почти не осталось. Лицо и руки, когда-то дочерна загорелые, теперь были белыми, как алебастр. А в остальном тело Большого Джека Росса сохранилось на удивление хорошо. Если бы не мертвая пустота в этих глазах без ресниц и без век, Тим бы точно подумал, что папа сейчас поднимется из воды и обнимет его крепко-крепко.

Живоглот издал громкий голодный *хлюп*.

От этого звука что-то надломилось у Тима внутри, и он начал кричать.

Сборщик налогов что-то насильно вливал Тиму в рот. Мальчик попробовал увернуться, но у него ничего не вышло. Сборщик просто схватил его за волосы на затылке и резко дернул, Тим закричал, и уже в следующую секунду горлышко фляжки было у него во рту. Какая-то едкая жидкость обожгла ему горло. Не виски. Потому что Тим не опьянел, но зато сразу же успокоился. Ему показалось, что внутри у него все замерзло и он превратился в заледеневшего гостя внутри своей собственной головы.

— Оно выветрится через десять минут, и тогда я тебя отпущу, — сказал сборщик налогов. Его веселость ушла. Он больше не называл мальчика юным Тимом; вообще никак его не называл. — А пока навести уши и слушай. Еще в Таваресе, в сорока колесах отсюда, до меня дошли слухи о лесорубе, которого испепелил дракон. Об этом все говорили. Самка дракона, огромная, словно дом. Я знал, конечно, что это вздор. Вот тигр, насколько я знаю, тут есть. Должен быть, где-то в чаще...

При этом губы сборщика налогов на миг искривились в улыбке, которая тут же исчезла.

— ...но дракон?! Нет и нет! Так близко от человеческого жилья драконы давно не встречаются, уже сотню лет, если не больше. И никто никогда в жизни не видел дракона размером с дом. Мне сделалось любопытно. Не потому, что Большой Росс — налогоплательщик... или *был* таковым... хотя как-то так я бы и ответил, если бы кто-то из этой беззубой толпы вдруг нашел в себе смелость спросить. Нет, это было чистой воды любопытство. Любопытство ради любопытства, потому что желание знать тайны всегда было моей главной слабостью. Да, вот такой у меня недостаток. И когда-нибудь он меня точно погубит, тут можно не сомневаться.

Вчера ночью я был уже здесь, на Тропе железных деревьев. Решил провести ночь в лесу, прежде чем отправляться в деревню за налогом. Только вчера я доехал до самого конца Тропы. На самых дальних участках, почти на границе с Фагонардской топью, висят таблички с фамилиями Росс и Келлс. Там я набрал в чашу воды — в последнем чистом ручье до того, как начнутся болота, — и что я увидел? Я увидел табличку, на которой написано «Косингтон — Маршли». Так что я сел на Черного и поехал назад. Просто чтобы увидеть и убедиться. Не было необходимости смотреть в чашу еще раз. Я просто приметил то место, которого сторонится наш живоглот и где речка не заражена червями. Они плотоядные и ненасытные, пожирают любое мясо, но, как говорят старухи, эти черви не могут есть плоть добродетельного человека. Старухи много чего говорят, и далеко не всему надо верить, но тут они, кажется, правы. Вода в речке холодная, поэтому тело так хорошо сохранилось. На нем нет никаких ран и

отметин. Потому что убийца ударил со спины. Я его перевернул и увидел разбитый череп. Потом опять положил на спину, чтобы избавить тебя от этого зрелища. — Сборщик налогов умолк на мгновение и добавил: — И наверное, чтобы он тоже увидел тебя, если его душа задержалась у тела. На этот счет у старух нет единого мнения. С тобой все нормально? Может, еще глоток нена?

— Со мной все нормально. — Ни разу в жизни Тим не лгал так откровенно.

— Я сразу понял, кто убийца. А теперь это знаешь и ты, как я понимаю. Но если бы у меня были какие-то сомнения, они бы рассеялись сразу, едва я вошел в салун Гитти. Это была моя первая остановка в Древесной деревне. Кабатчики весьма услужливы и любезны, если скостить им налог на десяток «орлов». Там-то я и узнал, что Берн Келлс обвинился веревкой с вдовой своего погибшего напарника.

— Это все из-за *вас*! — прошептал Тим и сам не узнал свой голос. — Из-за ваших проклятых *налогов*.

Сборщик прижал руку к груди и проговорил уязвленным тоном:

— Ты меня обижаешь! Все эти годы отнюдь не *налоги* заставляли Келлса гореть огнем у себя в постели, даже когда рядом с ним была женщина, чтобы затушить его факел.

Он продолжал говорить, но действие снадобья, которое он называл неном, уже начало проходить, и Тим больше не воспринимал смысла слов. Все это время ему было холодно, а теперь вдруг стало жарко: внутри все горело, в желудке бурлило. Пошатываясь, он шагнул к догорающему костру, упал на колени и изверг из себя съеденный ужин — прямо в ямку в земле, которую сборщик налогов выбил каблуком.

— Ну вот! — произнес сборщик радостным тоном человека, который сердечно себя поздравляет. — *Я так и думал*, что она может на что-нибудь пригодиться.

— **Теперь ты поедешь домой**, к своей маме, — сказал человек в черном плаще, когда Тима перестало тошнить и он присел у костра, низко наклонив голову. — Какой хороший ты сын. Но у меня для тебя кое-что есть. Ты точно захочешь его забрать. Одну минутку. Для Нелл Келлис минута уже ничего не решает; что сделано, то сделано.

— Не называй ее так! — вспыхнул Тим.

— Почему нет? Разве она не замужняя женщина? Замуж на скорую руку, да на долгую муку, как говорят старики. — Присев на корточки, сборщик налогов принялся рыться в седельной сумке. Его черный плащ взметнулся, как крылья какой-то кошмарной птицы. — А еще старики говорят, что веревку, которой обвились двое, нельзя развязать. И вот тут они правы. Забавная концепция *развода* существует на многих уровнях Башни, но только не в нашем очаровательном уголке Срединного мира. Так, давай-ка посмотрим... он должен быть где-то здесь...

— Только мне не понятно, почему Питер и Эрни его не нашли, — отрешенно проговорил Тим. Он чувствовал себя выжатым и абсолютно пустым. В глубине сердца все еще брезжило какое-то чувство, но Тим не понимал какое. — Это же их делянка... их участок... и с тех пор как Косингтон поправился, они опять ходят на вырубку.

— Да, они рубят деревья, но не на этой делянке. У них есть и другие. А этот участок у них временно законсервирован. Знаешь, почему?

Тим подумал, что знает. Питер Косингтон и Эрнст Маршли — они хорошие, добрые, но все же не самые смелые из лесорубов. Вот почему их участки располагались не так уж и далеко в лесу.

— Наверное, они ждут, когда уйдет живоглот.

— Какой умный мальчик, — одобрительно заметил сборщик налогов. — Правильно догадался. А как ты думаешь, что должен был чувствовать твой отчим, зная, что наш древесный червь может убратся отсюда в любое время и эти двое вернутся на свой участок? Вернутся и обнаружат тело, и его преступление раскроется, если только ему неостанет смелости прийти сюда раньше и перетащить тело поглубже в лес?

Новое чувство в сердце разгоралось все ярче и ярче. Мальчик был этому рад. Не важно, что это такое, все равно оно лучше, чем беспомощный страх за маму.

— Надеюсь, ему было плохо. Надеюсь, он потерял сон и покой. — И тут Тима вдруг осенило. — Вот почему он опять запил.

— Умный мальчик, и вправду. Умный не по годам... Ага, вот он где!

Тим уже отвязал Битси и собрался садиться на нее верхом. Сборщик налогов подошел к мальчику, пряча что-то под черным плащом.

— Скорее всего все получилось спонтанно. Он совершил свое черное дело, поддавшись порыву, а потом, надо думать, запаниковал. Иначе с чего бы он выдумал такую нелепую историю? Мало кто из лесорубов в нее поверил, можешь не сомневаться. Он разжег костер, наклонился над пламенем, насколько осмелился, и стоял так, сколько смог выдержать, чтобы опалить одежду и обжечь кожу. Я знаю, что именно это он и сделал. Я разжег свой костер на его старом кострище. Но первым делом он зашвырнул сумку

своего мертвого напарника на тот берег речушки, подалее в лес. Да, это он сделал сразу. Когда у него на руках еще не высохла кровь твоего отца. Я сходил на тот берег, искал в зарослях и нашел. Почти ничего интересного в сумке не было... всякий хлам бесполезный... но одну вещь я все-таки приберег. Сохранил для тебя. Он был весь ржавый, но я его вычистил пемзой и точильным бруском.

Сборщик налогов достал из-под плаща топор Большого Росса. Недавно заточенное лезвие сверкнуло в отблесках догорающего костра. Тим, который уже сидел на Битси, взял топор, поднес к губам и поцеловал холодную сталь. Потом засунул топор за пояс, повернув лезвие назад, как учил его папа — давным-давно, в незапамятные времена.

— Я вижу, ты носишь на шее родиевый дублон. Это папин?

Сидя верхом на Битси, Тим заглянул в глаза сборщика.

— Он был в сундуке этого гада-убийцы.

— У тебя есть монета отца. И теперь у тебя есть его топор. Интересно, куда ты вонзишь этот топор, если ка даст тебе шанс?

— Ему в голову. — Чувство, сжигавшее его сердце — чистейшая ярость, — вырвалось наружу, как птица с крыльями из огня. — Спереди или сзади, не важно. Мне и так подойдет, и так.

— Превосходно! Мне нравятся мальчики, которые знают, к чему стремятся! Поезжай, и да хранят тебя боги в пути: все боги, которых ты знаешь, и Человек-Иисус для ровного счета. — Вот так, ранив мальчика в самое сердце, сборщик налогов склонился над остывающими углями и принялся вновь разводить костер. — Я еще задержусь тут в лесу на пару ночей. В эту

Полную Землю в Древесной деревне на удивление интересно. Иди за зеленой сигхе, мой мальчик! Она светится. Да, она светится!

Тим ничего не ответил, но сборщик налогов не сомневался, что тот все слышал.

Они всегда слушают, если ранить их в самое сердце.

Вдова Смэк, должно быть, ждала у окна, потому что как только Тим подвел прихрамывающую Битси к крыльцу (несмотря на свое нарастающее беспокойство, последние полмили он прошел пешком, чтобы поберечь мулиху), сэй Смэк сразу выбежала ему навстречу.

— Слава богам, слава богам. А то твоя мама уже готова была поверить, что тебя больше нет. Иди к ней. Скорее. Пусть она тебя потрогает и услышит.

В полной мере страшный смысл этих слов открылся Тиму позднее. А пока что он привязал Битси рядом с Лучиком и поспешно поднялся на крыльцо.

— А как вы узнали, что надо приехать к ней, сэй?

Вдова повернулась к нему лицом (которое, если принять во внимание вуаль, трудно было назвать настоящим).

— У тебя что, мозги размягчились, Тимоти? Ты промчался мимо моего дома, подгоняя своего несчастного мула, так что животное еле дышало. Я не знала, что и думать: мальчик один, поздно ночью, сломя голову мчится в лес... Вот я и пришла к твоей маме, чтобы узнать, что стряслось. Давай иди к ней. И уж постарайся, чтобы твой голос звучал пободрее, если ты ее любишь.

Вдова провела его через гостиную, где слабо горели две масляные лампы. В маминой спальне, на тумбочке у кровати, тоже горела лампа, и в ее тусклом свете Тим

увидел, что мама лежит вся в бинтах. Лицо забинтовано, шея — тоже. Повязка на шее потемнела от крови.

Услышав шаги, Нелл села на постели и принялась озираться с совершенно безумным видом.

— Это кто? Келлс? Если Келлс, не подходи! Тебе мало того, что ты сделал?

— Это я, мама.

Она повернулась к нему и протянула руки:

— Тим! Иди ко мне!

Он опустился на колени рядом с кроватью, наклонился к маме и, обливаясь слезами, покрыл поцелуями ее лицо — в тех местах, где его не скрывали бинты. На Нелл была все та же ночная рубашка, но теперь ткань на груди и на шее стала жесткой от запекшейся крови. Тим видел, как отчим ударил маму кувшином, а затем принялся избивать кулаками. Сколько раз он ударил ее? Тим не знал. И сколько ударов его горемычная мама получила потом, уже после того, как видение в серебряной чаше исчезло? Тим понимал: маме еще повезло, что она вообще осталась жива, но после какого-то из этих ударов — скорее всего кувшином по голове — она ослепла.

— У нее сотрясение, — сказала вдова Смэк. Она устроилась в кресле-качалке Нелл; Тим сидел на кровати и держал маму за левую руку. На правой руке было сломано два пальца. Вдова Смэк наложила на них лубок, сооруженный из щепок, предназначенных на растопку, и фланелевых лент, оторванных от еще одной ночной рубашки Нелл. — Я видела такое раньше. У нее в мозгу опухоль, от удара. Когда опухоль рассосется, зрение, может быть, и вернется.

— Может быть, — мрачно повторил Тим.

— Даст Бог — будет вода, Тимоти.

Теперь вся наша вода отравлена, подумал Тим, и *во-все не боги ее отравили*. Он открыл было рот, чтобы высказать эту мысль вслух, но вдова Смэк покачала головой.

— Она спит. Я дала ей питье из трав. Не слишком крепкое, я побоялась давать ей крепкое снадобье после такого удара по голове. Но оно все равно подействовало. Я не была уверена, что подействует.

Тим посмотрел на маму — лицо страшно бледное, все в мелких капельках крови, как будто в веснушках, — потом повернулся обратно к своей учительнице:

— Она же проснется, да?

— Даст Бог — будет вода, — повторила вдова. А потом уголки призрачных губ под вуалью чуть приподнялись, и это, наверное, была улыбка. — И в данном случае, думаю, будет. Она сильная женщина, твоя мама.

— Можно мне с вами поговорить, сэй? Я просто взорвусь, если не поговорю с кем-нибудь.

— Да, конечно. Пойдем на крыльцо. Я останусь у вас до утра, с твоего позволения. Ты ведь не против? А если не против, может, поставишь Лучика в стойло?

— Да, — сказал Тим. Теперь ему стало чуточку легче, и он даже смог улыбнуться. — И я говорю вам спасибо.

На улице было тепло. Вдова села в кресло-качалку, в котором Большой Росс любил сидеть на крыльце летними вечерами.

— Погода, как будто перед стыловеем. Называй меня сумасшедшей — ты будешь не первым, — но погода как раз такая.

— А что это, сэй?

— Не бери в голову. Может быть, и ничего... разве что ты вдруг увидишь, как сэр трокен пляшет при свете звезд или смотрит на север, задрав мордочку кверху. В здешних краях стыловеев не случалось с тех пор, как я была маленькой девочкой, а это было давно, очень-очень давно. Но мы с тобой собрались говорить о другом. Что тебя беспокоит? Только то, что этот зверь сотворил с твоей мамой? Или есть что-то еще?

Тим вздохнул, не зная, с чего начать.

— Я вижу у тебя на шее монетку, которую, я точно помню, носил твой отец. Может, с этого и стоит начать. Но сначала нам надо решить, как защитить твою маму. Я бы отправила тебя к констеблю Говарду, несмотря на столь поздний час, но у него в доме темно, ставни закрыты. Я сама лично видела, по дороге сюда. Впрочем, и неудивительно. Всем известно, что когда в Древесную деревню приезжает сборщик налогов, у Говарда Тесли сразу находятся сотни причин, чтобы слинять. Я — старая женщина, ты — ребенок. И что мы с тобой будем делать, если Берн Келлс вернется докончить начатое?

Тим, который больше не чувствовал себя ребенком, положил руку на пояс.

— Сегодня ночью я нашел не только папину монетку. — Он достал из-за пояса топор Большого Росса и показал вдове Смэк. — Он тоже папин. Пусть Келлс только попробует сюда вернуться! Я вобью ему в голову этот топор, где ему самое место.

Вдова Смэк начала было возражать, но увидела глаза Тима, и тут же сменила тему.

— Рассказывай, что хотел рассказать. Рассказывай все до единого слова.

Когда Тим закончил (как велела вдова, он рассказал все до единого слова, не забыв упомянуть и о том, что мама говорила о человеке с серебряной чашей, который ни капельки не изменился за столько лет), сэй Смэк какое-то время молчала... хотя ночной ветерок шевелил вуаль, и поэтому казалось, что старая женщина тихо кивает головой.

— А знаешь, она права, — наконец проговорила вдова. — Он действительно не изменился и не постарел. И сбор налогов — для него это не ремесло. Думаю, это его увлечение. Он человек *увлекающийся*, о да. Любит себя *поразвлечь*. — Она поднесла руки к лицу, скрытому под вуалью, задержала на несколько секунд, как будто рассматривая свои пальцы, а потом опустила руки и сложила их на коленях.

— Они не дрожат, — решил заметить Тим.

— Да, сегодня они не дрожат. И это очень хорошо, если я собираюсь провести всю ночь у постели твоей мамы. А я как раз собираюсь. Ты, Тим, ляжешь за дверью, на полу, на соломенном тюфяке. Это будет не очень удобно, но если твой отчим вернется, единственный шанс — напасть на него со спины. Совсем не так, как Отважный Билл из легенд, да?

Тим стиснул кулаки, так что ногти впились в ладони.

— Этот гад именно так и убил папу. Ничего другого он и не заслуживает:

Вдова взяла его за руку и ласково разжала кулак.

— Возможно, он и не вернется. Тем более если думает, что прикончил ее. А он может так думать. Было так много крови.

— *Скотина, гад*, — хрипло и глухо выдохнул Тим.

— Сейчас он, наверное, валяется где-нибудь пьяный. Завтра тебе нужно будет пойти к Питеру Косингтону и Эрни Маршли, ведь это у них на участке лежит твой папа. Покажешь им эту монетку и скажешь, что нашел ее в сундуке Келлса. Пусть они снарядят поисковый отряд, обыщут округу, найдут его и отведут в тюрьму. Думаю, поиски не займут много времени. А когда Келлс проспится и протрезвеет, то наверняка скажет, что не помнит, что делал, пока был пьян. Возможно, он скажет правду. Потому что у некоторых людей спиртное напрочь отшибает память.

— Я пойду с ними.

— Нет, это занятие не для мальчика. Ты и так будешь дежурить всю ночь с папиным топором наготове. Сегодня тебе надо быть мужчиной. Завтра ты можешь опять стать мальчиком, а место мальчика — рядом с мамой, когда маме так плохо.

— Сборщик налогов сказал, что, возможно, задержится на Тропе железных деревьев еще на пару ночей. Может, мне надо...

Пальцы, которые только что ласково разжимали его кулак, впились Тиму в запястье, так что ему стало больно.

— Даже не думай об этом! Или он сотворил мало зла?

— Вы что хотите сказать? Что это все из-за него?! Но ведь это Келлс убил папу. И маму избил тоже Келлс!

— Но сборщик налогов дал тебе ключ. И никто не знает, что он сделал еще. Или *сделает*, если представится случай, ибо за ним тянется след из руин и слез, а времени у него столько, что это непостижимо для разума. Неужели ты думаешь, люди боятся его лишь

потому, что в его власти отнять у них землю и дом, если они не заплатят налоги феоду? Нет, Тим, нет.

— Вы знаете, как его зовут?

— Нет, но мне и не надо знать. Потому что я знаю, кто он такой. Вернее, *что* он такое. Мор и чума в человеческом обличье. Давным-давно, когда он сотворил здесь одно грязное дело, о котором я не хочу говорить мальчику твоих лет, я решила узнать о нем все, что можно узнать. Я написала письмо одной очень влиятельной даме, которую знала в давние времена, еще в Гилеаде... это была удивительная женщина, благоразумная и красивая — редчайшее сочетание... и заплатила гонцу серебром, чтобы тот доставил послание и привез ответ... который та женщина просила сжечь. Она написала, что когда гилеадский сборщик налогов не отдается своему *увлечению* по сбору налогов — занятию, которое, по сути, сводится к тому, чтобы пить слезы, выжатые из рабочего люда, — он состоит советником при дворцовых лордах, называющих себя Советом Эльда. Хотя о том, что в их жилах течет кровь Эльда, известно только с их собственных слов. А еще она мне написала, что про него говорят, будто он сильный маг, и в этом, наверное, есть доля правды, ибо ты видел его колдовство собственными глазами.

— Да, видел, — подтвердил Тим, вспомнив о чаше с водой. И о том, как сэй сборщик налогов становился как будто выше ростом, когда сердился.

— Та женщина мне написала, что некоторые утверждают, будто он — сам Мерлин, придворный маг Артура Эльдского, ибо Мерлин, согласно легендам, бессмертен и живет назад во времени. — Из-под вуали донесся звук, похожий на фыркание. — У меня голова

начинает болеть, когда я пытаюсь об этом думать. Совершенно бессмысленная идея.

— Но ведь Мерлин был белым магом. То есть так говорится в легендах.

— Те, кто считает, что сборщик налогов — это замаскированный Мерлин, утверждают, что он обратился ко злу из-за чар Колдовской Радуги, ибо он был хранителем Радуги в те времена, когда Эльдское королевство еще не пало. Но есть и другая версия легенды: после падения королевства Мерлин отправился в странствия и нашел некие артефакты, оставшиеся после Древних. Они его заморозили и наполнили тьмой его душу, так что она почернела до самых глубин. Говорят, это случилось в Бескрайнем лесу, где у него до сих пор есть волшебный чертог, в котором время не движется, а стоит.

— Как-то не верится, — сказал Тим... хотя его заморозила сама мысль о волшебном чертоге, где не движутся стрелки часов и время застыло навечно.

— Дерьмо собачье! — воскликнула вдова и тут же добавила, заметив потрясенный взгляд Тима: — Прощу прощения, но иногда невозможно не выругаться. Даже Мерлин не может быть в двух местах одновременно: бродить по Бескрайнему лесу на одном конце Северного феода и служить советником стрелков и лордом — на другом. Нет, сборщик налогов — не Мерлин, но он маг, черный маг. Так сказала мне дама, которая когда-то была моей ученицей, и я ей верю. Вот почему к нему лучше не подходить. Если он обещал тебе что-то хорошее, это все ложь и обман.

Тим обдумал услышанное, а потом задал вопрос:

— Сэй, а вы знаете, что такое сигхе?

— Знаю, конечно. Сигхе — это волшебный народец фей, который якобы обитает в глубинах леса. Темный человек о них говорил?

— Нет, мне Соломенный Уиллем рассказывал. На лесопильне.

Почему я соврал?

Но в глубине души мальчик знал почему.

В ту ночь Берн Келлс не вернулся домой, и хорошо, что не вернулся. Тим собирался не спать всю ночь, но он был всего лишь ребенком и к тому же страшно устал. *Закрою глаза на секундочку, просто чтобы они отдохнули*, решил он, ложась на соломенный тюфяк у двери. Ему *и вправду* казалось, что прошла лишь секунда, но когда мальчик открыл глаза, в доме было уже светло. Папин топор лежал на полу — засыпая, Тим его выронил. Мальчик поднял топор, заткнул за пояс и побежал к маме.

Вдова Смэк крепко спала в кресле-качалке, которое пододвинула поближе к кровати Нелл. Вуаль подрагивала от храпа. Нелл не спала — лежала с широко открытыми глазами. Услышав шаги Тима, она повернулась к двери.

— Кто здесь?

— Это я, мама. — Тим сел на кровать. — Ты хоть что-нибудь видишь? Хотя бы чуть-чуть?

Нелл силилась улыбнуться, но распухшие губы только болезненно искривились:

— Пока ничего.

— Ты подожди, все будет хорошо. — Он взял ее здоровую руку и поцеловал. — Наверное, еще слишком рано.

Их голоса разбудили вдову.

— Он правильно говорит, Нелл.

— Слепла я или нет, но на следующий год у нас точно отберут землю, и что тогда?

Нелл отвернулась к стене и заплакала. Тим растерянно посмотрел на вдову, не зная, что делать. Она махнула рукой, отсылая Тима из комнаты.

— Я дам ей успокоительное — оно у меня с собой, в сумке. А тебе надо поговорить с лесорубами, Тим. Беги скорее, пока они не ушли в лес.

Он бы, наверное, все равно упустил Питера Косингтона и Эрни Маршли, если бы Болди Андерсон, еще один крупный фермер из Древесной деревни, не задержал их у конюшни, когда те уже выводили мулов, чтобы отправиться на работу. Андерсон как раз проезжал мимо и остановился поболтать. Трое мужчин выслушали историю Тима в угрюмом молчании, а когда тот закончил рассказ — на том, что утром мамина слепота все еще не прошла, — Питер Косингтон положил руки ему на плечи и сказал:

— Можешь на нас положиться, сынок. Мы соберем всех лесорубов в деревне, и тех, кто работает на древоцветах, и тех, кто промышляет железным деревом. Сегодня в лесу никакой рубки не будет.

— А я пошлю своих мальчиков к фермерам, — сказал Андерсон. — К Дестри. И на лесопильню.

— А что констебль? — немного нервно спросил Эрни Маршли.

Андерсон опустил голову, плюнул себе под ноги и вытер подбородок тыльной стороной ладони.

— Уехал в Таварес, я слышал. То ли ловить браконьеров, то ли к тамошней своей бабе. Да оно, в общем, без разницы. Когда доходит до дела, пользы от Говарда Тесли — как от козла молока. Мы сами управ-

вимся, и когда он вернется, Келлс уже будет сидеть в тюрьме.

— С парочкой сломанных рук, если вдруг будет рыпаться, — добавил Косингтон. — Он никогда не умел себя сдерживать — ни в выпивке, ни в гневе. Джек Росс его еще как-то держал... И вот как оно обернулось теперь! Нелл Росс ослепла от побоев! Большой Келлс всегда на нее зарился, и единственный, кто об этом не знал...

Андерсон ткнул его локтем в бок, не давая договорить, потом наклонился к Тиму, уперев руки в колени. Он был очень высокого роста, Андерсон.

— Это сборщик налогов нашел тело твоего папы?

— Да.

— И ты видел тело своими глазами?

Глаза Тима щипало от слез, но голос не дрогнул:

— Да, видел.

— На нашей делянке, — проговорил Эрни Маршли. — На одном из наших участков. Там, где сейчас живоглот поселился.

— Да.

— Убить его мало, только за это одно, — сказал Косингтон. — Но мы возьмем его живым, если получится. Эрни, нам надо сейчас же поехать туда и забрать... ну, останки... а потом уж приступим к поискам. Болди, ты тут без нас справишься? Соберешь всех?

— Ага. Мы соберемся на рыночной площади. Вы в лесу тоже смотрите в оба, вдоль Тропы железных деревьев, но лично я думаю, что мы найдем его здесь, в деревне. Небось валяется где-нибудь пьяный, урод. — Он помолчал и добавил, обращаясь скорее к себе, чем ко всем остальным: — Мне с самого начала не верилось в эту историю с драконом.

— Начните с салуна, — посоветовал Эрни Маршли. — На заднем дворе посмотрите. Он там не однажды валялся, пока не проспится.

— Так и сделаем. — Болди Андерсон взглянул на небо. — Мне что-то не нравится эта погода, сказать по правде. Слишком тепло для Широкой Земли. Надеюсь, это не предвестие бури, и очень-очень надеюсь, что не предвестие стыловея. Иначе все поморозит. И когда сборщик налогов придет на следующий год, никто не сможет заплатить. Хотя, если мальчик говорит правду, сборщик оказал нам большую услугу, выбросив из корзины гнилое яблоко.

Только маме от этого плохо, подумал Тим. Если бы он не дал мне ключ и если бы я не открыл сундук, мама бы не ослепла.

— А ты сейчас отправляйся домой, — сказал Маршли Тиму. Он говорил мягко и ласково, однако тоном, не терпящим возражений. — По дороге зайдешь ко мне и скажешь моей благоверной, чтобы она собрала женщин и привела к вам. Вдове Смэк нужно поехать домой и прилечь отдохнуть, она уже не молода и не очень здорова. — Он вздохнул. — Скажи ей, что чуть позже ее будут ждать в покойнице у Стокса.

На этот раз Тим взял Митси, которой обязательно надо было остановиться перед каждым кустом и отщипнуть от него хоть листик. К тому времени, когда мальчик добрался до дома, его обогнали две повозки и запряженная пони коляска — они везли женщин, готовых помочь его маме в час беды и злосчастья.

Едва Тим успел завести Митси в стойло, на крыльцо вышла Ада Косингтон и попросила его отвезти домой вдову Смэк.

— Можешь взять мою коляску. Только езжай осторожно, чтобы ее не трясло на ухабах. Бедной вдове совсем плохо.

— У нее снова припадок? Ее трясет?

— Нет. По-моему, бедняжка так обессиленна, что даже не может трястись. Она была здесь, когда в ней больше всего нуждались. И возможно, спасла жизнь твоей маме. Помни об этом всегда.

— А мама что-нибудь видит? Хотя бы чуть-чуть?

Но прежде чем сэй Косингтон успела ответить, Тим все понял по ее лицу.

— Пока нет, сынок. Молись за нее.

Тим хотел ей ответить поговоркой, которую иногда слышал от папы: *Молись о дожде, если хочешь, но все-таки вырой колодец*. Но не стал ничего говорить.

До дома вдовы ехали медленно, ослик Лучик вышагивал сзади, привязанный к коляске Ады Косингтон. Было по-прежнему жарко — не по сезону. Ветер, обычно дувший из леса и несший в деревню лесные запахи, сейчас полностью стих. Поначалу вдова пыталась бодриться и убеждать Тима, что с Нелл все будет в порядке, но очень скоро умолкла; наверное, она и сама понимала, как наигранно и фальшиво все это звучит. Примерно на середине пути Тим услышал справа от себя какой-то глухой и невнятный звук, похожий на бульканье. Мальчик испуганно повернулся в ту сторону, но сразу же успокоился. Вдова Смэк загнула, уронив подбородок на грудь. Нижний край вуали лежал у нее на коленях.

Когда они добрались до жилища вдовы на самом краю деревни, Тим хотел завести сэй Смэк в дом, но та сказала:

— Не надо. Помоги мне подняться на крыльцо, а дальше я справлюсь сама. Заварю себе чаю с медом и лягу, потому что я правда устала. Тебе надо быть с мамой, Тим. Я знаю, когда ты приедешь домой, там уже соберется половина женщин деревни, но Нелл нужен ты.

Она обняла Тима — впервые за те пять лет, что он ходил к ней учиться. Это было сдержанное, но все же сердечное объятие. Тим почувствовал, как хрупкое тело вдовы дрожит мелкой дрожью под платьем. Значит, у нее еще оставались какие-то силы, которых хватало на то, чтобы дрожать. И на то, чтобы утешить мальчика — усталого, разъяренного и растерянного, — который так сильно нуждался в утешении.

— Иди к ней. И держись подальше от темного человека. Он весь насквозь лживый, и от всех его дел только беды и слезы.

На обратном пути Тим встретил Соломенного Уиллема и его брата Хантера (которого из-за веснушек прозвали Пятнистым Хантером). Они догоняли поисковый отряд, который уже отбыл в лес.

— Они собираются обыскать все участки на Тропе железных деревьев, — взволнованно сообщил Тиму Пятнистый Хантер. — Мы найдем его.

Значит, в деревне Келлса не нашли. У Тима было предчувствие, что его не найдут и в лесу. Никаких оснований для этого не было, просто Тим чувствовал, что так и будет. И еще мальчик чувствовал, что сборщик налогов с ним пока не закончил. Человек в черном плаще нашел себе забаву... и он еще не наигрался.

Мама спала, но проснулась, когда Ада Косингтон привела Тима в спальню. Остальные женщины собрались в гостиной, но они не сидели без дела, пока Тима

не было дома. Буфет таинственным образом переполнился до отказа — полки буквально ломились от мешков и бутылок. — и хотя Нелл была очень хорошей хозяйкой, Тим ни разу не видел, чтобы их дом сиял такой чистотой. Даже балки под потолком были очищены от копоти.

В доме не осталось вообще ничего, что напоминало бы о присутствии Берна Келлса. Ужасный сундук вынесли из прихожей и задвинули под крыльцо у задней двери — в компанию к мышам, жабам и паукам.

— Тим? — Нелл с облегчением вздохнула, когда Тим взял ее за руки, протянутые к нему. — С тобой все в порядке?

— Да, мама, все хорошо. — Они оба знали, что это ложь.

— Мы знали, что его больше нет. Но разве от этого легче? Как будто его убили еще раз. — Из незрячих глаз Нелл потекли слезы. Тим тоже плакал, но так, чтобы мама не слышала. Маме не надо слышать, как он рыдает. Ей и так плохо. — Его привезут в покойницкую, за кузницей Стокса. Наши женщины очень добры, они приготовят его к погребению, сделают все, что надо, но первым придешь к нему ты, да, Тимми? Придешь к нему и скажешь, как мы его любим. И ты, и я. Я сама не могу. Человек, за которого я по дурости вышла замуж, так меня искалечил, что я почти не могу ходить... и вообще ничего не вижу. Какой же я была дурой, какой ка-мей! И теперь мы оба расплачиваемся за мою глупость.

— Не надо так говорить. Я люблю тебя, мама. Конечно, я пойду к нему.

Но время еще терпело, и Тим сначала пошел в сарай (в доме было слишком уж много женщин) и соорудил

себе постель из соломы и старых попон. Он заснул почти мгновенно. А около трех пополудни его разбудил Питер Косингтон. Лесоруб прижимал шляпу к груди, а лицо у него было скорбное и серьезное.

Тим сел, протирая глаза.

— Келлса нашли?

— Нет, сынок. Но мы нашли твоего отца и привезли в деревню. Твоя мама сказала, ты отдашь ему дань уважения за вас обоих. Она говорит правду?

— Да, да. — Тим поднялся на ноги, отряхнул соломой со штанов и рубашки. Ему было стыдно, что он заснул, но этой ночью он почти не спал, и ему снились кошмары.

— Ну, значит, пойдем. Поедем на моей повозке.

Покойница располагалась на заднем дворе деревенской кузницы, но ее редко использовали по назначению. В те времена деревенские жители, как правило, сами готовили к погребению своих умерших близких и хоронили их на собственной земле, обозначая могилу деревянным крестом или грубо отесанной каменной плитой. Кузнец Дастин Стокс — носивший неизбежное прозвище Молот — стоял в дверях. Сейчас он был в белых холщовых штанах вместо всегдашних кожаных и длинной белой рубахе, доходившей почти до колен и поэтому похожей на платье.

Увидев Стокса, Тим вспомнил, что по обычаю белый цвет — это цвет скорби по мертвым. И вот тут он все понял, до конца осознал всю ужасную правду, которую не желал принимать даже тогда, когда смотрел в мертвые глаза отца под прозрачной текучей водой. У мальчика подкосились ноги.

Питер Косингтон подхватил его сильной рукой и не дал упасть.

— Ты сможешь, сынок? Если не сможешь, тебя никто не осудит. Он был твоим папой, и я знаю, как ты его любил. Мы все это знаем.

— Я смогу, — сказал Тим. Ему не хватало воздуха, грудь как будто сдавило, и вместо обычного голоса получился сдавленный шепот.

Молот Стокс поднес кулак ко лбу и поклонился. В первый раз в жизни Тима приветствовали как взрослого мужчину.

— Хайл, Тим, сын Джека. Его ка ушло в пустошь в конце тропы, а то, что осталось, покоится здесь. Ты пойдешь на него посмотреть?

— Да, пожалуйста.

Питер Косингтон шагнул назад, и теперь уже Стокс взял Тима под локоть и повел вовнутрь — не тот Стокс, который вечно ругается и сквернословит, раздувая кузнечные мехи, и ходит в своих неизменных кожаных штанах, а Стокс торжественный и серьезный, в белых ритуальных одеждах; Стокс, который открыл перед Тимом дверь в комнату, где все четыре стены были расписаны изображениями леса; Стокс, который подвел мальчика к вытесанному из железного дерева постаменту в самом центре — на открытом пространстве, символизировавшем пустошь, где кончаются все пути.

Большой Джек Росс тоже был во всем белом, хотя его одеянием служил льняной саван. Глаза, лишенные век, сосредоточенно смотрели в потолок. У одной из раскрашенных стен стоял гроб, и его кислотоватый, но все же приятный запах наполнял всю комнату. В этом гробу, сделанном из железного дерева, останки Большого Росса пролежат тысячу лет — и даже больше.

Стокс отпустил руку Тима, и тот подошел к постаменту один. Встал на колени. Просунул ладонь под

льняной саван и нашупал папину руку — такую холодную и неживую. Но мальчик без страха и колебаний сплел свои теплые живые пальцы с мертвыми пальцами отца. Так он держал папу за руку, когда был совсем маленьким и еще только учился ходить. В те времена мужчина, шагавший рядом с ним, казался огромным, как великан, — и бессмертным.

Тим стоял на коленях и смотрел на лицо своего отца.

Когда Тим вышел наружу, его поразило, что солнце уже клонилось к закату. Значит, с тех пор как он вошел к отцу, прошло больше часа. Косингтон и Стокс курили, стоя в глубине двора у кучи золы высотой в человеческий рост. Большого Келлса все еще не нашли.

— Может, он бросился в реку и утонул, — высказал предположение Стокс.

— Забирайся в повозку, сынок, — сказал Косингтон. — Отвезу тебя к маме.

Но Тим покачал головой.

— Спасибо, но, если вы не возражаете, я бы лучше пошел пешком.

— Нужно время подумать, да? И это правильно. А я, пожалуй, поеду домой. Обед будет холодным, но я с ним расправлюсь за милую душу. Никто никогда в жизни не станет ни в чем упрекать твою маму.

Тим слабо улыбнулся.

Косингтон уселся на козлы, взял в руки поводья, потом на секунду задумался и наклонился к Тиму.

— Ты осторожнее, когда пойдешь. Я, конечно, не думаю, что Келлс объявится среди бела дня. Но ты все равно смотри в оба. А ночью мы к вам отрядим пару-тройку ребят покрепче. Будут дом охранять.

— Спасибо, сэй.

— Не надо никаких «сзев». Зови меня Питер, сын-нок. Ты уже взрослый парень, а я еще не такой старый. — Он наклонился еще ближе к Тиму и быстро пожал ему руку. — Жаль, что все так получилось с твоим отцом. *Очень* жаль.

Тим шагал по лесной дороге. Заходящее солнце уже наливалось красным. Мальчик чувствовал себя пустым, как будто выскобленным изнутри. Наверное, это и к лучшему. По крайней мере сейчас. Что теперь с ними будет? Теперь, когда мама ослепла, а в доме у них нет мужчины и искомому добывать средства к существованию. Конечно, их не оставят в беде. Лесорубы, бывшие товарищи Большого Росса, будут им помогать — чем смогут и сколько смогут, — но у каждого из этих людей есть своя собственная семья, и каждый несет свое бремя забот. Папа всегда называл дом и землю «свободным владением», но теперь Тим понимал, что ни один дом, ни одна ферма, ни один пятачок земли в Древесной деревне вовсе не был свободным — и не будет свободным до тех самых пор, пока к ним каждый год приезжает сборщик налогов с его списком имен. Тим вдруг искренне возненавидел далекий Гилеад, который прежде всегда представлялся ему (когда он думал об этом, что случалось отнюдь не часто) местом волшебным и удивительным. Не будь Гилеада, не было бы и налогов. И тогда жители Древесной деревни стали бы по-настоящему свободными.

Тим разглядел облако пыли, поднимавшееся от дороги на южной стороне деревни. Заходящее солнце подернулось кровавой дымкой. Мальчик знал, чьи повозки подняли эту пыль. Женщины, которые с утра собирались у Нелл, сейчас направлялись в покойницкую, откуда только что ушел Тим. Там они омоют тело

его отца, уже омытое водами лесной речки, куда его бросил убийца. Они намажут его душистыми маслами. Вложат в правую руку кусок бересты, на котором напишут имена его жены и сына. Поставят ему на лоб синюю точку и уложат в гроб. Молот Стокс заколотит гроб, вбивая гвозди короткими, четкими ударами. И каждый из этих ударов будет страшен своей окончательной необратимостью.

Женщины будут пытаться утешить Тима — чисто-сердечно и искренне, — но Тим не хотел, чтобы его утешали. Он не знал, сможет ли выдержать их доброту и участие и опять не сорваться и не заплакать. Он уже *устал* плакать. Думая об этом, мальчик сошел с дороги и направился к маленькому ручейку за деревней, известному как Стейпов ключ. Если пройти вдоль него вверх по течению, он приведет к большому ручью, протекающему через задний двор дома Россов.

Как в полусне, Тим брел по узкой тропинке и думал о самых разных вещах. О сборщике налогов, о ключе, отпирающем любой замок, но всего один раз, о живоглоте на дереве, о маминых руках, протянутых на звук его голоса...

Тим был так глубоко погружен в свои мысли, что чуть не прошел мимо предмета в траве рядом с идущей вдоль ручейка тропинкой. Это был стальной прут с набалдашником из какого-то белого материала, похожего на слоновую кость. Тим опустился на корточки, глядя на свою находку широко раскрытыми глазами. Ему вспомнилось, как он спросил сборщика налогов, не волшебная ли это палочка, и тот ответил совсем непонятно: *В прошлой жизни это был рычаг переключения передач в «додже-дарте».*

Прут был воткнут в твердую землю почти на половину своей длины — чтобы сделать такое, нужно

обладать недюжинной силой. Тим протянул к нему руку, нерешительно замер, а потом сказал себе: не будь дураком, это не живоглот, который парализует тебя своим ядом и съест живьем. Он выдернул прут из земли и внимательно его рассмотрел. Да, настоящая сталь. Очень хорошая сталь, секрет изготовления которой был известен лишь Древним. Ценная вещь, безусловно, но вправду ли она волшебная? Если на ощупь — обычная металлическая штукавина, то есть мертвая и холодная.

В умелых руках, прошептал сборщик налогов, любая вещь может стать волшебной.

Под гнилой березой на той стороне ручья Тим заметил лягушку. Он протянул руку с прутом так, чтобы белый костяной наконечник указывал на лягушку, и произнес волшебное слово, единственное, которое знал: *абра-ка-дабра*. Он почти ждал, что лягушка упадет замертво или превратится... ну, *во что-нибудь*. Но та не упала замертво и ни во что не превратилась, а просто-напросто перепрыгнула через бревно и скрылась в высокой траве. И все-таки Тим был уверен, что нашел этот прут не случайно. Его здесь оставили для него. Каким-то образом сборщик налогов узнал, что Тим пойдет этой дорогой. Именно в это время.

Опять повернувшись на юг, Тим увидел яркую вспышку красного света, что-то блеснуло на солнце — что-то, лежащее на заднем дворе их дома. Тим на мгновение застыл, глядя на это алое отражение, а потом побежал со всех ног. Сборщик налогов дал ему ключ; сборщик налогов оставил ему свою волшебную палочку; а у ручья за домом, где они брали воду, он оставил свою серебряную чашу.

Ту самую, которую использовал для видений.

Только это была никакая не чаша, а старое жестяное ведро. Ссутулившись, Тим побрел к сараю. Прежде чем идти в дом, он хотел задать корм мулам. Уже у самых дверей мальчик резко остановился и обернулся.

Да, ведро. Но *что-то чужое* ведро. Их ведро меньше, и оно не из жести, а из железного дерева, с ручкой из древоцвета. Тим вернулся к ручью и поднял ведро. Легонько стукнул по нему сбоку костяным набалдашником стального прута. Ведро отозвалось низкой звенящей нотой, и Тим испуганно подпрыгнул на месте. Жестяные предметы не издают таких гулких звуков. И, если задуматься, старые жестяные ведра не блестят яркими вспышками в алых лучах заходящего солнца.

Неужели ты думал, что я отдам свою чашу из серебра какому-то мелкому деревенскому пацану, Тим, сын Джека? Да и зачем отдавать чашу, если любой предмет может быть волшебным? Кстати, если мы заговорили о волшебстве, разве я не отдал тебе свою волшебную палочку?

Тим понимал: голос сборщика налогов у него в голове — это лишь плод его собственного воображения. И все-таки он был уверен, что если бы сборщик сейчас был рядом, он бы сказал то же самое.

А потом у него в голове прозвучал другой голос. *Он весь насквозь лживый, и от всех его дел только беды и слезы.*

Тим отогнал от себя этот голос и наклонился к ручью, чтобы наполнить ведро, которое явно для этого здесь и оставили. Но когда Тим зачерпнул воду, его вновь охватили сомнения. Он попробовал вспомнить, как именно сборщик налогов проводил над чашей стальным прутком — вдруг для того, чтобы волшебство получилось, нужны какие-то особые магические пас-

сы? Но ничего такого ему не вспомнилось. Вспомнились только слова человека в черном, что если хотя бы чуть-чуть потревожишь воду, то вообще ничего не увидишь.

Сомневаясь не столько в волшебной палочке, сколько в своей способности ею воспользоваться, Тим провел стальным прутом над водой, туда и обратно. В первый миг ничего не случилось. Мальчик уже собирался оставить это бессмысленное занятие, как вдруг поверхность воды подернулась дымкой, затянувшей его отражение. Когда дымка рассеялась, Тим увидел, что из воды на него смотрит сборщик налогов. Там, где тот сейчас находился, было темно, но прямо над головой сборщика мерцал странный зеленый огонек размером с ноготь. Огонь висел в воздухе, а потом поднялся повыше и осветил деревянную дощечку, прибитую к стволу железного дерева. На дощечке было написано: «РОСС – КЕЛЛС».

Зеленый огонек поднимался все выше и выше, пока не оказался у самой поверхности воды в ведре, и Тим ахнул от изумления. Внутри зеленого шарика света он разглядел *человечка* — крошечную зеленую женщину с прозрачными крылышками за спиной.

Это ситхе — фея из волшебного народа!

Ситхе как будто была довольна, что Тим ее разглядел. Она еще на мгновение задержалась вблизи от поверхности, а потом улетела прочь. На секунду присела на плечо сборщика налогов, опять воспарила вверх и зависла в воздухе между двумя столбами, держащими поперечную перекладину. С перекладины свисала еще одна дощечка с надписью, выполненной теми же аккуратными печатными буквами, что и на табличке, обозначавшей участок Росса и Келлса. Конечно же, Тим узнал руку отца. «ЗДЕСЬ КОНЧАЕТСЯ ТРОПА ЖЕЛЕЗНЫХ

ДЕРЕВЬЕВ, — было написано на дощечке. — ДАЛЬШЕ ЛЕЖИТ ФАГОНАРД». И в самом низу, еще более крупными и темными буквами: «**БЕРЕГИСЬ, ПУТНИК!**»

Сигхе вернулась к сборщику налогов, облетела два раза вокруг него, оставляя в воздухе призрачный, быстро бледнеющий след, сотканный из зеленоватого свечения, и застенчиво остановилась у щеки человека в черном, который смотрел прямо на Тима. Фигура в воде слегка колыбалась и как будто мерцала (точно так же, как папа, когда Тим смотрел на его тело в лесной речушке), и все же была совершенно реальной. Она была *здесь*. Сборщик поднял руку, описал над головой полукруг и изобразил ножницы указательным и средним пальцами. Тим хорошо знал этот жест, потому что им пользовались все жители Древесной деревни. Он означал: *Поторопись, поторопись*.

Сборщик налогов и его спутница-фея поблекли и растворились. Теперь из ведра на Тима смотрело его собственное изумленное отражение. Мальчик еще раз провел над водой стальным прутом, даже не замечая того, что прут начал тихонько вибрировать в его руке. Вода вновь затуманилась, за клубилась белесой дымкой, возникшей словно из ниоткуда. А когда дымка рассеялась, Тим увидел высокий дом с множеством флигелей и печных труб. Дом стоял на поляне в окружении железных деревьев, таких высоких и мощных, что по сравнению с ними деревья в лесу у Древесной деревни казались попросту карликами. *Их верхушки уж точно касаются облаков*, подумал Тим. Сразу было понятно, что поляна находится в самых глубинах Бескрайнего леса, гораздо дальше тех мест, куда отваживаются заходить даже самые смелые из лесорубов. Многочисленные окна лесного дома украшали узоры из таинственных магических знаков, и Тим сразу по-

нял, что это дом Мерлина Эльдского — дом, где время стоит на месте или, как говорят, идет вспять.

А потом Тим увидел себя: крошечную фигурку, приближавшуюся к дому. Этот маленький Тим из видения в воде подошел к двери и постучал. Дверь открылась. На крыльцо вышел старик с доброй улыбкой и белоснежной бородой до пояса, искрящейся россыпью самоцветов. На голове у него был высокий остроконечный колпак, желтый, как солнце в Полную Землю. Водяной Тим заговорил с водяным Мерлином. Он говорил горячо, с большим чувством. Водяной Мерлин кивнул и ушел в дом... который как будто все время менял очертания (хотя это просто могло так казаться из-за легкой ряби на воде). Маг вернулся, держа в руках кусок черной ткани, похожей на шелк. Поднес ткань к лицу, демонстрируя, что это такое: повязка на глаза. Протянул ее водяному Тиму, но прежде чем тот, другой, Тим успел ее взять, все опять затуманилось. Когда дымка рассеялась, видение исчезло. Тим видел только свое отражение в воде и отражение пролетевшей по небу птицы, без сомнения, спешившей вернуться в родное гнездо до заката.

Тим в третий раз провел стальным прутом над ведром. И хотя все внимание мальчика было сосредоточено на предстоящем видении, на этот раз он почувствовал, как прут дрожит и гудит в его руке. Когда туманная дымка рассеялась, Тим снова увидел себя. Только картинка была другая. Теперь водяной Тим сидел на постели водяной Нелл, лежащей с черной повязкой на глазах. Водяной Тим снял с нее повязку, и лицо водяной Нелл озарилось радостью: такой большой радостью, в которую поначалу почти невозможно поверить. Нелл рассмеялась, обняла сына, прижала к себе. И Тим тоже смеялся — тот, другой, Тим из видения.

Вода вновь затянулась туманом, и дрожь стального прута сразу же прекратилась. *Бесполезный, как грязь*, подумал Тим, и это была чистая правда. Вода в ведре снова стала прозрачной, но уже не показывала никаких волшебных видений — только закатное небо, уже начинавшее темнеть. Тим еще несколько раз провел прутом над ведром, но ничего не случилось. Впрочем, Тим не расстроился. Он уже знал, что ему надо делать.

Мальчик поднялся, взглянул на дом. Никого не увидел. Но уже скоро придут мужчины, которые вызвались охранять Нелл и Тима сегодня ночью. Значит, надо поторопиться.

В сарае Тим спросил Битси, как она смотрит на то, чтобы совершить еще одну ночную поездку.

Вдова Смэк, женщина старая и больная, совсем обесилела после стольких трудов и забот в доме Нелл Росс. Однако спала она плохо, ее сон был прерывистым и беспокойным. Подозрительно теплая, не по сезону, погода не на шутку встревожила вдову Смэк — встревожила больше, чем та готова была признать, — и эта тревога, должно быть, проникла в сны. Вот почему вдова сразу проснулась, когда услышала тихий стук в дверь. (Тим не осмелился стучать громко; он и так еле собрался с духом, чтобы постучать в чужой дом после заката.)

Вдова взяла лампу и пошла открывать дверь. И как только увидела, кто к ней пришел, ее сердце замерло. Если бы из-за неизлечимой болезни единственный оставшийся глаз вдовы не утратил способности вырабатывать слезы, она бы расплакалась при одном только взгляде на это юное лицо, полное глупой, отчаянной, смертоносной решимости.

— Ты собрался вернуться в лес, — сказала она.

— Да. — Тим произнес это тихо, но твердо.

— Несмотря на все, что я тебе говорила?

— Да.

— Он тебя заморозил. Но зачем? Ради какой-то выгоды? О нет. Он разглядел лучик света в этой темной, забытой всеми богами глуши, и нет ему лучшей забавы, чем погасить этот лучик.

— Сэй Смэк, он мне показал...

— Что-то связанное с твоей мамой, могу поручиться. Он знает, как надавить на человека. Знает, какие струны задеть. У него есть волшебные ключи, отпирющие человеческие сердца. Я понимаю, словами мне тебя не удержать... ибо и одного глаза достаточно, чтобы прочесть, что написано у тебя на лице. И я не могу удержать тебя силой, о чем ты сам знаешь прекрасно. Иначе ты не пришел бы ко мне за тем, что тебе нужно.

При этих словах Тим смутился, но они не поколебали его решимости, и вдова поняла, что для нее он и вправду потерян. Хуже того: возможно, он сам себя потерял.

— Так *что* тебе нужно?

— Только передать весточку маме, если вам это не трудно. Скажите ей, что я ушел в лес — за одной вещью, которая восстановит ей зрение.

Сэй Смэк долго молчала, только смотрела на Тима сквозь плотную вуаль. При свете лампы, которую вдова держала над головой, Тим различал очертания ее обезображенного лица гораздо яснее, чем ему бы хотелось. Наконец вдова проговорила:

— Подожди здесь. Не уезжай, не дождавшись, иначе я сочту тебя трусом. И прояви терпение, поскольку ты знаешь, что я не могу быстро передвигаться.

Хотя Тиму не терпелось ехать, он все же дождался вдову. Секунды казались минутами, а минуты — часами, но в конце концов сэй Смэк вернулась.

— Я думала, ты уехал, — сказала она, и слова старой женщины больно задели Тима. Гораздо больнее, чем если бы она стеганула его по лицу кнутом.

Она отдала ему лампу, с которой вышла к двери.

— Чтобы освещать путь. А то, я смотрю, тебе нечем.

Это была правда. Тим так спешил, что забыл взять лампу.

— Спасибо, сэй.

В другой руке вдова держала холщовый мешок.

— Я тут тебе положила буханку хлеба. Он не совсем свежий, два дня назад испечен, но у меня больше ничего нет.

Тим не мог выдавить из себя ни слова. Мешал комок в горле. Поэтому мальчик лишь постучал себя пальцем по горлу — три раза — и протянул руку, чтобы взять мешок. Однако вдова не спешила его отдавать.

— Там есть еще кое-что, Тим. Он принадлежал моему брату, который сгинул в Бескрайнем лесу двадцать лет тому назад. Брат купил его у бродячего торговца, а когда я стала браниться и называть брата дурнем, которого запросто облапошит любой прощелыга, он отвел меня в поле и показал свое приобретение в действии. Боги, как же оно гроыхнуло! У меня потом долго звенело в ушах.

Вдова достала из мешка пистолет.

Настоящий пистолет.

Тим уставился на него, вытаращив глаза. Он знал, что это такое — видел картинки с пистолетами и револьверами в книгах вдовы, и дома у старика Дестри висел вставленный в рамку рисунок, изображавший ружье под названием «винтовка», — но мальчик не

смел и мечтать о том, чтобы увидеть такое оружие своими глазами. Пистолет был длиной примерно один фут. Четырехствольный. Стволы скреплены друг с другом полосками меди или чем-то очень похожим на медь. Рукоятка — из дерева, спусковой крючок и стволы — из какого-то тусклого металла. Отверстия на концах стволов — там, откуда выстреливает заряд — были квадратными.

— Брат стрелял из него дважды, и еще один раз, когда показывал мне. С тех пор из него не стреляли ни разу, потому что брат вскоре погиб. Не знаю, выстрелит ли он *теперь*, но я хранила его в сухом месте, и единожды в год — в день рождения брата — я его разбирала и смазывала, как учил меня брат. Все стволы заряжены, и есть еще пять запасных зарядов. Они называются пули.

— Дули? — озадаченно переспросил Тим.

— Нет, *пули*. Смотри, я тебе покажу.

Вдова отдала Тиму мешок, чтобы освободить себе обе руки, и повернулась к мальчику боком.

— Джошуа говорил, что нельзя наводить пистолет на человека, если только ты не намерен его убить. Потому что у пистолетов горячее сердце. Или он говорил «злое сердце»? Я уже и не помню, прошло столько лет... Видишь, тут рычажок сбоку... вот здесь...

Раздался тихий щелчок, и пистолет переломился надвое между стволами и рукояткой. Вдова показала Тиму четыре квадратных медных пластины, потом подцепила одну и вытащила наружу из углубления, и Тим увидел, что эта пластина на самом деле была основанием заряда — *пули*.

— После выстрела медная нижняя часть остается в стволе, — сказала вдова Смэк. — Ее нужно вытащить, прежде чем заряжать новую пулю. Вот так, видишь?

— Да.

Тиму очень хотелось самому зарядить пистолет. Но еще больше ему хотелось нажать на спусковой крючок и услышать звук выстрела.

Вдова закрыла стволы (и вновь раздался этот прекрасный тихий щелчок) и повернула пистолет рукоятью к Тиму. Мальчик увидел четыре маленьких курка, которые отводились назад большим пальцем.

— Это ударники. Каждый из них бьет по своему патрону, и пистолет стреляет... если эта проклятая штука еще стреляет. Видишь?

— Да.

— Он называется четырехзарядник. Джошуа говорил, он безопасен, пока ни один из ударников не взведен. — Вдова слегка пошатнулась, как будто у нее закружилась голова. — Своими руками даю пистолет ребенку! Который собрался в Бескрайний лес ночью... совсем один... чтобы встретиться с дьяволом! Но что еще я могу сделать? — Теперь она обращалась уже не к Тиму. — Однако он не ожидает, что у ребенка будет пистолет, правда? Может быть, Белизна еще есть в этом мире, и одна из этих старых пуль все же пронзит его черное сердце. Возьми его и спрячь в мешок.

Она протянула Тиму пистолет рукоятью вперед. Тим едва его не уронил. Мальчика поразило, что такой небольшой предмет может быть *настолько* тяжелым. И, в точности как волшебная палочка сборщика налогов, когда проводишь ею над водой, пистолет как будто *гудел*.

— Запасные пули завернуты в холст. С четырьмя в пистолете всего получается девять. Надеюсь, они сослужат тебе добрую службу, и на пустоши в конце тропы на меня не падет проклятие. За то, что я дала их тебе.

— Спаси... *спасибо, сэй!* — только и смог сказать Тим. Он засунул пистолет в мешок.

Вдова обхватила голову руками и издала горький смешок.

— Ты дурачок, а я — старая дура. Вместо того чтобы отдавать тебе пистолет брата, мне надо было принести метлу и огреть тебя по голове. — Она вновь рассмеялась, все с тем же горьким отчаянием. — Хотя дурь все равно бы не выбилась. Что там силенок в старухе?

— Вы скажете маме, что я просил ей передать? Потому что на этот раз я поеду до самого конца Тропы железных деревьев. И наверное, дальше.

— И разобьешь маме сердце. — Вдова наклонилась поближе к нему. — Ты об этом подумал? Да, я вижу, подумал. Тогда почему ты решил ехать в лес, зная, что это изранит сй душу?

Тим покраснел до корней волос, но его взгляд был по-прежнему полон решимости. Сейчас мальчик был очень похож на своего покойного отца.

— Я хочу ее вылечить. Хочу, чтобы к маме вернулось зрение. Он оставил мне кое-что из своей магии, и она мне показала, что надо делать, чтобы вылечить маму.

— *Черная магия!* Магия на службе у лжи! *У лжи*, Тим Росс!

— Это вы так считаете. — Тим стиснул зубы и выставил подбородок вперед. В этом он тоже был очень похож на Большого Росса. — Но он не соврал про ключ — с ключом все получилось. И он не соврал про избиение — это случилось. Он не соврал про то, что мама ослепла — она ослепла. И про папу... вы знаете.

— Да. — Теперь голос вдовы звучал хрипло, и в нем появился грубоватый деревенский акцент, которого Тим никогда раньше не замечал за сэй Смэк. — Да,

только все его правды служили двум целям: побольнее тебя ранить и заманить в западню.

Тим ничего не сказал на это. Он стоял, низко опустив голову и глядя на носки своих старых истертых ботинок. Вдова уже почти разрешила себе понадеяться, что мальчик все-таки внял гласу разума, но тут Тим посмотрел прямо в глаза старой женщине и сказал:

— Я привяжу Битси чуть дальше боковой тропы, ведущей к участку Косингтона и Маршли. Не хочу оставлять ее на полянке, где я нашел папу. Там сейчас живоглот поселился. Когда вы утром поедете к маме, вы не попросите сэя Косингтона привести Битси домой?

Женщина помоложе, возможно, продолжила бы возражать и уговаривать Тима остаться, но вдова Смэк была уже далеко не молода.

— Еще что-нибудь?

— Две просьбы.

— Говори.

— Вы поцелуете за меня маму?

— Да, и охотно. Вторая просьба?

— Вы благословите меня в добрый путь?

Вдова задумалась и покачала головой.

— Что до благословения, то пистолет брата — это самое лучшее, что я могу сделать.

— Значит, этого должно хватить. — Тим выставил ногу вперед и поднес ко лбу кулак в знак приветствия и уважения. Потом развернулся, спустился с крыльца и принялся отвязывать Битси.

Тихо-тихо, почти неслышно — но все-таки не совсем неразличимо — вдова Смэк проговорила:

— Благословляю тебя именем Гана. А дальше все в руках ка.

Луна уже опускалась над лесом. Тим спешился и привязал Битси к кусту на обочине Тропы железных деревьев. Перед тем как пуститься в путь, мальчик набил карманы овсом. Сейчас он высыпал все, что было, на землю перед мулихой — так же, как вчера ночью сборщик налогов насыпал овса своему вороному.

— Не бойся. Утром сэй Косингтон тебя заберет.

В воображении Тима возникла картина: Питер Косингтон приезжает за Битси, а та лежит мертвая — с дырой, зияющей в животе, — убитая кем-то из лесных хищников (возможно, тем самым, чье присутствие Тим ощущал у себя за спиной прошлой ночью). Картина ужасная, да. Но что еще он мог сделать? Битси — очень хорошая, ласковая и послушная, но не настолько умна, чтобы вернуться домой самостоятельно, пусть даже она проходила туда и обратно по этой дороге уже сотни раз.

— С тобой ничего не случится, — сказал Тим, гладя Битси по мягкому носу. — Все будет хорошо.

Но был ли он в этом уверен? В голову пришла мысль, что, возможно, вдова Смэк права, права во всем, и его теперешние сомнения — это лишь первое из доказательств ее правоты. Но Тим прогнал от себя эти мысли.

Он не соврал обо всем остальном; наверняка не соврал и об этом.

К тому времени как Тим прошел три колеса в глубь Бескрайнего леса по Тропе железных деревьев, он и сам в это поверил.

Не забывайте, ему было всего одиннадцать.

В ту ночь костра не было. Вместо радушного тепло-го пламени от горящего дерева Тим увидел холодное

зеленоватое свечение, мерцавшее в самом конце Тропы железных деревьев. Временами оно исчезало вовсе, но всегда появлялось опять — не очень яркое, но достаточно сильное, чтобы отбрасывать тени, которые скользили у мальчика под ногами, как змеи.

Тропа железных деревьев (здесь, ближе к концу, она превратилась в узкую колею, прорезанную колесами всего двух повозок, Большого Росса и Большого Келлса) резко свернула влево, огибая огромное дерево, ствол которого был больше самого большого дома в Древесной деревне. Еще сто шагов — и тропа закончилась на поляне. Вот два столба с перекладиной, вот дощечка с надписью. Тим смог прочитать каждое слово, потому что прямо над дощечкой, зависнув в воздухе на светящихся крыльях, которые бились так сильно, что были почти невидимы, парила сигхе.

Тим шагнул ближе. Глядя на это чудо, он на миг позабыл обо всем остальном. Ростом сигхе была не более четырех дюймов. Полностью обнаженная и очень красивая. Она светилась так ярко, что было трудно понять, то ли она сама по себе зеленая, как излучаемый ею свет, то ли свет просто окрашивает ее кожу зеленым. И все-таки Тим разглядел ее добрую, радушную улыбку и понял, что сигхе тоже видит его, хотя в ее ясных миндалевидных глазах не было зрачков. Ее крылышки издавали тихий и ровный гул, похожий на кошачье урчание.

Сборщика налогов поблизости не наблюдалось.

Сигхе игриво завертелась волчком, описала в воздухе круг и нырнула в сплетение веток кустарника. Тим на миг испугался, что она может порвать свои нежные крылышки о колючки, но сигхе вылетела наружу целая и невредимая, воспарила по головокружительной спирали на высоту пятидесяти футов и даже

выше — туда, где начинались первые ветви железных деревьев, высоко-высоко над землей, — а потом устремилась вниз, прямо на Тима. Она летела, выставив руки перед собой, что придавало ей сходство с девчонкой, ныряющей в пруд. Мальчик пригнулся, и сигхе промчалась над его головой — так близко, что у него всколыхнулись волосы. Тим услышал звонкий смех. Как будто где-то вдаль прозвенел серебряный колокольчик.

Тим настороженно выпрямился и увидел, что она возвращается. Теперь сигхе весело кувыркалась в воздухе. Сердце мальчика бешено колотилось в груди. Он подумал, что в жизни не видел такой красоты.

Сигхе пролетела над перекладиной, обозначавшей конец Тропы железных деревьев, и в ярком зеленом свечении Тим разглядел очень узкую, почти заросшую высокой травой тропинку, уводящую в Бескрайний лес. Сигхе подняла руку, как будто сотканную из зеленого огня, и поманила Тима. Завороженный ее неземной красотой и радушной улыбкой, мальчик без колебаний нырнул под перекладину, даже не взглянув на слова, когда-то написанные на табличке его отцом: «БЕРЕГИСЬ, ПУТНИК!»

Сигхе висела в воздухе на одном месте до тех пор, пока Тим не подошел совсем близко — еще немного, и он мог бы коснуться ее рукой, — а потом резко отпрянула и полетела над заросшей тропинкой, едва различимой в траве. Через пару секунд сигхе снова остановилась, улыбнулась и поманила Тима. Ее длинные волосы рассыпались по плечам. Временами они закрывали крошечные грудки, временами вздымались от ветра, создаваемого биением крыльев, и тогда Тиму было все видно.

Когда Тим приблизился к ней во второй раз, он спросил... очень тихо, потому что боялся, что громкий голос может повредить ее крошечные барабанные перепонки:

— Где сборщик налогов?

В ответ сигхе лишь рассмеялась все тем же звенящим серебряным смехом. Дважды перекувырнулась в воздухе, подтянув колени к груди, потом распрямилась и полетела вперед. Время от времени она останавливалась, но лишь затем, чтобы убедиться, что Тим идет следом. Вот так и вышло, что сигхе вела его в чашу, все глубже и глубже, а мальчик шел за ней как зачарованный. Он не заметил, когда именно тропинка исчезла совсем и он оказался среди высоких железных деревьев, какие, наверное, мало кто видел своими глазами, да и то очень давно, в стародавние времена. Он не заметил, когда именно тяжеловатый, кислосладкий запах железных деревьев сменился гнилостным духом стоячей воды и гниющих растений. Лес расступился, деревья остались позади. Они еще будут, деревья. Далеко впереди еще будут бессчетные лиги железных деревьев. Но только не здесь. Тим вышел к границе большого болота, известного как Фагонард.

Сигхе вновь улыбнулась игривой улыбкой и полетела вперед. Следом за ней летело ее светящееся отражение в темной воде. Что-то — не рыба — вынырнуло на поверхность, пробив мутную пленку ряски, уставилось на воздушную гостью круглым выпученным глазом, а потом тихо ушло в глубину.

Тим этого не заметил. Он смотрел только на кочку, над которой зависла в воздухе сигхе. Чтобы попасть туда, нужно было сделать широкий шаг, а делать его или нет — это даже не обсуждалось. Сигхе ждала. Тим решил прыгнуть — чтобы уж наверняка, — и все равно

чуть не упал в болото. Зеленый свет был обманчивым, при нем все предметы казались ближе, чем на самом деле. Тим пошатнулся, взмахнул руками. Сигхе мешала ему восстановить равновесие (не специально, в этом Тим был уверен: она просто играла), кружилась над головой, ослепляла своим ярким светом, смеялась переливчатым звонким смехом, от которого у Тима звенело в ушах.

Это был опасный момент (хорошо еще, Тим не видел покрытую чешуей голову, что поднялась на поверхность у него за спиной; не видел голодные выпученные глаза и гигантские челюсти, полные острых треугольных зубов), но Тим был мальчиком крепким и ловким. Он устоял на ногах и забрался на вершину кочки.

— Как тебя зовут? — спросил он сияющую фею, которая теперь зависла в воздухе чуть в стороне от кочки.

Несмотря на ее серебристый звенящий смех, мальчик не был уверен, что она умеет говорить человеческим голосом. И даже если умеет, Тим не был уверен, что она станет ему отвечать: ни на низком наречии, ни на высоком. Но сигхе ответила, и Тим подумал, что это самое красивое имя на свете, и оно как нельзя лучше подходит ее неземной красоте.

— Арманита! — сказала она и опять полетела вперед, смеясь на лету и игриво оглядываясь на Тима.

Он шел следом за ней — все глубже и глубже в топи Фагонарда. Иногда кочки располагались так близко друг к другу, что мальчик просто переступал с одной на другую, но чем дальше он углублялся в болото, тем чаще ему приходилось прыгать, и с каждым разом прыжки становились длиннее. Но Тиму не было страшно. Наоборот, ему было легко и радостно. Каж-

дый раз, приземляясь на кочку, он заливался веселым смехом. Он не видел, как следом за ним по густой черной воде движутся клиновидные тени — бесшумно и гладко, точно игла белошвейки сквозь шелк. Сначала одна, потом три, а потом и полдюжины. Его кусали жуки-кровопийцы, и он отгонял их, не глядя, или прихлопывал, не чувствуя боли и оставляя на коже кровавые кляксы. Не замечал он и странных фигур — согнутых в три погибели, но более-менее прямоходящих, с глазами, светящимися в темноте, — идущих с ним вровень с одной стороны.

Несколько раз он тянулся к Арманите и звал:

— Иди ко мне! Я тебя не обижу!

Но та всегда ускользала, а один раз пролетела прямо между пальцами Тима, щекотно задев их своими крылышками.

Сигхе облетела вокруг большой кочки. Эта кочка и вправду была больше всех остальных, и на ней не росла трава. Тим подумал, что это, наверное, камень: первый камень, попавшийся ему на пути в этом топком краю, где все, кажется, состояло из жидкости, а не из твердой материи.

— Я не допрыгну. Слишком далеко! — крикнул он Арманите. Поискал взглядом, куда еще можно ступить, но не нашел ничего подходящего. Чтобы добраться до следующей кочки, сначала нужно было прыгнуть на камень. И сигхе манила его.

Может быть, у меня и получится, подумал мальчик. И она думает, что получится. Иначе она бы меня не манила, верно?

На кочке, где стоял Тим, не было места для разбега, поэтому мальчик согнул колени и прыгнул с места, вложив в прыжок всю свою силу. Уже в полете он понял, что ему не допрыгнуть до камня: у него *почти*

получилось, но не хватило буквально чуть-чуть. Тим вытянул руки вперед и приземлился, ударившись о камень грудью и подбородком. Удар был таким сильным, что у Тима посыпались искры из глаз, в которых и без того уже рябило от сияния сигхе. И еще мальчик понял, что под ним — вовсе не камень, разве что есть на свете такие камни, которые могут дышать. А потом у него за спиной раздалось глухое утробное рычание, за которым последовал громкий всплеск, обдавший спину и шею Тима брызгами теплой воды, кишасей склизкими насекомыми.

Мальчик вскарабкался на камень, который был вовсе не камнем, и только теперь осознал, что потерял лампу, но сохранил при себе мешок. Не будь тот крепко привязан к его руке, Тим точно остался бы и без мешка тоже. Холшовая ткань намочла, но все-таки не насквозь. Пока — не насквозь.

А дальше случилось вот что. В тот самый миг, когда Тим почувствовал, что болотная тварь за спиной уже готовится броситься на него, «камень» начал подниматься. Оказалось, что Тим стоит на голове какого-то гигантского существа, которое дремало в болоте среди мягкого ила. А сейчас оно проснулось и было вовсе не радо, что его разбудили. Существо издало мощный сердитый рев, и у него изо рта вырвались языки зеленовато-оранжевого огня, опалившего камыши, что росли чуть впереди.

Все-таки меньше, чем дом. Да, наверное, меньше. Но это дракон. Точно дракон. О боги! Я стою на голове у дракона!

Пламя дракона осветило пространство вокруг. Тим увидел, как камыши тут и там гнутся в стороны: это болотные твари, преследовавшие его, спешили укрыться от драконьего пламени. Также мальчик увидел еще

одну кочку. Она была чуть больше тех, по которым он передвигался, пока не добрался до своего нынешнего (и смертельно опасного) места.

Тим не стал беспокоиться о возможном и даже весьма вероятном развитии событий: либо его сожрет гигантская хищная рыба, если он не допрыгнет до кочки, либо дракон превратит его в кучку золы, если все же допрыгнет. Времени на раздумья не оставалось. С беззвучным криком Тим прыгнул. Это был самый сильный и самый дальний его прыжок, который едва не стал *чересчур* дальним. Тиму пришлось схватиться за стебли меч-травы, чтобы не перелететь через кочку и не плюхнуться в воду с той стороны. Острая трава резала пальцы, как бритва. И еще она была очень горячей — после огненного залпа рассерженного дракона, — но Тим держался крепко. Он не хотел даже думать о том, что с ним будет, если он соскользнет с этого крошечного островка.

Впрочем, здесь тоже было небезопасно. Мальчик встал на колени и оглянулся. Дракон, а вернее, дракониха, потому что Тим разглядел розовый гребень у нее на голове, поднялась из воды, стоя на задних лапах. Не такая большая, как дом, но все-таки больше, чем Черный, вороной конь сборщика налогов. Она дважды хлопнула крыльями, отчего во все стороны полетели брызги и поднялся ветер, который сдул со лба Тима слипшиеся от пота волосы. Издаваемый крыльями звук напоминал хлопанье вывешенного на просушку белья на ветру.

Дракониха смотрела на Тима маленькими и блестящими, в красных прожилках, глазами. Изо рта у нее тянулись длинные нити горячей слюны, срывались вниз и шипели, соприкасаясь с водой. Тим видел, как запульсировало и напряглось ее горло, когда она

набрала воздух, чтобы разжечь огонь в своем внутреннем горне. У мальчика еще было время подумать о том, как странно все вышло — странно и даже немного смешно. Его отчим соврал про дракона, но теперь эта ложь обернулась правдой. Вот только поджариться заживо сейчас предстояло Тиму.

Боги, наверное, смеются, подумал мальчик. А если не боги, то сборщик налогов — уж точно.

Не задумываясь о том, что он делает и почему делает именно так, Тим упал на колени и протянул руки к драконихе. Холщовый мешок, привязанный к правому запястью, закачался из стороны в сторону.

— Прошу тебя, госпожа! — крикнул Тим. — Пожалуйста, не сжигай меня. Меня сбили с пути, и я умоляю тебя о прощении!

Несколько долгих секунд дракониха продолжала смотреть на него. Пластины на горле все так же пульсировали, раскаленная слюна капала изо рта и шипела. А потом — очень медленно, так медленно, что Тиму эти секунды показались вечностью — она начала погружаться под воду. И вот уже над водой торчит только макушка... и эти ужасные пристальные глаза. Они словно предупреждали, что дракониха уже не будет такой милосердной, если Тим еще раз потревожит ее покой. А потом они тоже ушли под воду, и над поверхностью остался лишь бугорок, похожий издали на большой камень.

— Арманита? — Тим обернулся, ища глазами зеленый огонек и уже зная, что ничего не найдет. Она завела его в глубь Фагонарда, в то место, где впереди больше не было кочек, а дорогу назад преграждал дракон. Сигхе сделала свое дело.

— Все — ложь и обман, — прошептал Тим.

Вдова Смэк была права. Права во всем.

Он сидел на кочке и думал, что сейчас расплатется, но слезы не приходили. И правильно, и не надо. Что толку плакать? Его одурачили, обманули, и тут уже ничего не поделаешь. Он дал себе слово, что впредь будет умнее... если будет какое-то *впредь*. Сейчас, когда Тим сидел посреди топи, во мраке, растерянный и одинокий, и тусклый пепельный свет луны едва пробивался сквозь облачную завесу, ему в это не верилось. Болотные твари, сбежавшие при пробуждении драко-нихи, теперь вернулись. Они старались держаться от нее подальше, но у них все равно оставалось достаточно места для маневров, и можно было не сомневаться, что все их внимание направлено только на крошечный островок, где сидел Тим. Мальчик очень надеялся, что это какие-то рыбы, которые не смогут выйти из воды, потому что на воздухе задохнутся. Однако Тим знал, что в болотах водятся крупные кровожадные существа, которые могут спокойно дышать и водой, и воздухом.

Он смотрел, как они кружат вокруг, и думал: *Они набираются смелости, чтобы напасть.*

Он знал, что смотрит на свою смерть, но ему было всего одиннадцать и, несмотря ни на что, ужасно хотелось есть. Тим достал из мешка хлеб — буханка подмокла с одного края — и немного поел. Потом отложил хлеб в сторонку, достал пистолет и внимательно его осмотрел, насколько это позволил ненадежный свет бледной луны и слабое призрачное свечение болотной воды. Вроде бы пистолет был сухим. И запасные патроны — тоже. Тим чуть-чуть поразмыслил и, похоже, придумал, как сохранить их сухими и дальше. Он проковырял пальцем дырку в буханке хлеба с той стороны, где та не намокла, засунул запасные пули

поглубже в буханку и залепил дырку хлебным мякишем. Тим очень надеялся, что мешок высохнет, хотя понимал, что надежды мало. Воздух был слишком влажным, и...

И тут две болотные твари рванулись вперед, нацелившись прямо на островок Тима. Он вскочил на ноги и закричал первое, что пришло в голову:

— Только попробуйте! Только попробуйте, гадины! Перед вами стрелок, истинный сын Гилеада и Эльда, и вам же самым будет хуже!

Тим сомневался, что эти безмозглые твари понимают смысл его слов — и что это их остановит, даже если и понимают, — но звук его голоса их испугал, и они уплыли прочь.

Только бы не разбудить дракониху, подумал Тим. Проснувшись, она меня испепелит, просто чтобы стало тихо.

Но разве у него был выбор?

Когда болотные твари попытались наброситься на него в следующий раз, Тим не только кричал, но и хлопал в ладоши. Он бы еще барабанил по полому бревну, если бы на островке было бревно, и Наар забери дракониху. Тим подумал, что если ему суждено согнуться в этом болоте, то уж лучше сгореть в драконьем пламени, чем быть съеденным заживо водяными чудовищами. Смерть в огне будет быстрее и милосерднее.

Ему вдруг пришло в голову, что, может быть, сборщик налогов сейчас где-то рядом, наблюдает за ним и от души забавляется. Немного поразмыслив, Тим решил, что, наверное, так и есть. Но только отчасти. Он наблюдает, да. Однако сборщик налогов не станет пачкать свои сапоги в этом вонючем болоте. Он сидит где-то, где сухо и тепло, и наблюдает за представлени-

ем в своей волшебной серебряной чаше, и Арманита кружится над ним. Или даже сидит у него на плече, подперев подбородок крошечными руками.

К тому времени, когда первые мутные лучи рассвета начали пробиваться сквозь сплетение древесных ветвей, нависающих над болотом (Тим никогда раньше не видел таких деревьев: скрюченных, безобразных, густо заросших мхом), кочку, где сидел мальчик, окружало уже два десятка болотных тварей. Самые мелкие из них достигали, наверное, десяти футов в длину, но большинство было гораздо крупнее. Крики и хлопки их уже не пугали. Они готовились наброситься на него.

И словно этого было мало, теперь, когда стало чуть-чуть светлее, Тим увидел, что его смерть не пройдет незамеченной: его сожрут на глазах у зрителей. Света было еще мало, поэтому Тим не мог разглядеть лица. И тихо порадовался про себя, что не может. Ему было достаточно и того, что он видит их согнутые, искривленные, получеловеческие фигуры с косматыми головами. Они стояли на берегу топи, ярдах в семидесяти или восьмидесяти от островка Тима. Мальчик отчетливо различал пять или шесть фигур, но, кажется, их было больше. При таком тусклом, рассеянном освещении ни в чем нельзя быть уверенным. Они стояли, сгорбившись и вытянув шеи вперед. Лохмотья, свисавшие с их неотчетливых тел, могли быть остатками одежды, но могли быть и лентами мха вроде тех, что свисали с древесных ветвей. Тим подумал, что они похожи на племя сказочного болотного народа, поднявшегося со дна топи, чтобы посмотреть, как водяные чудовища сперва поиграют с добычей, а потом сожрут ее с потрохами.

Ну и пусть смотрят. Смотри — не смотри, все равно мне конец.

Один из ящеров, круживших вокруг Тима, оторвался от стаи и приблизился к кочке, взбивая воду хвостом. Огромная голова поднята над водой, челюсти приоткрыты в кровожадном оскале. Одна только пасть чудища была больше, чем весь Тим целиком, и эта пасть ударила прямо по кочке, чуть ниже того места, где стоял мальчик. Кочка вздрогнула и затряслась, как желе. Несколько зрителей из болотного народца заулюлюкали и засвистели. Тим подумал, что они напоминают толпу, которая собирается поглазеть на субботний крокетный матч.

От этой мысли Тим так разозлился, что совершенно забыл о страхе. На месте страха теперь поселилась холодная ярость. Значит, болотные твари его сожрут? Да, скорее всего так и будет. Мальчик не видел другого исхода событий. И все-таки, если четырехзарядник, который дала ему вдова Смэк, не совсем отсырел, тогда у него, может быть, и получится прикончить хотя бы одну из зверюг. Пусть хоть одна, но заплатит за завтрак.

А если пистолет не выстрелит, я его переверну и буду дубасить чудовище по голове рукояткой, пока оно не откусит мне руку.

Ящер уже выбирался из воды. Огромные когти на коротких передних лапах рвали в клочья пучки камышей и травы, оставляя на топкой земле длинные черные разрезы, тут же наполнявшиеся водой. Хвост чудовища — черновато-зеленый сверху, а снизу белый, как живот мертвеца — бил по воде, поднимая фонтаны мутной вонючей слизи. Маленькие глазки над длинной мордой смотрели прямо на Тима. Смотрели не отрываясь. Они как будто пульсировали: становились

то больше, то меньше. Челюсти двигались, зубы скрежетали, как камни, трущиеся друг о друга.

На берегу — буквально в семидесяти ярдах от Тима, но с тем же успехом это могло быть и сто колес — зрители из болотного народца вновь разразились криками, как будто подбадривая чудовище.

Тим открыл мешок. Его руки были тверды, а движения уверенны и спокойны, хотя ящер уже наполовину выбрался из воды и расстояние между промокшими ботинками Тима и этими кошмарными скрежещущими зубами составляло теперь не более трех шагов.

Он отвел назад один из курков, как показывала ему вдова, обхватил пальцем спусковой крючок и опустил-ся на одно колено. Теперь его голова оказалась примерно на одном уровне с головой приближающегося чудовища. Мальчик чувствовал зловонное, отдающее тухлым мясом дыхание ящера. Видел пульсирующую розовую плотку. И все-таки Тим улыбался. Он чувствовал, как его губы растягиваются в улыбке, и был этому рад. Хорошо умирать улыбаясь. Да, именно так. Тим жалел лишь об одном: что это не сборщик налогов ползет к нему по мокрой траве со своей зеленой подружкой-предательницей на плече.

— А вот получи-ка, урод, — прошептал Тим и нажал спусковой крючок.

Грохот был таким сильным, что в первый миг Тим подумал, что пистолет взорвался у него в руке. Однако взорвался не пистолет — взорвались кошмарные глаза ящера. Брызнули черно-красной сукровицей. Ящер взревел от боли и свернулся кольцом. Короткие передние лапы задержались, словно пытаясь схватиться за воздух. Ящер свалился в воду, забился в агонии, а потом вдруг затих и перевернулся брюхом вверх. Вокруг его головы, частично погруженной в воду, начало рас-

плываться мутное красное облако. Кровожадный голодный оскал превратился в застывшую ухмылку смерти. Птицы, так грубо разбуженные громом выстрела, с громкими возмущенными криками поднялись в поднебесье, выпорхнув из сплетения древесных ветвей.

Все с тем же холодным спокойствием (и по-прежнему улыбаясь, хотя он сам этого и не осознавал) Тим открыл пистолет и вытащил использованную гильзу. Она дымилась и была теплой на ощупь. Мальчик схватил половину буханки, вынул затычку из хлебного мякиша, запихал его в рот и вставил новый заряд в пустую камору. Быстро закрыл пистолет и выплюнул хлеб, который теперь приобрел вкус машинного масла.

— *Давайте! Плывите сюда!* — крикнул он ящерам, возбужденно метавшимся взад-вперед в мутной воде (бугор, обозначавший макушку спящей драконихи, теперь исчез). — *Плывите и получите еще!*

Это была не бравада. Тим вдруг понял, что ему действительно *хочется*, чтобы они приплыли и полезли к нему. Никогда в жизни он не испытывал ничего подобного: даже папин топор, который по-прежнему был при нем, не казался Тиму таким восхитительно *правильным* и настоящим, как тяжелый четырехзарядник в его левой руке.

С берега донеслись звуки, которые Тим в первый миг не узнал. Не потому что они были странными, а потому, что они шли вразрез с его первоначальными представлениями об этих людях. Болотные жители аплодировали.

Когда Тим повернулся к ним с дымящимся пистолетом в руке, они упали на колени и принялись стучать себя кулаками по лбам. При этом они выговаривали

одно слово — возможно, единственное, которое знали. Это было слово «хайл», одно из немногих, которые звучат одинаково и на низком, и на высоком наречии; слово, которое Мэнни называют фин-Ган, или «первое слово»; слово, которым был сотворен мир.

Неужели они...

Тим Росс, сын Джека, перевел взгляд с коленопреклоненных болотных жителей на древний (но очень даже годный) пистолет у себя в руке.

Неужели они подумали, что я...

Да, именно так они и подумали.

Жители Фагонарда решили, что он стрелок.

Тим на мгновение остолбенел. Он смотрел на них с кочки, где сражался за свою жизнь (и все еще мог ее потерять); они тоже смотрели на него, стоя на коленях среди высокой травы и вязкого ила и прижимая ко лбам кулаки.

Когда прошло первое потрясение и к Тиму вернулась способность думать и рассуждать, он понял, что надо воспользоваться их верой, пока не поздно. Он попытался припомнить какую-нибудь подходящую историю из тех, что ему рассказывали папа с мамой, или тех, что вдова Смэк читала ученикам в своих ценных книгах. Но ничего подходящего не находилось, пока Тим не вспомнил фрагмент одной старой легенды, которую слышал от Гарри по прозвищу Щепка, чудаковатого старика, работавшего на лесопильне неполный день. Старина Гарри был малость с придурью: имел привычку наставлять на людей указательный палец и делать вид, что стреляет из револьвера, и постоянно бормотал себе под нос какую-то ахинею, утверждая, что изъясняется Высоким Слогом. Больше всего на свете он любил говорить о суровых мужчинах

из Гилеада, которые носят на поясе револьверы и пускаются в странствия на поиски приключений.

Ох, Гарри, надеюсь, что я оказался в тот день поблизости и услышал, что ты говорил, по воле и промыслу ка.

— Хайл, вассалы! — выкрикнул он, обращаясь к болотным жителям на берегу. — Вижу вас очень хорошо! Встаньте! Встаньте в любви и служении!

Поначалу ничего не случилось. А потом они начали медленно подниматься, глядя на Тима зажавшими, бесконечно усталыми глазами. Все как один смотрели на него, изумленно разинув рты, так что подбородки едва не касались впалой груди. Тим заметил, что у некоторых из них были примитивные луки, а у некоторых — дубины, прикрепленные к сплетенным из лозы ремням, перекинутым через плечо.

И что мне теперь говорить?

Иногда лучше всего сказать грубую правду, рассудил Тим.

— Заберите меня с этой гребаной кочки!

Сперва болотные жители просто молча тарасились на него. Потом сбились в кучку и принялись совещаться на языке, представлявшем собой смесь мычания, щелчков и беспорядочных рыкающих звуков. Тим уже начал думать, что их совещание вообще никогда не закончится, но тут несколько представителей болотного племени отделились от группы и умчались прочь. Еще один житель болот, самый высокий из всех, повернулся к Тиму и протянул к нему руки, выставив ладони вперед. Да, именно *руки*, хотя пальцев на них было больше, чем нужно, а ладони сплошь заросли чем-то зеленым и очень похожим на мох. Но жест был понятен и ясен: *Подожди! Не уходи!*

Тим кивнул, уселся на кочке (*как юная леди Ранетка, присев на свою табуретку*, подумал он) и принялся доедать остатки буханки. Он то и дело поглядывал по сторонам — не возвращаются ли плавающие чудовища — и держал пистолет наготове. Мухи и мелкие мошки вились вокруг, садились на открытые участки кожи, тыкались хоботками, пили его пот. Тим подумал, что если в ближайшее время ничего не произойдет, ему, наверное, придется лезть в воду, чтобы спастись от докучливой мошкары, которую даже и не прихлопнешь — уж слишком проворная. Только кто его знает, что может скрываться в этой мутной болотной жиже?

Тим проглотил последний кусок хлеба и вдруг услышал какие-то ритмичные удары, всколыхнувшие тишину над туманным болотом и вспугнувшие еще несколько птиц. Некоторые из этих птиц были на удивление крупными, с розовым оперением и длинными тонкими лапами, чиркавшими по воде на взлете. Их пронзительные, резкие крики были похожи на подвывающий смех безумных детей.

Кто-то колотит по полому бревну, какого мне так не хватало совсем недавно. При этой мысли Тим устало улыбнулся.

Удары звучали еще минут пять, а потом стихли. Болотные жители на берегу смотрели в ту сторону, откуда пришел Тим — тот, другой Тим, который был гораздо моложе, и глупо смеялся, прыгая с кочки на кочку, и бездумно шел следом за недоброй феей по имени Арманита. Жители болот шурились и прикрывали глаза от солнца, которое уже поднялось высоко в небо и ярко светило сквозь завесу листвы, выжигая утренний туман и предвещая еще один не по сезону жаркий день.

Тим услышал плеск, и вскоре из редющего тумана выплыла странная, вся какая-то перекошенная лодка, грубо сколоченная из древесных отходов, подобранных боги знают где. Сидя очень низко в воде, она плыла сквозь болотную жижу, а за ней по пятам тянулись длинные спутанные клубки «бороды» из водорослей. В лодке была даже мачта, хотя и без паруса; вместо вперёдсмотрящего на верхушке мачты красовалась кабанья голова, вокруг которой вились тучи мух. Четверо болотных жителей, сидевших в лодке, гребли веслами из какого-то ярко-оранжевого дерева, которого Тим не знал. Пятый — в черной шелковой шляпе-цилиндре с красной лентой, свисавшей на голое плечо — стоял на носу. Глядя прямо перед собой, он иногда взмахивал левой рукой, иногда — правой. Гребцы следовали его указаниям с легкостью и сноровкой, говорившей о долгой практике. Лодка скользила вперед, аккуратно огибая кочки, которые привели Тима в его теперешнее затруднительное положение.

Когда лодка приблизилась к участку черной стоячей воды, где спала дракониха, кормчий нагнулся и тут же выпрямился, кряхтя от натуги. В руках он держал огромный кусок мясной туши, сочащейся свежей кровью. Тим подумал, что это, наверное, и есть кабан, чья голова украшает мачту. Кормчий держал мясо так, словно баюкал ребенка, не обращая внимания на кровь, пятнавшую его волосатую грудь и руки. Глядя на черную воду, он издал резкий, гортанный крик и несколько раз быстро шелкнул языком. Гребцы подняли весла. Лодка проплыла сама по себе еще несколько футов в сторону кочки, где сидел Тим, но кормчий не обратил на это внимания; он по-прежнему напряженно вглядывался в темную воду.

И вдруг из воды поднялась огромная лапа с загнутыми когтями — поднялась тихо, почти беззвучно, и это было страшнее, чем даже самый громкий всплеск. Сэй кормчий вложил кусок туши в требовательно протянутую ладонь — нежно и бережно, словно мать, которая укладывает в колыбельку спящее дитя. Когти сомкнулись вокруг мяса, выдавив капли густой крови. А потом — так же бесшумно, как и появилась — лапа скрылась под водой, забрав подношение.

Теперь ты знаешь, как умилостивить дракониху, подумал Тим. Ему вдруг пришло в голову, что у него собирается потрясающий набор историй, которые сразу напавал не только старого Гарри Щепку, но и всю Древесную деревню. Главное, вернуться в деревню живым, чтобы их рассказать.

Плоскодонка ударила носом в кочку. Гребцы и кормчий склонили головы и поднесли кулаки ко лбам. Потом кормчий выпрямился и жестом пригласил Тима сесть в лодку. С его тощей, костлявой руки свисали длинные нити каких-то буро-зеленых стеблей. Такие же стебли росли у него на щеках и на подбородке. И даже ноздри, кажется, были забиты тонкими стебельками растительности, так что ему приходилось дышать ртом.

Это люди-растения, подумал Тим, забираясь в лодку. *Мутанты, ставшие частью болота, в котором живут.*

— Я говорю вам спасибо, — сказал Тим, обращаясь к кормчему, и тоже поднес кулак ко лбу.

— Хайл! — ответил кормчий и растянул губы в улыбке, открывшей редкие зубы зеленого цвета. Впрочем, улыбку это совсем не испортило.

— Мы встретились в добрый час, — сказал Тим.

— Хайл, — отозвался кормчий, и все остальные, кто был в лодке, подняли головы и огласили болото звонящим криком: *Хайл! Хайл! Хайл!*

На берегу (если землю, которая дрожит и сочится водой при каждом шаге, можно назвать берегом) племени болотных жителей сгрудилось вокруг Тима. От них густо пахло влажной землей. Тим так и держал пистолет в руке: не потому, что собирался стрелять в этих людей или даже им угрожать, а потому, что им явно хотелось рассмотреть это диво поближе. Если бы кто-то из них попытался дотронуться до пистолета, Тим убрал бы его в мешок. Но никто не пытался. Они мычали, махали руками, издавали звуки, похожие на птичье чириканье, но никто из них не произнес ни единого слова — за исключением все того же «хайл», — которое было бы понятно Тиму. И все же мальчик не сомневался: когда *он* говорит, его понимают.

Он насчитал как минимум шестнадцать болотных людей: все мужчины и все мутанты. Помимо зеленых растений, у них на коже росли и грибы, похожие на трутовники, которые Тим иногда находил на стволах древоцветов, когда таскал бревна на лесопильне. Свободные от растительности участки кожи были покрыты нарывами и гноящимися язвами. Тим почему-то не сомневался, что у болотных людей есть и женщины — немного, но есть, — но детей у них нет и не будет. Это вымирающее племя. Уже совсем скоро Фагонард заберет их, как дракониха из болота забрала жертвенный кусок кабаньей туши. Но это будет потом, а сейчас они все смотрели на Тима так, как сам Тим и остальные мальчишки, работавшие на лесопильне, смотрят на бригадира, когда последнее поручение выполнено, а новое еще не дано.

Фагонардское племя решило, что он стрелок (смех, да и только, ведь Тим — всего лишь мальчишка, и тем не менее они в это верили), и сейчас они ждали его приказаний. Им-то легко, думал Тим, а вот он никогда в жизни никем не командовал и не хотел командовать. Что ему нужно? Мальчик ни капельки не сомневался, что если он попросит перевести его через болото к южному берегу, они это сделают. Оттуда — Тим был уверен — он уже сможет найти дорогу к Тропе железных деревьев, которая выведет его обратно в Древесную деревню.

Домой.

Тим понимал: это было бы самое разумное решение. Но если вернуться домой сейчас, мама так и останется незрячей. Даже если Большого Келлса поймают и призовут к суду, маме это никак не поможет. И ради чего тогда он, Тим Росс, приложил столько усилий и пережил столько страхов? Выходит, все было напрасно? И что самое гадкое: сборщик налогов может увидеть в своей серебряной чаше, как Тим, смирившийся с поражением, возвращается с полпути. Он будет смеяться, сборщик налогов. Возможно, на пару со своей гадкой феей, сидящей у него на плече.

Размышляя об этом, Тим вспомнил слова вдовы Смэк, которые та не раз повторяла своим ученикам в те счастливые дни, когда Тим ходил в школу и самой главной его заботой было успеть сделать уроки до того, как папа вернется из леса. *Не стесняйтесь спрашивать, мои милые. Единственный глупый вопрос — это вопрос незаданный.*

Медленно выговаривая слова (и без особой надежды), Тим сказал:

— Я отправился в странствия, чтобы найти Мерлина, великого мага. Мне сказали, что его дом стоит в

Бескрайнем лесу, но человек, который мне это сказал, он... — Он мерзавец и лжец. Жестокий шутник, который находит забаву в том, чтобы обманывать детей. — Он не заслуживает доверия. Вы здесь, в Фагонарде, что-нибудь знаете о Мерлине? Возможно, он носит высокий колпак цвета солнца.

Он был уверен, что в ответ они лишь покачают головами, а то и вовсе его не поймут. Но вместо этого болотные жители отошли от него и вновь сбились в тесный кружок. На этот раз совещание длилось не меньше десяти минут, и временами обсуждение становилось достаточно оживленным. Наконец они вернулись туда, где ждал Тим. Скрюченные руки, покрытые язвами и болячками, вытолкали вперед давешнего кормчего. Тот даже внешне заметно отличался от всех остальных: крепкого телосложения, широкоплечий — если бы он вырос не в этой отравленной топи под названием Фагонард, его, наверное, можно было бы назвать красивым мужчиной. Глаза ясные, умные. На груди, прямо над правым соском — огромная гнойная язва, вздувшаяся и дрожащая.

Кормчий поднял указательный палец, и Тим узнал этот жест. Вдова Смэк пользовалась им в школе, призывая учеников к вниманию. Мальчик кивнул, поднял правую руку — в левой он по-прежнему держал пистолет — и указал двумя пальцами себе на глаза, как учила вдова Смэк.

Кормчий — лучший лицедей племени, как понял Тим — тоже кивнул, а потом как бы огладил воздух под всклокоченными зарослями жестких волос и зеленых стеблей у себя на подбородке.

Тима охватило радостное возбуждение.

— Борода? Да, у него борода!

Затем кормчий огладил воздух у себя над головой, вытянув руки вверх и соединив кулаки, изображая не просто высокий колпак, но высокий *остроконечный* колпак.

— Да, это он! — Тим даже рассмеялся.

Кормчий улыбнулся, но Тиму показалось, что это была обеспокоенная улыбка. Несколько его соплеменников заволновались, заговорили все разом на своем непонятном птичьем языке. Кормчий взмахнул рукой, призывая сородичей к молчанию, и опять повернулся к Тиму. Но прежде чем он успел продолжить свою пантомиму, язва у него на груди раскрылась, брызнув фонтаном гноя и крови. Из зияющей раны выполз паук размером с яйцо дрозда. Кормчий схватил его, раздавил в кулаке и отшвырнул в сторону. Тиму было противно и страшно на это смотреть, но он все равно смотрел как завороченный. Одной рукой кормчий раздвинул края раны (теперь она стала похожа на разинутый рот), запустил внутрь другую руку и выгреб склизкую массу паучьих яиц, которые еле заметно пульсировали. Он небрежно стряхнул их на землю, как человек, который высморкался себе на ладонь и теперь очищает руку от соплей. Остальные болотные жители даже не обратили на это внимания. Они ждали продолжения спектакля.

Разобравшись с язвой, кормчий упал на четвереньки и изобразил хищного зверя, который как будто делает выпады на добычу — то в одну сторону, то в другую. Все это сопровождалось громким рычанием. Потом кормчий замер и вопросительно посмотрел на Тима. Тот покачал головой. И еще Тим очень старался сдерживать тошноту, подступившую к горлу. Эти люди спасли ему жизнь, и получится очень невежливо, если его вырвет у них на глазах.

— Этого я не понял, сэй. Прошу прощения.

Кормчий пожал плечами и поднялся на ноги. Капельки крови блестели на спутанных зеленых стеблях, растущих у него на груди. Он снова изобразил бороду и высокий остроконечный колпак. Потом вновь упал на четвереньки и показал рычащего зверя. На этот раз к нему присоединились все остальные. На несколько секунд племя болотных людей превратилось в стаю опасных хищников, однако иллюзия была неполной — из-за их смеха и явно веселого настроения.

Тим опять покачал головой, чувствуя себя полным придурком.

Кормчий не проявлял никакого веселья; он проявлял беспокойство. Он задумался на секунду, потом поманил к себе одного из соплеменников. Высокого, лысого и беззубого. Они вдвоем принялись совещаться и совещались достаточно долго. Затем высокий куда-то умчался. Бежал он на удивление быстро, хотя его ноги были такими скрюченными, что его шатало из стороны в сторону, как ялик на штормовых волнах. Кормчий подозвал к себе еще двух соплеменников и что-то сказал им. Они тоже куда-то умчались.

Потом кормчий опять опустился на четвереньки и в третий раз изобразил свирепого зверя. Закончив свою пантомиму, он посмотрел на Тима с выражением уже не вопросительным, а почти умоляющим.

— Это собака? — попробовал угадать Тим.

Услышав такое, болотные жители от души рассмеялись.

Кормчий поднялся на ноги и похлопал Тима по плечу шестипалой рукой, словно хотел сказать, что не надо расстраиваться, если что-то не получается.

— Скажите мне только одно, — попросил Тим. — Мерлин... Сэй, он существует на самом деле?

Кормчий задумался, потом воздел руки к небу в подчеркнуто преувеличенном жесте, который Тим тоже знал. Это был жест, означавший: *Кто знает?*

Двое болотных людей, убежавшие куда-то вместе, вернулись с плетеной корзиной, к которой были прикреплены веревочные ремни — чтобы носить ее за спиной, как рюкзак. Поставив корзину у ног кормчего, они повернулись к Тиму, отсалютовали ему и отошли в сторонку, продолжая улыбаться. Кормчий присел на корточки и сделал знак Тиму, чтобы тот тоже садился.

Мальчик знал, что лежит в корзине, еще до того, как кормчий ее открыл. Он почувствовал запах только что зажаренного мяса, и ему пришлось вытереть рот рукавом, чтобы слюна не стекла на подбородок. Двое болотных жителей (или, возможно, их женщины) положили в корзину столько еды, сколько по меркам Древесной деревни составляло целый обед лесоруба. Куски свинины были переложены какими-то ярко-оранжевыми овощами, похожими на тыкву, и завернуты в тонкие зеленые листья. Как бутерброды, только без хлеба. А еще там была земляника и голубика — ягоды, которые в Древесной деревне давно «отошли».

— Спасибо, сэй! — Тим трижды постучал пальцем по горлу. Болотные жители рассмеялись и тоже принялись стучать себя пальцами по горлу.

Вернулся Высокий. На плече он нес бурдюк с водой, а в руках — маленький кошелек из такой тонкой и гладкой кожи, какую Тим в жизни не видел. Высокий отдал кошелек кормчему, а бурдюк с водой — Тиму.

Только теперь — ощутив в руках вес бурдюка и прижав ладони к его раздувшимся упругим бокам — Тим осознал, как сильно ему хочется пить. Он выга-

шил пробку зубами, поднял бурдюк на локте, как делали взрослые мужчины в его деревне, и сделал большой глоток. Он думал, вода будет затхлой, противной на вкус (возможно, кишашей жуками и прочей живностью), но она оказалась прохладной, свежей и вкусной — как в ручье, что протекал у него за домом.

Болотные жители рассмеялись и зааплодировали. Тим увидел, что язва на плече Высокого запульсировала быстрее, готовясь раскрыться, и облегченно вздохнул, когда кормчий похлопал его по плечу и дал понять, что хочет что-то ему показать.

Это был кошелек. Прямо посередине, пересекая его от края до края, проходил какой-то непонятный металлический шов. Кормчий потянул за маленький язычок, прикрепленный к шву, и кошелек открылся, словно по волшебству.

Внутри лежал матовый металлический диск размером с чайное блюдце. Сверху на диске была какая-то надпись, которую Тим не сумел прочитать. Под надписью располагались три кнопки. Кормчий нажал одну из них, внутри что-то тихонечко пискнуло, и из поверхности диска поднялся маленький рычажок. Болотные жители, собравшиеся вокруг Тима и кормчего широким полукругом, вновь рассмеялись и зааплодировали. Им явно нравилось происходящее, они были довольны и счастливы. Тим, утоливший жажду и стоящий на твердой (во всяком случае, *полутвердой*) земле, решил, что он тоже вполне доволен.

— Это осталось от Древних, сэй?

Кормчий кивнул.

— Такие вещи считаются очень опасными в наших краях.

Сначала кормчий, похоже, не понял, что сказал Тим. И судя по озадаченным лицам всех остальных

людей-растений, те тоже не поняли. Потом кормчий рассмеялся и развел руки в стороны, словно пытался обнять весь мир: небо, воду, влажную топкую землю, на которой они стояли. Как будто хотел тем самым сказать, что в этом мире опасно *все*.

И наверное, в этих краях так оно и есть, подумал Тим.

Кормчий легонько ткнул пальцем в грудь Тима и тут же пожал плечами, как бы извиняясь: *Прошу прощения, но тебе следует проявить внимание.*

— Да, я смотрю, — сказал Тим и опять указал двумя пальцами на свои глаза, отчего все болотные жители вновь рассмеялись и принялись тыкать друг друга локтями, словно Тим выдал ужасно смешную шутку.

Кормчий нажал вторую кнопку. Диск отрывисто пискнул, и среди зрителей пробежал одобрительный шепоток. Под кнопкой зажегся красный огонек. Кормчий принялся медленно кружиться на месте, диск у него в руках снова пискнул, и красный огонек сменился зеленым. Кормчий ткнул пальцем в ту сторону, куда теперь указывал диск. Насколько Тим мог судить по солнцу, почти невидимому сквозь густую листву, это было направление на север. Кормчий вопросительно взглянул на Тима: понял тот или нет. Тиму казалось, что он все понял, но тут была одна загвоздка.

— Там вода. Я умею плавать, но... — Тим оскалился и щелкнул зубами, указав пальцем на кочку, где его едва не сожрали болотные ящеры. Люди-растения рассмеялись, и громче всех хохотал кормчий. Ему пришлось согнуться пополам и схватиться руками за поросшие мхом колени, чтобы не упасть от смеха.

Да, подумал Тим. Очень смешно. Меня едва не сожрали живьем.

Когда кормчий слегка успокоился и смог выпрямиться в полный рост, он указал на лодку.

— Ой, — сказал Тим. — Я про нее и забыл.

Он подумал, что из него получается очень глупый стрелок.

Кормчий помог Тиму забраться в лодку, а сам встал на свое привычное место под мачтой, на верхушке которой раньше красовалась кабанья голова. Гребцы тоже забрались в лодку и взялись за весла. Болотные жители, оставшиеся на берегу, передали Тиму корзину с едой и бурдюк с водой, а маленький кошелек с компасом (если это и вправду был компас) Тим еще раньше убрал в холщовый мешок вдовы Смэк. Пистолет он засунул за пояс с левого бока, где тот более-менее уравновесил отцовский топор справа.

Болотные жители долго прощались с Тимом. Было сказано немало взаимных *хайл*. Самым последним подошел Высокий — мальчик подумал, что это, наверное, вождь болотного племени, хотя основные переговоры вел кормчий. Высокий остановился у самого края воды, серьезно посмотрел на стоящего в лодке Тима и указал двумя пальцами себе на глаза: *Смотри внимательно*.

— Вижу вас очень хорошо, — сказал Тим, хотя глаза у него слипались. Мальчик не помнил, когда он в последний раз спал. Уж точно не прошлой ночью.

Вождь покачал головой и вновь указал двумя пальцами себе на глаза — на этот раз более резко и выразительно, — и Тиму почудилось, что где-то в глубинах его сознания (или, возможно, души, этой крошечной сияющей частички ка) прозвучал тихий шепот. В первый раз за все время общения с болотными жителями Тиму пришло в голову, что, возмож-

но, они не понимают, что он *говорит*. Они понимают его *без слов*.

— Берегись?

Вождь кивнул. Остальные тоже закивали, выражая согласие. На этот раз никто не смеялся и не улыбался; лица у болотных жителей были печальными и какими-то странно детскими.

— Чего мне надо беречься?

Вождь опустил на четвереньки и завертелся волчком. Как и кормчий чуть раньше, он изображал какого-то зверя, но не рычал, а издавал звуки, похожие на собачье таяканье. Время от времени он останавливался, поднимал голову, глядя на север — в том направлении, куда указывал компас, — и раздувал заросшие зеленью ноздри, как будто принюхиваясь. Наконец он поднялся на ноги и вопросительно взглянул на Тима.

— Хорошо, — сказал мальчик. Он не понял, что вождь пытался ему показать — и почему все болотные жители вдруг стали такими серьезными и подавленными, — но он все запомнил. И если он что-то такое увидит, то сразу узнает, что это именно то, что показывал вождь. Если он это увидит, то, может быть, и поймет.

— Сэй, вы читаете мои мысли?

Вождь кивнул. Все остальные тоже закивали.

— Тогда вы знаете, что я не стрелок. Я просто пытался хоть как-то себя подстегнуть, чтобы совсем уж не струсить.

Вождь покачал головой и улыбнулся, словно это не имело значения. Он вновь сделал жест, означавший *смотри внимательно*, потом обхватил себя двумя руками, прижав их к покрытым язвами бокам, и начал преувеличенно сильно дрожать. Остальные болотные жители — даже сидевшие в лодке гребцы — повторяли

за ним. Потом вождь повалился на землю (которая вздрогнула и захлюпала под его весом). Все остальные опять повторили за ним. Тим удивленно смотрел на неподвижные тела, распластавшиеся на земле. Наконец вождь поднялся. Посмотрел Тиму в глаза, словно спрашивал, понял тот или нет, и мальчик очень боялся, что понял.

— Вы хотите сказать...

Тим понял, что не сможет договорить до конца. Вслух — не сможет. Это слишком ужасно.

(Вы хотите сказать, что вы все умрете.)

Глядя Тиму в глаза, вождь медленно кивнул. Его взгляд был серьезным и скорбным, и все-таки он улыбался. И вот тут Тим окончательно доказал, что он никакой не стрелок. Мальчик расплакался.

Кормчий оттолкнул лодку от берега длинным шестом. Гребцы с левого бока развернули лодку, и как только та вышла на открытую воду, кормчий взмахнул руками, давая команду гребти. Тим уселся на корме и открыл корзину с едой. Он съел совсем мало, потому что все еще чувствовал голод, но кусок в горло не лез. Когда Тим предложил пустить корзину по кругу, гребцы с благодарностью улыбнулись, но отказались. Вода была гладкой и тихой, ритмичное движение весел убаюкивало, и вскоре глаза Тима закрылись. Ему приснилось, что мама трясет его за плечо и говорит, что уже утро и надо быстрее вставать, иначе он не успеет помочь отцу оседлать мулов.

Так, значит, он жив? — спросил Тим, и вопрос был настолько нелепым, что Нелл рассмеялась.

Его и вправду трясли за плечо, только это была не мама. Это был кормчий, склонившийся низко над

Тимом. Мальчик спросонья едва не чихнул — так сильно от кормчего пахло потом и перегноем. И было вовсе не утро. Наоборот: солнце уже клонилось к закату, его красный свет едва пробивался сквозь густое сплетение ветвей каких-то странных, искривленных деревьев, росших прямо из воды. Тим не знал, как называются эти деревья, но он знал деревья, что росли на берегу, к которому причалила лодка. Это были железные деревья — настоящие гиганты. Вокруг их стволов расстился плотный ковер из оранжевых и золотистых цветов. Тим подумал, что мама пришла бы в восторг при виде такой красоты, и тут же вспомнил, что мама теперь ничего не видит.

Они добрались до конца Фагонарда. Впереди простирался уже настоящий дремучий лес.

Кормчий помог Тиму выйти из лодки, двое гребцов передали ему корзину и бурдюк с водой. Когда все пожитки были сложены на землю — уже настоящую твердую землю, которая не дрожала и не хлюпала под ногами, — кормчий сделал знак Тиму, чтобы тот открыл холщовый мешок. Мальчик послушался. Кормчий издал тихий отрывистый писк, и гребцы одобрительно рассмеялись.

Тим достал из мешка кожаный кошелек, в котором лежал металлический диск, и протянул его кормчему. Тот покачал головой и указал пальцем на Тима. Смысл жеста был ясен. Тим потянул за язычок, открывающий шов, и вынул диск из кошелька. Тот был на удивление тяжелым для такой тонкой вещицы и удивительно гладким.

Надо постараться его не ронять, сказал себе Тим. Я вернусь той же дорогой и верну его, как вернул бы посуду или инструменты, позаимствованные у кого-то в деревне. То есть в каком виде взял, в таком и вернул.

Если я сохраню их вещь, то найду их живыми и здоровыми.

Болотные жители выжидающе смотрели на Тима — хотели убедиться, что он помнит, как обращаться с диском. Тим нажал кнопку, выдвигающую рычажок, а потом — вторую. Которая пищала и зажигала красный огонек. На этот раз никто не смеялся и не улюлюкал; то, что происходило сейчас, было делом серьезным. Может быть, делом жизни и смерти. Тим начал медленно поворачиваться на месте, и когда повернулся лицом к узкой тропинке среди деревьев — возможно, когда-то это была настоящая тропа, — красный огонек сменился зеленым, и диск еще раз отрывисто пискнул.

— По-прежнему на север, — сказал Тим. — Эта штука показывает направление даже после заката, да? И если из-за густых веток деревьев не видно ни Старую Звезду, ни Древнюю Матерь?

Кормчий кивнул, потрепал Тима по плечу... а потом наклонился к нему, поцеловал в щеку, быстро и нежно, и тут же отпрянул, словно испугавшись своей собственной дерзости.

— Все хорошо, — заверил Тим. — Я не против.

Кормчий опустился на одно колено. Гребцы выбрались из лодки и тоже опустились на колени. Поднесли кулаки ко лбам и воскликнули:

— *Хайл!*

У Тима зашипало глаза, но он сдержал слезы.

— Встаньте, вассалы... — сказал он. — Если вы себя ими считаете. Встаньте в любви и благодарности.

Они поднялись и забрались обратно в лодку.

Тим поднял над головой металлический диск.

— Я верну его! В целости и сохранности! Обязательно!

Кормчий медленно покачал головой. Он по-прежнему улыбался, и это было действительно страшно. В последний раз взглянув на мальчика с нежностью и любовью, кормчий оттолкнулся шестом от берега, и лодка поплыла прочь от твердой земли, обратно в топкий и зыбкий мир, который был домом болотных людей. Тим стоял и смотрел, как она медленно и величаво разворачивается носом на юг. Гребцы подняли весла, салютуя ему, и он помахал им рукой. Он смотрел им вслед до тех пор, пока лодка не превратилась в призрачную рябь на дорожке огня, проложенной по воде заходящим солнцем. Мальчик смахнул с глаз горячие слезы и все-таки удержался (едва удержался), чтобы не окликнуть своих новых друзей и не позвать их обратно.

Когда лодка скрылась из виду, Тим повесил корзину за спину, бурдюк с водой — на плечо, повернулся в ту сторону, куда указывал диск, и зашагал в чашу леса.

Наступила ночь. Сначала на небе светила луна, но ее тусклый свет едва доходил до земли... а потом луна скрылась за облаками, и лес окутала непроглядная тьма. Тим знал, что здесь *есть* тропинка, но в темноте с нее было очень легко сойти. В первый и во второй раз, когда это случилось, мальчик сумел не налететь на дерево, но в третий раз ему повезло меньше. Тим задумался о Мерлине — вправду ли тот существует — и налетел грудью на ствол железного дерева. Серебряный диск он удержал, но уронил корзину с едой, и все ее содержимое вывалилось наружу.

Теперь придется ползать на карачках и все собирать. И я наверняка не найду и половины, если не собираюсь сидеть здесь до утра...

— Включить свет, путешественник? — спросил женский голос.

Потом Тим скажет себе, что вскрикнул от удивления (ибо нам всем свойственно подправлять свои воспоминания, чтобы они отражали наше лучшее «я»), но если по правде, все было чуть хуже: он завопил от страха, уронил диск, вскочил на ноги и чуть было не побежал сломя голову (и пес с ними, с деревьями, в которые он мог врезаться в темноте), однако разум все же взял верх. Если сейчас побежать, он уже никогда не найдет еду, выпавшую из корзины. И металлический диск, который он обещал сохранить и вернуть в целости и сохранности.

Это он, диск. Это он со мной заговорил.

Мысль совершенно безумная — даже фея ростом с Арманиту не поместится в этой тонкой пластине металла... Хотя вряд ли безумнее мысли о том, чтобы маленький мальчик отправился совершенно один в Бескрайний лес, на поиски мага, который должен был умереть много веков назад? Но даже если он жив, кто поручится, что он не находится где-нибудь далеко, в нескольких тысячах колес к северу, в той части мира, где снега никогда не тают?

Тим поискал взглядом зеленый огонек, но не нашел. Сердце по-прежнему бешено колотилось в груди. Мальчик встал на колени и принялся шарить руками по земле. Вот бутерброд со свиной, завернутой в листья. Вот маленькая корзиночка с ягодами (почти все ягоды выпалились). Вот большая корзина... но диска нет.

В отчаянии он закричал:

— Ты где, забери тебя Нис?

— Здесь, путешественник, — отозвался женский голос. Абсолютно спокойный. Откуда-то слева. Тим повернулся в ту сторону, не вставая с колен.

— Где?

— Здесь, путешественник.

— Не умолкай. Продолжай говорить, хорошо?

Голос послушно заговорил:

— Здесь, путешественник. Здесь, путешественник.

Здесь, путешественник.

Тим протянул руку в направлении голоса, рука наткнулась на гладкий металл. Мальчик поднял диск, перевернул и увидел зеленый огонек. Обливаясь потом, Тим прижал диск к груди и подумал, что ему никогда в жизни не было так страшно — даже когда он понял, что стоит на голове у дракона — и никогда в жизни он не испытывал такого огромного облегчения.

— Здесь, путешественник. Здесь, путешественник. Здесь...

— Я тебя нашел, — сказал Тим, чувствуя себя очень глупо и одновременно совсем не глупо. — Теперь можешь... э... замолчать.

Диск тут же умолк. Минут пять Тим сидел на месте, прислушиваясь к звукам ночного леса — не таким страшным и угрожающим, как в болоте, по крайней мере пока еще нет — и пытаясь взять себя в руки. Наконец он сказал:

— Да, сэй. Лучше бы включить свет.

Диск издал тот же звук, который издавал, когда выдвигал рычажок, и вдруг засиял белым светом, таким ярким, что Тим на мгновение ослеп. Из темноты проступили деревья — повсюду вокруг. Какие-то звери, бесшумно подкрававшиеся совсем близко, с испуганным *тявканьем* отпрянули в сумрак за пределами круга света. Глаза Тима еще не привыкли к яркому освещению, и он не смог разглядеть этих зверей как следует. Кажется, у них была гладкая шерсть и — возможно — закрученные в тугую пружинку хвосты.

Зато Тим разглядел, что давало этот ослепительный яркий свет: из диска поднялся еще один рычажок со светящимся шариком на верхушке. Свет очень напоминал свечение горящего фосфора, только в шарике ничего не горело. Тим совершенно не представлял, как в таком тонком диске смогли поместиться рычажки и фонарики. Впрочем, его это мало интересовало. Его интересовало другое.

— И долго он будет, моя госпожа?

— Ваш вопрос не конкретен, путешественник. Измените формулировку вопроса.

— Сколько времени будет гореть свет?

— Заряд батареи — восемьдесят восемь процентов. Предположительное время работы — семьдесят лет, плюс-минус два года.

Семьдесят лет, подумал Тим. *Этого мне точно хватит.*

Он принялся собирать выпавшую еду и укладывать ее обратно в корзину.

Теперь, когда у Тима появился свет, идти стало легче. Тропинка проглядывала очень четко, намного яснее, чем на границе с болотом. Правда, она постоянно шла в гору, и ближе к полуночи (если Тим правильно определил время) он совершенно выбился из сил, хотя хорошо выспался в лодке. Неестественная, томительная жара продолжалась, и это, конечно же, добавляло усталости. Как и тяжелая ноша — корзина с едой и бурдюк с водой. Наконец Тим уселся на землю, положил диск рядом с собой, открыл корзину и достал бутерброд. Вкусотища необыкновенная! Сразу же захотелось съесть еще один, но мальчик напомнил себе, что еду надо расходовать экономно, ведь он же не знает, сколько еще пробудет в лесу. Также ему при-

шло в голову, что яркий свет диска виден издалека и может привлечь внимание кого угодно, в том числе и существ не совсем дружелюбных.

— Можно выключить свет, леди?

Тим не был уверен, что его послушаются — за последние четыре-пять часов он несколько раз пытался заговорить с диском, но тот ему не отвечал, — однако свет тут же погас, и все погрузилось в крошечную тьму. У Тима сразу возникло неприятное ощущение, что повсюду вокруг затаились лесные хищники: кабаны, волки, варты, может быть, даже пара живоготов. Ему казалось, он чувствует их незримое присутствие, и мальчик с трудом поборол желание попросить диск опять включить свет.

Железные деревья в этой части леса, похоже, знали, что, несмотря на неестественную жару, уже настала Широкая Земля, и принялись сбрасывать листву, как и пристало деревьям перед наступлением холодов. Тим сгреб в кучу опавшие листья и устроил себе постель.

Наверное, я чекалдыкнулся. Так в Древесной деревне говорили о тех, кто помутился рассудком. Но Тим *не чувствовал* себя чекалдыкнутым. Он был сыт и доволен, хотя и тревожился за своих новых друзей, жителей Фагонарда.

— Я собираюсь немного поспать, — сказал он. — Если кто-то ко мне подойдет, вы меня разбудите, сэй?

На этот раз диск ответил, но Тим не понял ответа:

— Директива девятнадцать.

Это после восемнадцати и перед двадцатью, сказал себе Тим и закрыл глаза. Он еще хотел спросить у бестелесного женского голоса, разговаривала ли она с болотными людьми, но почти сразу провалился в сон.

Тим Росс крепко спал в чаше Бескрайнего леса, но сам лес бурлил ночной жизнью. Призрак в машине, сложный разум устройства с обозначением «Северный центр позитроники: Портативный модуль-проводник ДАРИЯ, NCP-1436345-AN», отмечал приближение лесных существ, но оставался безмолвным, не ощущая опасности. Тим спал спокойно.

Трокены — всего шесть зверьков — собрались вокруг спящего мальчика широким полукругом. Какое-то время они наблюдали за ним умными внимательными глазами с золотым ободком, а потом все как один повернулись на север, вытянув мордочки кверху.

Над крайними северными областями Срединного мира, там, где снега никогда не тают и никогда не бывает Новой Земли, начал формироваться великий смерч, вбивавший в себя массы чересчур теплого воздуха, приходящие с юга. Смерч дышал, словно гигантские легкие, всасывая в себя снизу влажный студенный воздух, и вращался все быстрее и быстрее, создавая самоподдерживающийся энергетический насос. Вскоре внешний край смерча соприкоснулся с Тропой Луча, которую портативный модуль-проводник ДАРИЯ прочитывал электронно, а Тим Росс видел в образе узкой, едва различимой тропинки, идущей сквозь лес.

Луч попробовал бурю, нашел ее «вкусной» и вобрал в себя всю. Стыловой двинулся на юг. Поначалу неспешно, а потом все быстрее и быстрее.

Тим проснулся от пения птиц и сел, протирая глаза. В первый миг он не понял, где находится, но потом увидел большую плетеную корзину и колонны зеленоватого солнечного света, сочившегося сквозь густую листву железных деревьев, — и все встало на свои ме-

ста. Мальчик поднялся и уже собирался сойти с тропинки, чтобы справить малую нужду, но помедлил, заметив следы на земле. Следов было много, и предполагались они вокруг того места, где он спал. Интересно, подумал Тим, кто приходил сюда ночью.

Какие-то звери на четырех лапах.

Размером меньше волков. И это все, что мне надо знать.

Он расстегнул ширинку и сделал свои дела. Потом проверил корзину с едой (странно, что ночные гости на нее не польстились), попил воды из бурдюка и взял в руки серебряный диск. Его взгляд упал на третью кнопку. В голове зазвучал голос вдовы Смэк, который советовал не нажимать эту кнопку — мол, от добра добра не ищут, — но Тим решил пренебречь этим советом. Если бы он следовал добрым советам, он бы здесь не оказался. И мама, наверное, не ослепла бы... но Большой Келлс все равно остался бы его отчимом. Тим подумал, что в жизни так всегда и бывает: где-то найдешь, где-то потеряешь.

Очень надеясь, что диск не взорвется в его руках, Тим нажал третью кнопку.

— Здравствуйте, путешественник, — сказал женский голос.

Тим тоже сказал «здравствуйте», но голос продолжал говорить, не обращая внимания на его приветствие:

— Спасибо, что воспользовались услугами ДАРИИ, автоматического проводника от Северного центра позитроники. Сейчас вы находитесь на луче Кота, также известном как луч Льва или луч Тигра. Данный луч продолжается лучом Птицы, также известным как луч Орла, луч Сокола или луч Ястреба. Все сущее служит Лучу!

— Да, так говорят, — согласился Тим. От удивления он даже не замечал, что говорит вслух. — Хотя никто не знает, что это значит.

— Вы покинули промежуточный пункт номер девять, расположенный на болоте Фагонард. На болоте Фагонард нет Догана, но есть зарядная станция. Если вам нужно попасть на зарядную станцию, скажите *да*, и я рассчитаю маршрут. Если вам не нужна зарядная станция, скажите *продолжить*.

— Продолжить, — сказал Тим. — Леди... Дария... Я ищу Мерлина...

Она перебила его:

— Следующий Доган на текущем маршруте располагается в Северном лесу Киннок, также известном как Северное гнездовье. Зарядная станция в Северном лесу Киннок отключена от сети. Возмущения Луча предполагают наличие магии в данном районе. Также в данном районе может присутствовать измененная форма жизни. Рекомендуется обойти данный участок. Если желаете выбрать обходной путь, скажите *обход*, и я рассчитаю маршрут с необходимыми изменениями. Если желаете посетить Доган в Северном лесу Киннок, также известном как Северное гнездовье, скажите *продолжить*.

Тим задумался. Если Дария предлагает идти в обход, значит, это место — Доган — может быть опасным. С другой стороны, разве не магию он сейчас ищет? Магию или чудо? И он уже стоял на голове у дракона. Неужели Доган в Северном лесу Киннок будет опаснее живого дракона?

Хотя вполне может быть. И гораздо опаснее, рассудил Тим... но у него с собой папин топор, и папина счастливая монетка, и четырехзарядный пистолет. Который стреляет и уже пролил кровь.

— Продолжить, — сказал он.

— Расстояние до Северного леса Киннок составляет пятьдесят миль, или сорок пять целых и сорок пять сотых колес. Рельеф местности средней сложности. Погодные условия...

Дария на миг умолкла. Раздался громкий щелчок, а потом:

— Директива девятнадцать.

— Что такое директива девятнадцать, Дария?

— Для отмены директивы девятнадцать скажите пароль. Может потребоваться произнести пароль по буквам.

— Я не понимаю, что это значит.

— Вы уверены, что не хотите пойти в обход, путешественник? Я регистрирую сильные возмущения Луча, что является признаком мощной магии.

— Это белая магия или черная? — спросил Тим, постаравшись сформулировать вопрос так, чтобы диск его понял. На самом деле он хотел спросить: *Это Мерлин или тот человек, из-за которого у нас с мамой случилась такая беда?*

Не дождавшись ответа за десять секунд, Тим уже начал думать, что ответа не будет вообще... или Дария повторит свою *директиву девятнадцать*, что вполне равнозначно отсутствию ответа. Но Дария все же ответила, пусть даже ее слова ничего не прояснили.

— И та и другая, — сказала она.

Тропинка по-прежнему шла в гору, изнуряющая жара продолжалась. К полудню Тим совершенно выбился из сил и страшно проголодался. Несколько раз он пытался завести разговор с Дарией, но та ему не отвечала. Нажимать на третью кнопку тоже было бесполезно, хотя в качестве проводника диск работал

исправно — когда Тим специально сходил с тропинки, уводящей все глубже в лес (и все выше по склону), зеленый огонек сменялся красным. Как только Тим возвращался на тропинку, на диске вновь загорался зеленый огонек.

Тим съел один бутерброд и решил немного вздремнуть. Проснулся он уже под вечер. В лесу сделалось чуть прохладнее. Тим забросил за спину корзину (теперь она стала легче), повесил на плечо бурдюк с водой и зашагал вперед. Быстро смеркалось. Но Тим больше не боялся наступления ночи. Во-первых, одну ночь в лесу он уже пережил. А во-вторых, когда он попросил Дарию включить свет, она мгновенно исполнила его просьбу. И после жаркого дня было даже приятно идти по вечерней прохладе.

Тим шел много часов, прежде чем снова начал уставать. Он как раз собирал опавшие листья, чтобы устроить себе постель, как вдруг Дария заговорила:

— Если пройти чуть вперед, у вас будет возможность увидеть кое-что интересное, путешественник. Если хотите воспользоваться данной возможностью, скажите *продолжить*. Если не хотите, скажите *нет*.

Тим уже поставил корзину на землю, но ему сделалось любопытно, и он поднял корзину и вновь забросил ее за спину.

— Продолжить.

Яркое свечение диска погасло, но когда глаза Тима привыкли к темноте, он разглядел впереди свет. Лунный свет. Однако он был значительно ярче того, что едва пробивался сквозь ветви деревьев, нависающие над тропинкой.

— Следуйте указаниям зеленого датчика навигационной системы, — сказала Дария. — Старайтесь не поднимать шума. Нужное вам место располагается на

расстоянии в одну милю, или ноль целых восемь десятых колеса, от вашего теперешнего местонахождения.

Дария издала тихий шелчок и умолкла.

Тим старался ступать как можно тише, но ему самому казалось, что он поднимает ужасный шум. Хотя, возможно, это было не так уж и важно. Тропинка вывела мальчика на поляну — на первую поляну, которая попалась ему на пути с тех пор, как он вошел в лес, — и существа, занимавшие эту поляну, не обратили на Тима вообще никакого внимания.

На стволе упавшего железного дерева сидели рядом, задрав мордочки к небу, шесть ушастиков-путаников. В ярком свете луны их глаза сверкали, как самоцветы. В те времена трокены почти не встречались в окрестностях Древесной деревни, и увидеть хотя бы одного считалось великой удачей. Сам Тим не видел их ни разу. Некоторые его друзья утверждали, что видели, как ушастики играют в полях или в роще древоцветов, но Тим был уверен, что это враки. И вот теперь... шесть ушастиков сразу..

Мальчик подумал, что они гораздо красивее, чем предательница Арманита, потому что их волшебство — это обычное волшебство самой жизни. *Это они приходили ко мне прошлой ночью. Я точно знаю, что это они.*

Медленно, словно во сне, он приблизился к трокенам, зная, что может спугнуть их, и все же не в силах стоять на месте. Они не убежали, даже не шелохнулись. Тим протянул руку к одному из зверьков, не обращая внимания на унылый голос у себя в голове (похожий на голос вдовы Смэк), утверждавший, что его непременно укусят.

Ушастик не укусил Тима, но, как только почувствовал его пальцы на своей густой шерстке под подбородком, встрепенулся, как будто проснувшись. Зверек спрыгнул с бревна, а следом за ним — и все остальные. Они принялись бегать вокруг Тима, тычась друг в друга мордочками и издавая высокие звуки, похожие на собачий лай, такие забавные, что Тим просто не мог не рассмеяться.

Один из ушастиков обернулся к нему через плечо... и, кажется, повторил звук его смеха.

Зверьки отбежали от Тима и собрались в центре поляны. Они как будто водили веселый хоровод под лунным светом, их бледные тени плясали в траве. А потом зверьки разом замерли на месте, поднялись на задние лапки, а передние вытянули вперед. Теперь они напоминали маленьких пушистых человечков. Под холодной улыбкой молодой луны они все повернулись на север, строго по Тропе Луча.

— Вы замечательные! — крикнул Тим.

Они повернулись к нему.

— Ательные! — явственно произнес один из них... а потом ушастики дружно сорвались с места и скрылись среди деревьев на краю поляны. Все случилось так быстро, что Тим даже подумал: а вдруг ему это почудилось? Он сам почти в это поверил.

Почти.

В ту ночь он лег спать на поляне, надеясь, что ушастики вернутся. И уже засыпая, вдруг вспомнил, что вдова Смэк говорила о странной, жаркой не по сезону погоде.

Может быть, это и ничего... разве что ты вдруг увидишь, как сэр трокен пляшет при свете звезд или смотрит на север, задрав мордочку кверху.

А он видел не одного сэра трокена, а целых шесть. И все они делали и то и другое.

Тим сел на постели из листьев. Вдова говорила, что это — верные признаки приближающегося... как же оно называлось? Стужаду? Близко, но все же не то...

— Стыловей, — произнес он вслух. — Вот как оно называется.

— Стыловей, — сказала Дария, напугав Тима так, что весь сон как рукой сняло. — Ураганный ветер огромной силы. Сопровождается внезапным и резким понижением температуры воздуха. В цивилизованной части мира стыловей приводит к сильным разрушениям и большому количеству человеческих жертв. В регионах с примитивным развитием может полностью уничтожить целые племена. Данное определение *стыловей* предоставлено информационным бюро Северного центра позитроники.

Тим снова улегся на свою постель из листьев, заложил руки за голову и стал смотреть на ночное небо, усыпанное яркими звездами. Стало быть, Северный центр позитроники. Что ж... может быть. Но Тим подозревал, что Дария все говорит от себя лично. Дария — удивительная машина (хотя Тим не был уверен в том, что она *только* машина), и все же есть кое-что, о чем ей запрещено ему рассказывать. Возможно, на что-то она *намекала* — на что-то такое, чего не могла сказать прямо. Тиму вдруг пришло в голову: а что, если она завлекает его в ловушку, как это сделали сборщик налогов и Арманита? Да, такое возможно, и все же Тим в это не верил. Он подумал — возможно, лишь потому, что был всего-навсего глупым и неразумным ребенком, готовым поверить во что угодно, — что, по всей вероятности, долгое время ей было вообще не с кем

поговорить, и теперь она радуется, что у нее появился собеседник, и, может быть, даже питает к нему симпатию. Но одно Тим знал точно: если приближается сильная буря, ему нужно как можно быстрее закончить со своим делом и найти безопасное укрытие. Вот только где искать это укрытие?

Это навело его на размышления о племени болотных людей в Фагонарде. У них нет никакого укрытия, и они знают о буре... ведь они показали ему пантомимой ушастиков-пугаников. Тим обещал себе, что узнает, если увидит то, что болотные люди пытались ему показать, и он узнал. Приближается буря — стыловой. Племя из Фагонарда об этом знало — возможно, как раз от ушастиков. И еще они знали, что стыловой их погубит.

Тим решил, что с такими мыслями ему не заснуть до утра, но спустя пять минут он уже крепко спал.

Ему снились трокены, пляшущие в лунном свете.

Он начал думать о Дарии как о спутнице и товарище, хотя разговаривала она мало, и Тим далеко не всегда понимал, почему она вдруг заводила тот или иной разговор (и о чем, Нис ее побери, она толковала). Однажды она выдала длинный ряд чисел. Однажды сказала, что «нет сети» и что ей нужно «поймать спутниковый сигнал», и предложила Тиму остановиться. Он послушался, и целых полчаса серебряный диск не проявлял вообще никаких признаков жизни — не было ни голоса, ни огоньков. Когда мальчик уже начал думать, что диск окончательно умер, на верхней крышке снова зажегся зеленый огонек, рычажок выдвинулся наружу, и Дария объявила:

— Связь со спутником восстановлена.

— Поздравляю, — ответил Тим.

Несколько раз она предлагала ему рассчитать маршрут обходного пути. Но Тим упорно отказывался. Однажды, под конец второго дня пути от Фагонарда, Дария прочитала отрывок из стихотворения:

Ясный, как солнце, взгляд у орла,
Держат все небо два мощных крыла,
Орел видит землю, и видит моря,
И даже такого мальчишку, как я.

Тим подумал, что даже если он доживет до ста лет (впрочем, с учетом его теперешнего совершенно безумного предприятия это было весьма и весьма сомнительно), все равно никогда не забудет то, что видел за эти три дня похода с Дарией в Бескрайнем лесу по непрестанной жаре. Еле заметная поначалу тропинка теперь превратилась в достаточно широкую дорожку, вдоль которой — на одном из участков длиной в несколько колес — с обеих сторон тянулись полуразрушенные каменные стены. Однажды в небе над этой дорожкой возникла огромная стая из тысяч и тысяч больших красных птиц, летевших на юг. Тим наблюдал за ними, наверное, около часа. *Если это перелетные птицы, они скорее всего летят в какое-то место в Бескрайнем лесу*, рассудил Тим. Потому что в Древесной деревне таких птиц никто никогда не видел. Однажды дорожку перешли четыре крошечных синих оленя ростом не больше двух футов. Похоже, они не заметили изумленного мальчика, который стоял раскрыв рот и смотрел на них во все глаза. В другой раз дорожка вывела Тима к окраине поля гигантских ярко-желтых грибов высотой около четырех футов. Их шляпки были размером с раскрытый зонт.

— Они съедобные, Дария? — спросил Тим. Запасы еды в корзине уже подходили к концу. — Их можно есть?

— Нет, путешественник, — отозвалась Дария. — Они ядовитые. К ним даже нельзя прикасаться. Если споры этих грибов попадают на кожу, человек умирает в судорогах. Советую быть осторожным, очень осторожным.

Тим последовал ее совету. Он даже задержал дыхание, пока не прошел мимо этого поля с предательской солнечной смертью.

Под конец третьего дня Тим вышел на край узкого ущелья глубиной в тысячу футов, если не больше. Дна видно не было — его покрывал плотный ковер белых цветов, росших так густо, что поначалу Тим принял их за облако, упавшее на землю. Аромат, поднимавшийся снизу, был восхитительно сладок. Каменный мост, перекинутый через пропасть, на той стороне проходил прямо сквозь водопад, который казался кроваво-красным в лучах заходящего солнца.

— Мне надо туда? На ту сторону? — спросил Тим упавшим голосом. Мост был не шире потолочной балки... и очень тонкий, особенно в середине.

Дария ничего не сказала, но зеленый огонек на диске уже сам по себе был ответом.

— Может быть, утром, — сказал Тим вслух. Он знал, что не сможет заснуть, будет мучиться мыслями о предстоящем переходе. И все-таки не хотел рисковать и идти по мосту сейчас, когда уже начинало смеркаться. При одной только мысли о том, что последнюю часть пути по мосту придется идти в темноте, у мальчика все холодело внутри.

— Советую перейти на ту сторону прямо сейчас, — сказала Дария. — И идти дальше, к Догану в Северном

лесу Киннок, как можно быстрее. Обходного пути уже нет.

Глядя на пропасть и на узенький мост, Тим и сам знал — без подсказки от диска, — что обходного пути уже нет. И все же...

— Почему нельзя подождать до утра? Ведь при свете идти безопаснее.

— Директива девятнадцать. — Диск издал громкий щелчок. Раньше он никогда не щелкал так громко. А потом Дария проговорила: — Но я советую поторопиться, Тим.

Он уже давно просил Дарию называть его Тимом, а не *путешественником*. И вот сейчас она в первый раз обратилась к нему по имени, и это его убедило. Тим решил бросить корзину, которую ему дали болотные люди. Корзину было, конечно, жалко, но мальчик подумал, что она может ему помешать сохранять равновесие. Два оставшихся бутерброда он сунул за пазуху, перекинул бурдюк с водой за спину и проверил, хорошо ли держатся за поясом пистолет и папин топор. Встал у начала моста, глянул вниз на ковер белых цветов и увидел, что там, внизу, уже сгущаются вечерние сумерки. Тим очень живо представил: вот он делает тот самый неверный шаг-которого-не-избежать-потому-что-он-уже-сделан, бешено машет руками в тщетной попытке удержать равновесие, чувствует, как его ноги срываются с каменного моста и молотят воздух, слышит свой собственный крик. А затем падает вниз. У него будет еще несколько мгновений, чтобы пожалеть о жизни, которую ему не придется прожить, а потом...

— Дария, — проговорил он еле слышно, — а мне обязательно переходить на ту сторону?

Ответа он не получил, что само по себе уже было ответом. Тим ступил на мост над пропастью.

Его каблуки громко стучали по камню. Тим не хотел смотреть вниз, но у него не было выбора: если не видеть, куда наступаешь, тогда тебе точно конец. В самом начале мост был шириной с хорошо утоптанную тропинку, но ближе к середине — как Тим и боялся, хотя до последнего тешил себя надеждой, что это всего лишь обман зрения — сузился до ширины стопы. Тим попробовал вытянуть руки в стороны, думал, так будет легче идти. Но ветер раздувал его рубашку, и мальчик чувствовал себя воздушным змеем, готовым взлететь. Руки пришлось опустить. Тим шел вперед, переставляя ноги по одной линии — пятка к носку, пятка к носку — и легонько раскачиваясь из стороны в сторону. Он был уверен, что его сердце, бешено колотившееся в груди, отсчитывает последние удары, а разум судорожно додумывает последние мысли.

И мама никогда не узнает, что со мной стало.

Точно посередине моста было самое узкое и самое тонкое место. Тим чувствовал, как дрожат камни у него под ногами, слышал, как свистит ветер под нижней частью изношенного моста. Теперь, делая шаг, мальчику приходилось переносить ногу над пустотой.

Главное, не останавливаться, говорил он себе. Если он остановится хотя бы на миг, ему уже просто не хватит сил сделать следующий шаг. А потом краем глаза Тим заметил какое-то движение внизу и все-таки *остановился.*

Из цветов поднимались длинные кожистые щупальца. Темно-серые сверху, а снизу розовые, как обожженная кожа. Они тянулись к Тиму в зыбком дрожащем танце: сначала два щупальца, потом четыре, восемь, двадцать, и вот уже — целый лес.

— Я советую поторопиться, Тим, — повторила Дария.

Тим заставил себя сделать шаг. Поначалу он шел очень медленно, но с каждым шагом все быстрее и быстрее — щупальца приближались к мосту. Тим не знал, что за чудовище скрывается под цветочным ковром. Он говорил себе, что не надо паниковать. Нет на свете таких чудовищ, которые могут протягивать щупальца на расстояние в тысячу футов... но когда мальчик увидел, что щупальца растянулись и поднялись еще выше, он прибавил шагу. А когда самое длинное щупальце ткнулось в мост снизу и принялось заползать наверх, Тим побежал со всех ног.

Впереди грохотал водопад — уже не кроваво-красный, а блекло-розовый с оранжевым отливом. Холодные брызги летели в разгоряченное лицо Тима. Он почувствовал, как что-то коснулось его ботинка, рванулся вперед из последних сил и с криком влетел в ревущую стену воды. На мгновение его охватил обжигающий холод — облек его тело, как перчатка облекает руку, — но уже в следующий миг Тим оказался на той стороне водопада. Снова на твердой земле.

Одно из щупалец тоже пробралось сквозь воду. Поднялось, как змея, готовящаяся к броску... а затем убралось восвояси.

— Дария, ты как?

— Я водонепроницаемая, — ответила Дария с выражением, подозрительно похожим на самодовольство.

Тим огляделся. Оказалось, что он попал в маленькую пещеру, вырубленную в скале. Мальчик заметил надпись на стене. Наверное, когда-то она была сделана красной краской, но за годы (а может, и за столетия) краска выцвела до грязно-ржавого цвета. Сама надпись была загадочной и непонятной:

ОТ ИОАННА. 3:16
БОЙСЯ АДА УПАВАЙ НА НИБИСА
ЧЕЛОВЕК-ИИСУС

Еще Тим увидел короткую каменную лестницу, залитую гаснувшим светом заката. С одной стороны от нее возвышалась огромная куча мусора. Пустые жестянки и обломки каких-то механизмов: пружины, спутанные провода, осколки стекла и обломки зеленых досок, покрытые тонкими металлическими загогулинами. С другой стороны сидел улыбающийся скелет, прижимавший к груди походную флягу. *Привет, Тим!* — кажется, говорила эта улыбка. *Добро пожаловать на край света! Не желаешь стаканчик праха? У меня его много!*

Тим поднялся по лестнице. Мимо мертвеца он пронесся бегом. Мальчик знал, что скелет не оживет и не попытается схватить его за ногу, как пытались те щупальца, возникшие из цветов. Мертвые — это мертвые. И все-таки Тим побежал; решил, что так безопаснее.

На выходе из пещеры он увидел тропинку, вновь уводящую в лес. Но с того места, где сейчас стоял мальчик, было хорошо видно, что чуть выше по склону — на самой вершине горы, куда Тим поднимался почти три дня — лес расступается. И там, посреди большой поляны (значительно больше той, где плясали ушастики), стоит высокая башня из металлических балок с мигающим красным огоньком на верхушке.

— Вы почти у цели, — сказала Дария. — До Догана в Северном лесу Киннок осталось ровно три колеса. — Снова раздался громкий щелчок. — Быстрее, Тим. Сейчас действительно надо поторопиться.

Пока Тим стоял и смотрел на башню с мигающим огоньком, вновь поднялся ветер, так пугавший маль-

чика на мосту. Только на этот раз ветер был очень холодным. Тим взглянул вверх. Облака, еще недавно медленно плывшие на юг, теперь мчались по небу.

— Это стыловей, да? Он приближается?

Дария ничего не ответила, но Тиму все было ясно и так.

Он побежал со всех ног.

К тому времени, когда Тим добрался до поляны, он совсем запыхался и уже не бежал, а шел быстрым шагом, хотя понимал, что надо бы поторопиться. Однако бежать просто не было сил. Ветер становился все сильнее. Ветви железных деревьев шелестели над головой, и казалось, деревья о чем-то шепчутся друг с другом. Было по-прежнему тепло, но Тим понимал, что это уже ненадолго. Нужно как можно скорее найти укрытие. Мальчик очень надеялся, что в этом месте, в Догане, есть где укрыться.

Но когда он вошел на поляну, то даже и не взглянул на круглое, с металлической крышей здание, стоявшее у подножия ажурной башни с мигающим огоньком на верхушке. Он увидел кое-что другое... и замер на месте как вкопанный.

Это не сон? Я действительно это вижу?

— Боги, — прошептал он.

Выходя на поляну, лесная тропинка превращалась в дорожку, вымощенную плитами из какого-то темного материала, такого гладкого, что в нем, словно в зеркале, отражались и ветви деревьев, плясавшие на ветру, и мчавшиеся по небу облака. Дорожка вела к самому краю обрыва. Казалось, что в этом месте кончается мир — и начинается вновь, далеко-далеко, на расстоянии в сотню колес, если не больше. А между этими двумя мирами лежала громадная пропасть, за-

полненная порывами ветра и листьями, пляшущими на ветру. Были там и буроржавки. Они беспомощно трепыхались в воздухе, не в силах бороться с вихревыми потоками. Некоторые были явно мертвы — крошечные бездыханные тельца с оторванными крыльями.

Но Тим едва ли заметил пропасть и гибнущих птиц. Слева от металлической дорожки, буквально в трех шагах от того места, где мир обрывался в ничто, была круглая клетка, сделанная из стальных прутьев. А на земле перед клеткой стояло вверх дном старое жестяное ведро, которое Тим узнал сразу.

В клетке был гигантский тигр. Он медленно ходил вокруг дыры, расположенной в центре.

Увидев мальчика, застывшего с изумленно разинутым ртом, тигр приблизился к прутьям. Глаза у него были размером с шары для крокета, только не синие, а ярко-зеленые. Шерсть — темно-оранжевая, с черными, как сама полночь, полосками. Зверь наострил уши, сморщил нос, отчего верхняя губа приподнялась, обнажив длинные белые зубы, и зарычал. Звук был тихим и мягким, как будто шелковую рубашку медленно разорвали по шву. Это могло быть приветствие... хотя Тим почему-то сомневался.

У тигра был серебряный ошейник, на котором висели два странных предмета. Что-то похожее на игральную карту и ключ необычной искривленной формы.

Тим не знал, сколько времени он простоял, завороченно глядя в эти сказочные изумрудные глаза — и сколько простоял бы еще, — но глухие раскаты взрывов, прогремевших вдалеке, вернули его к реальности.

— Что это?

— Деревья на той стороне Большого каньона, — ответила Дария. — Взрываются из-за резкого, сверхстремительного понижения температуры воздуха. Надо искать укрытие, Тим.

Стыловой — что же еще?

— Сколько у меня времени?

— Меньше часа. — Вновь раздался громкий щелчок. — Возможно, мне придется отключиться.

— Нет!

— Я нарушила директиву девятнадцать. В свое оправдание могу сказать только одно: у меня очень долгое время не было никого, с кем можно было бы поговорить.

Снова щелчок. А потом — странный треск. Очень тревожный и очень зловещий.

— А этот тигр? Он — Страж Луча? — Как только Тим произнес это вслух, его сердце наполнилось ужасом. — Я не могу бросить Стража Луча умирать под стыловеем!

— Страж на этом конце Луча — Аслан, — сказала Дария. — Лев Аслан, и если он еще жив, то находится далеко отсюда, в стране бесконечных снегов. Этот тигр... *Директива девятнадцать!* — Снова раздался треск. Дария опять нарушила директиву, и Тим даже не представлял, какой ценой. — Этот тигр — та магия, о которой я говорила. Но забудь про него. *Ищи укрытие! Удачи, Тим. Ты был моим дру...*

На этот раз был уже не щелчок и не треск, а громкий и страшный хруст. Диск задымился, и зеленый огонек погас.

— Дария!

Ничего.

— *Дария, вернись!*

Но Дарии больше с ним не было.

Канонада взрывов гибнущих деревьев пока что гремела еще далеко — на той стороне облачной щели, разрывающей мир пополам, — но было ясно, что грохот приближается. Ветер крепчал и становился все холоднее. Последняя партия облаков стремительно уносилась на юг, открывая до ужаса ясное, густо-фиолетовое небо, на котором уже начали появляться первые звезды. Шелест деревьев, окружавших поляну, напоминал теперь горестное причитание. Как будто железные деревья знали, что их долгие-долгие жизни подходят к концу. Великий лесоруб уже приближался, размахивая топором, сделанным из ледяной бури.

Тим еще раз взглянул на тигра (тот возобновил свое медленное кружение по клетке, больше не обращая внимания на мальчика, как будто тот и не стоил внимания) и побежал к Догану. Маленькие круглые окна из настоящего стекла — с виду очень толстого — опоясывали круглое здание и располагались примерно на уровне головы Тима. Дверь была металлической, как и вся постройка. На ней не было ни ручки, ни щеколды, ни замочной скважины — только какая-то узкая прорезь, над которой располагалась ржавая стальная пластина с надписью:

**Северный центр позитроники
Северный лес Кииннок
Сектор Изгиба**

Аванпост 9

**Низкий уровень секретности
Используйте карточку-ключ**

Тим с трудом прочитал надпись, потому что она была сделана на странной смеси Высокого Слога и

низкого наречия. И слова тоже были какие-то непонятные. Зато мальчик легко разобрал слова, криво написанные от руки под сообщением на табличке: **Здесь все мертвы.**

Под дверью стояла коробка, похожая на мамину шкатулку, в которой хранились всякие мелочи и памятные безделушки, только не деревянная, а металлическая. Тим попытался ее открыть, но коробка была заперта. На крышке были выгравированы какие-то буквы, которых Тим не знал. Мальчик увидел замочную скважину странной формы — в виде буквы **†***, — но ключа не было. Тим попытался поднять коробку, но у него ничего не вышло. Та как будто приросла к земле рядом с верхушкой зарытого в землю каменного столба.

Тельце мертвой буроржавки задело Тима по виску. Мимо пролетело еще несколько маленьких оперенных трупиков, кувыркавшихся на ветру. Некоторые ударились о стену Догана и упали к ногам Тима.

Тим еще раз прочел последние слова на стальной табличке: «ИСПОЛЬЗУЙТЕ КАРТОЧКУ-КЛЮЧ». Если у него и были сомнения в том, что это такое, ему достаточно было взглянуть на прорезь, располагавшуюся под табличкой. Тим подумал, что, кажется, знает, как выглядит эта «карточка-ключ», потому что он только что видел ее, вместе с другим, более узнаваемым ключом, который, возможно, подходит к **†**-образной замочной скважине на металлической коробке. Два ключа — два вероятных пути к спасению — висели на шее у тигра, способного проглотить Тима если не целиком, то уж точно за три укуса. Но скорее за два.

* На низком наречии эта буква соответствует звуку «С». — *Примеч. авт.*

Если принять во внимание, что в клетке у тигра, кажется, не было никакой еды.

Все это было похоже на злую шутку, которую может найти забавной только очень жестокий человек. Например, человек, подсылающий злых фей, чтобы те заманивали мальчишек в опасное болото.

Что ему делать? И *можно ли* тут что-то сделать? Тим хотел бы спросить у Дарии, но боялся, что его подруга из серебряного диска — его добрая фея, в противоположность злой фее сборщика налогов — уже мертва, убита директивой девятнадцать.

Мальчик медленно подошел к клетке. Теперь ему приходилось идти против ветра, который едва не сдувал его с ног. Тигр увидел Тима, приблизился к двери клетки, наклонил огромную голову и уставился на мальчика сияющими изумрудными глазами. Ветер шевелил густой мех, отчего казалось, что полоски колышутся и сдвигаются.

Жестяное ведро давно должно было укатиться, уносимое ветром, но оно оставалось на месте. Как и стальная коробка у двери, оно как будто приросло к земле.

Ведро, которое он оставил мне у ручья за нашим домом, чтобы я увидел его лживые картинки и поверил им.

Значит, все это обман. Такой затянувшийся анекдот. И под этим ведром Тим найдет его «соль», последнюю ударную фразу — типа «сено лопатой не поворочаешь» или «а потом я ее перевернул и поджарил с другого бока», — после которой ты вроде как должен кататься по полу от смеха. Но если это и вправду конец, то почему бы и нет? Напоследок можно и посмеяться.

Тим поднял ведро. Он был уверен, что под ним будет волшебная палочка сборщика налогов. Но нет.

Шутка была еще лучше. Под ведром лежал ключ. Большой ключ, украшенный резным орнаментом. Как чаша сборщика и ошейник тигра, он был сделан из серебра. На головке ключа висела записка, закрепленная куском бечевки.

Деревья на той стороне ущелья продолжали взрываться. Теперь из пропасти поднимались гигантские облака взвихренной пыли, клубящейся словно дым.

Записка от сборщика налогов была короткой:

Привет тебе, Смелый и Находчивый Мальчик! Добро пожаловать в Северный лес Киннок, когда-то известный, как Врата Внешнего мира. Здесь я оставил тебе страшного и опасного Тигра. Он ОЧЕНЬ голодный! Но, как ты, наверное, уже догадался, Ключ от УКРЫТИЯ висит у него на Шее. Также ты наверняка догадался, что этот Ключ открывает Клетку. Воспользуйся им, если не побоишься! Передай от меня самый теплый привет своей Матушке (чей Новый Муж ОЧЕНЬ СКОРО ее навестит). Твой покорный слуга,

РФ/МБ

Человека (если то был *человек*), написавшего эту записку, мало что могло удивить, однако он бы, наверное, удивился, увидев, что Тим улыбался, когда поднялся на ноги, сжимая в руке ключ от клетки, и пнул жестяное ведро. Оно взвилось в воздух и улетело, подхваченное ветром, который достиг уже почти штормовой силы. Ведро исполнило свою задачу — в нем больше не было никакой магии.

Тим посмотрел на тигра. Тигр смотрел на Тима. Похоже, зверь не понимал, что надвигается буря. Он медленно махал хвостом из стороны в сторону.

— Он думает, я скорее соглашусь, чтобы меня сдуло ветром или заморозило до смерти. Все, что угодно, лишь бы не лезть тебе в когти. Наверное, он не видел вот это. — Тим достал из-за пояса пистолет и показал тигру. — Он спас меня от болотного чудища, и от тебя тоже спасет, уж будь уверен, сэй Тигр.

Тим вновь поразился тому, как надежно и *правильно* пистолет ощущался в его руке. Его работа была так ясна и проста. Пистолет хотел лишь одного: выстрелить. И когда Тим держал четырехзарядник в руке, ему тоже хотелось выстрелить. Очень-очень хотелось.

И все же...

— Нет, все-таки он его видел. — Тим широко улыбнулся. Он почти не почувствовал, как уголки его рта приподнялись вверх, потому что лицо онемело от холода. — Да, он его видел очень хорошо. Думал ли он, что я доберусь досюда? Наверное, нет. Думал ли он, что я тебя застрелю, если все-таки доберусь? Почему нет? *Он* бы точно тебя застрелил. Но зачем ему было посылать мальчишку? Зачем посылать кого-то, когда он сам перевешал, наверное, тысячу человек и перерезал больше сотни глоток, и лишь одни боги знают, скольких бедных несчастных вдов — таких как мама — он пустил по миру? Ты знаешь ответ, сэй Тигр?

Зверь лишь смотрел на него, наклонив голову и медленно махая хвостом.

Тим засунул пистолет обратно за пояс и вставил ключ в замочную скважину на дверце клетки.

— Сэй Тигр, давай заключим договор. Дай мне снять ключ с твоего ошейника, и мы оба спасемся от бури. Но если ты меня съешь, то и сам тоже погибнешь. Ты меня понимаешь? Если да, то дай знак.

Тигр не дал ему знака. Только смотрел на него.

На самом деле Тим и не ждал никакого ответа. Ему вряд ли был нужен ответ. Даст Бог — будет вода.

— Я люблю тебя, мама, — сказал мальчик и повернул ключ. Древний механизм сдвинулся, издав глухой металлический лязг. Тим схватился за прутья решетки и потянул дверцу на себя. Та открылась с пронзительным тонким скрипом. Тим отступил на шаг и встал, держа руки на поясе.

В первый миг тигр недоверчиво замер, а потом вышел из клетки. Они с Тимом пристально смотрели друг на друга под быстро темневшим багровым небом. Ветер выл и ревел, грохот взрывов приближался. Тигр и мальчик наблюдали друг за другом, как два стрелка. Тигр прошел чуть вперед. Тим отступил на шаг и тут же понял, что если сделает еще шаг назад, то не выдержит и побежит. Поэтому он остался на месте.

— Иди давай. Вот он я, Тим, сын Большого Джека Росса.

Вместо того чтобы наброситься на Тима и разорвать в клочья, тигр сел перед ним и поднял голову, выставив напоказ серебряный ошейник с висевшими на нем ключами.

Тим не стал медлить. Вероятно, потом — когда можно будет позволить себе эту роскошь — он сам удивится своей решимости, но сейчас у него просто не было времени, чтобы удивляться. С каждой секундой ветер становился все крепче, и Тим понимал, что надо поторопиться. Если он не сумеет проделать все быстро, его просто сдует и швырнет на деревья, прямо на острые ветки, которые проткнут его насквозь. Тигр был тяжелее, но очень скоро буря сметет и его.

Ключ в виде карты и ключ в виде буквы **†** были припаяны к серебряному ошейнику. К счастью, тот

очень легко расстегивался. Тим надавил на застёжку с боков, и ошейник снялся. Мальчик мельком заметил, что на шее у тигра осталась полоска голой розовой кожи — там, где мех стерся под ошейником, — а потом со всех ног бросился к металлической двери в Доган.

Он вставил ключ-карточку в прорезь. Ничего не произошло. Тим достал карточку, перевернул и вставил другой стороной. По-прежнему ничего. Резкий порыв ветра толкнул мальчика в спину, мертвой холодной рукой впечатал лицом прямо в дверь. Из носа пошла кровь. Тим оттолкнулся от двери, перевернул карточку и попробовал снова. Опять ничего. Тим вдруг вспомнил, что говорила ему Дария... Неужели это было всего лишь три дня назад? *Доган в Северном лесу* *Киннок отключен от сети*. Тогда мальчик не понял, что это значит. Но теперь, кажется, понял. Проблесковый маяк на верхушке металлической башни еще работал, но машины, которые создают искры, приводящие в движение все механизмы Догана, вышли из строя. Тим не побоялся выпустить тигра из клетки, и, может быть, в благодарность за это тигр не стал его есть, но Доган открыть не удалось. И теперь они оба погибнут.

Вот и конец анекдота, и человек в черном смеется — где-то далеко-далеко отсюда.

Обернувшись, Тим увидел, что тигр тычется носом в металлическую коробку с гравировкой на крышке. Зверь поднял голову, взглянул на Тима и опять ткнулся носом в коробку.

— Хорошо, — сказал Тим. — Почему бы и нет?

Он встал на колени перед коробкой, так близко к тигру, что почувствовал теплое дыхание зверя на своей замерзшей щеке. Попробовал вставить изогнутый ключ в -образную замочную скважину. Ключ подо-

шел идеально. Тиму вдруг явственно вспомнилось, как он открывал сундук Большого Келлса — ключом, который дал ему сборщик налогов. Тим прогнал это воспоминание, повернул ключ, услышал шелчок и поднял крышку коробки. Надеясь, что там внутри будет спасение.

Но в коробке лежало всего три предмета, которые вряд ли могли пригодиться Тиму в его теперешнем положении: большое белое перо, маленький флакончик из коричневого стекла и простая хлопчатобумажная салфетка вроде тех, которые в Древесной деревне кладут на длинные столы, выставленные на лужайке за домом общественных собраний к ежегодному пиру на праздник Жатвы.

Ветер уже давно достиг штормовой силы. Теперь его свист среди металлических балок башни был похож на пронзительный визг привидений. Лежавшее в коробке перо взвилось в воздух, но тигр не дал ему улететь: вытянул шею и схватил его зубами. Потом повернулся к мальчику и протянул ему перо. Тим взял его и почти машинально засунул за пояс — с той стороны, где был папин топор. Опустившись на четвереньки, мальчик пополз прочь от Догана. Если тебя сдует ветром и бросит на острую ветку железного дерева — это, конечно, не самая приятная смерть. И все равно это лучше — быстрее, — чем быть расплюснутым по металлической стене Догана и чувствовать, как убийственный ледяной ветер проникает под кожу и замораживает в тебе жизнь.

Тигр зарычал. Опять этот тихий и мягкий звук медленно рвущейся шелковой ткани. Тим хотел обернуться, но не успел. Очередной порыв ветра швырнул его на стену Догана. Удар был таким сильным, что Тим задохнулся. И еще долго не мог вздохнуть — казалось,

что ветер пытается вырвать дыхание у него изо рта и из носа.

Теперь тигр протягивал Тиму салфетку, и когда Тиму наконец удалось набрать в легкие воздух (такой холодный, что от него онемело горло), он увидел нечто удивительное. Сэй Тигр держал салфетку зубами за уголок, и теперь она стала раза в четыре больше, чем была поначалу.

Так не бывает.

Но Тим это видел своими глазами. И если глаза не обманывали — а они жутко слезились, и слезы тут же застывали на щеках ледяной коркой, — то салфетка в пасти у тигра выросла до размеров полотенца. Тим протянул руку, чтобы взять салфетку. Тигр держал ее до тех пор, пока не убедился, что онемевший кулак Тима крепко сжал ткань — и только потом отпустил. Повсюду вокруг пронзительно завывал ветер. Теперь он был таким сильным, что даже огромный тигр весом, наверное, шесть сотен фунтов с трудом удерживался на месте. Однако салфетка, зажатая в руке Тима, спокойно свисала вниз и даже не шевелилась, как будто и не было никакой бури.

Тим посмотрел на тигра. Тот безмятежно глядел на мальчика, явно ни о чем не тревожась и пребывая в ладу и с собой, и с окружающим миром, тонущим в реве бури. Тим подумал, что обычное жестяное ведро показало ему картинки ничуть не хуже, чем серебряная чаша сборщика налогов. *В умелых руках*, сказал тот, *любая вещь может стать волшебной.*

Может быть, даже простой кусок ткани.

А салфетка продолжала расти — она стала чуть ли не вдвое больше. Тим развернул ее еще раз, и полотенце превратилось в скатерть. Мальчик поднял ее перед собой, держа на вытянутых руках, и хотя повсюду во-

круг бушевал ветер, воздух между лицом Тима и натянутой тканью был неподвижным.

И теплым.

Тим встряхнул скатерть, которая изначально была салфеткой, и она вновь развернулась, увеличившись вдвое. Теперь это была уже простыня, и она неподвижно лежала на земле, хотя и над ней, и с обеих сторон от нее летели клубы взвихренной пыли, отломанные ветки деревьев и мертвые буроржавки. Ветер швырял их на стену Догана, и звуки ударов были похожи на град. Тим опустился на четвереньки и уже собирался заползти под простыню, но помедлил и посмотрел на тигра. Прямо в сверкающие изумрудные глаза. Потом посмотрел на острые клыки — которые были видны, даже когда зверь не скалился — и приподнял уголок волшебной ткани.

— Давай забирайся под эту штуку. Там не холодно и нет ветра.

Но ты и так это знаешь, сэй Тигр. Ведь знаешь же, да?

Тигр припал брюхом к земле, выпустил свои великолепные когти и заполз под простыню. Там он немного поерзал, устраиваясь поудобнее. Тим почувствовал, как его руку задело что-то колючее и твердое, словно пучок проволоки: тигрины усы. Мальчик пожегся. А потом тигр улегся бок о бок с Тимом и застыл неподвижно.

Зверь и вправду был очень большим, и половина его туловища так и осталась снаружи, не поместившись под простыню. Тим приподнялся, высунулся наружу — борясь с бушующим ветром, который тут же ударил его по голове и плечам — и еще раз встряхнул простыню. Та пошла рябью и развернулась до размеров большого паруса в речной лодке. Один ее край

теперь почти доходил до подножия клетки, где раньше сидел тигр.

Мир ревел и грохотал, буря неистовствовала снаружи, но под простыней все было тихо. Правда, сердце у Тима стучало так, что его было слышно. А когда мальчик слегка успокоился, он почувствовал ровные, медленные удары еще одного сердца, бившегося у него под боком. И услышал тихое, хриловатое рокотание. Тигр урчал.

— Мы здесь в безопасности, да? — спросил Тим.

Тигр посмотрел на него долгим взглядом и закрыл глаза. Что само по себе уже было ответом.

Пришла ночь, а вместе с ней — и стыловей, во всей своей яростной мощи. Снаружи — за пределами действия сильной магии, казавшейся поначалу обычной салфеткой — все сковало морозом, который принес с собой ветер, набравший скорость больше ста колес в час. Стекланные окна Догана покрылись бельмами наледи в дюйм толщиной. Железные деревья сначала просто взрывались, а потом начали падать. Буря несла их на юг — убийственным облаком из ветвей, острых щепок и целых стволов. Тигр дремал, ничуть не тревожась о том, что происходит снаружи. *Заснув еще крепче*, зверь растянулся под простыней и оттеснил Тима к самому краешку. В какой-то момент мальчик поймал себя на том, что раздраженно пихает тигра локтем, как если бы тот был приятелем, с которым приходится спать в одной постели и который во сне норовит отобрать у тебя все одеяло. Тигр тихонечко зарычал и выпустил когти, но все-таки чуть-чуть подвинулся.

— Спасибо, сэй, — прошептал Тим.

Через час после заката — а может быть, и через два, Тим давно потерял чувство времени — к завываниям

ветра присоединился жуткий, пронзительный скрежет. Тигр открыл глаза. Тим осторожно приподнял краешек простыни и выглянул наружу. Башня над Доганом начала изгибаться под ветром. Тим смотрел как зачарованный: вот изгиб превратился в крен, а затем, в какой-то неуловимый для глаза миг, башня распалась на части. Еще секунду назад она стояла на месте, а уже в следующее мгновение разлетелась стрелами металлических балок и стальных прутьев, подхваченных бурей и брошенных на огромную пустошь, которая буквально пару часов назад была лесом железных деревьев.

Теперь очередь Догана, подумал Тим. Но Доган устоял.

Доган остался на том же месте, где стоял уже тысячу лет.

Тим на всю жизнь запомнил ту ночь, такую невообразимо странную, что он ни разу не смог описать ее словами... или вспомнить в разумной последовательности, как мы вспоминаем обычные события в повседневной жизни. Полное понимание возвращалось лишь в сновидениях, а стыловой снился ему до конца жизни. Но не в кошмарах. Это были хорошие сны. Сны о безопасности.

Под простыней было тепло, и жар, исходящий от спящего тигра, нагревал воздух еще сильнее. Один раз Тим выглянул наружу и увидел миллиарды звезд, рассыпанных по небосводу, — больше, чем мальчик видел за всю свою жизнь. Как будто буря пробила в небе множество мелких дырочек, превратив его в решето. И теперь сквозь эти дырочки проглядывала сверкающая тайна творения во всей своей первозданной красоте. Возможно, подобное зрелище не предназначено

для человеческих глаз, но Тим был уверен, что ему дали особое разрешение это увидеть, потому что он находился сейчас под волшебным покровом, а рядом с ним лежало существо, которое даже самые легковверные жители Древесной деревни посчитали бы сказочным вымыслом.

Тим смотрел на звездное небо со странной смесью благоговейного страха и глубокой, всеохватывающей безмятежности, какую испытывал в раннем детстве, когда просыпался посреди ночи и ему было так хорошо и уютно под теплым одеялом, в своей постели, где он лежал в полусне и слушал, как ветер за окном поет свою одинокую песню о других странах и других жизнях.

Время — это замочная скважина, думал Тим, глядя на звезды. Да, наверное, так и есть. Иногда мы нагибаемся и заглядываем в эту скважину. И ветер, который мы чувствуем у себя на лице — ветер, дующий сквозь замочную скважину, — это дыхание живой вселенной.

Ветер ревел в пустом небе, мороз крепчал, но Тиму Россу было тепло и уютно. И тигр, спящий рядом, больше его не пугал. А потом мальчик тоже заснул. Его сон был глубоким и крепким, безо всяких тревожащих сновидений. Засыпая, Тим чувствовал себя очень маленьким. Ветер подхватил его и пронес сквозь замочную скважину времени. Прочь от края Большого каньона, над Бескрайним лесом и Фагонардом, над Тропой железных деревьев, мимо Древесной деревни — с высоты летящего ветра она казалась не более чем храбрым крошечным скоплением огоньков — и дальше, дальше, к самым дальним пределам Срединного мира, где стояла огромная черная Башня, вонзаясь верхушкой в небо.

Когда-нибудь я приду к ней! Когда-нибудь я приду!

С этой мыслью Тим провалился в сон.

* * *

Утром пронзительный свист ветра слегка поутих и превратился в глухой ровный гул. Тиму ужасно хотелось сходить в туалет, мочевого пузыря был переполнен. Мальчик откинул край простыни и выбрался наружу — на голую землю, с которой буря сдула всю почву, обнажив пласт горных пород. Тим поднялся на ноги и побежал за Доган. Дыхание вырывалось у него изо рта белыми облачками пара, которые тут же сносило ветром. С той стороны Догана ветра не было, но все равно было холодно, очень холодно. Моча буквально дымилась, и к тому времени, когда Тим закончил свои дела, лужица на земле уже начала замерзать.

Он поспешил обратно, борясь с ветром за каждый шаг и дрожа мелкой дрожью. Когда он нырнул под волшебную простыню, в благословенное тепло, у него уже зуб на зуб не попадал. Тим обнял спящего тигра и прижался к нему всем телом, даже не думая о том, что он делает, и испугался всего на мгновение — когда тигр открыл глаза и разинул пасть. Из пасти высунулся язык, длинный, как коврик у двери, и розовый, как роза Новой Земли. А потом тигр лизнул Тима в щеку, и мальчик поежился, но не от страха, а от воспоминаний: как по утрам папа обнимал его и терся щекой о его щеку, прежде чем наполнить таз горячей водой и побриться начисто. Большой Росс говорил, что не будет отращивать бороду, как у его напарника. Говорил, что ему не идет борода.

Тигр опустил голову и принялся обнюхивать ворот рубашки Тима. Тот рассмеялся — усы щекопали шею. А потом вспомнил о двух оставшихся бутербродах.

— Я с тобой поделюсь, — сказал он. — Хотя мы с тобой знаем, что ты мог бы забрать сразу оба, если бы захотел.

Он достал из-за пазухи бутерброды и дал один тигру. Тому это было на один укус, однако тигр довольствовался и такой малостью. Он спокойно смотрел, как Тим ест второй бутерброд. Мальчик постарался съесть его как можно быстрее — на случай если сэй Тигр вдруг передумает. Потом он натянул на голову простыню и снова заснул.

Во второй раз Тим проснулся, наверное, ближе к полудню. Ветер был уже не таким сильным. Мальчик высунул голову наружу и понял, что стало чуть-чуть теплее. И все-таки Тим был уверен, что ложное лето, которому не доверяла — и правильно не доверяла — вдова Смэк, закончилось уже навсегда. Как и последние запасы еды.

— А что ты тут ел? — спросил Тим у тигра, и у него сразу возник еще один вопрос, напрямую вытекавший из первого. — И сколько времени ты сидел в клетке?

Тигр поднялся, сделал несколько шагов в сторону клетки, остановился и потянулся: сначала вытянул одну заднюю лапу, потом другую. Двинулся дальше, дошел до самого края обрыва и сделал там свои дела. Закончив, тигр обнюхал прутья своей прежней тюрьмы, но тут же утратил к ней интерес и вернулся к Тиму, который лежал, приподнявшись на локте, и внимательно за ним наблюдал.

Тигр посмотрел на Тима — как тому показалось, печально, — наклонил голову и сдвинул носом волшебную простыню, укрывшую их обоих от стыловея. Под ней лежала металлическая коробка. Тим не помнил, чтобы он брал коробку с собой в укрытие. Но похоже, что все-таки взял. Если бы она осталась у двери, ее бы точно унесло бурей. Увидев коробку, Тим вспомнил про перо и схватился за пояс. Перо было на

месте. Мальчик взял его в руки и внимательно рассмотрел, проводя пальцами по упругому краешку. Перо было похоже на соколиное... только в два раза больше. И Тим ни разу не видел белого сокола, если такие вообще бывают.

— Оно орлиное, да? — спросил он. — Видит Ган, оно точно *орлиное*!

Тигр не проявлял вообще никакого интереса к перу, хотя вчера вечером позаботился о том, чтобы его не унесло ветром. Он опустил голову, носом подтолкнул коробку к Тиму и посмотрел на него.

Мальчик открыл коробку. Внутри остался только маленький коричневый флакончик, похожий на пузырек с каким-то лекарственным снадобьем. Тим вынул его из коробки и тут же почувствовал легкое покалывание в пальцах, как это было, когда он водил над жестяным ведром волшебной палочкой, оставленной сборщиком налогов.

— Открыть его, да? Ты-то уж точно не сможешь его откупорить.

Тигр уселся и уставился не моргая на крошечный пузырек в руке Тима. Зеленые глаза зверя как будто светились изнутри, словно в его мозгу ярко сияла магия. Тим осторожно открутил крышку, снял ее и увидел, что снизу к ней прикреплена маленькая прозрачная пипетка.

Тигр открыл пасть. Все было ясно, и тем не менее...

— Сколько капель? — спросил Тим. — Я не хочу тебя отравить. Ни за что в жизни.

Но тигр просто сидел с открытой пастью, слегка запрокинув голову, и напоминал птенца, который ждет, что ему принесут червяка..

После нескольких неудачных попыток (Тим никогда в жизни не пользовался пипеткой, хотя видел

что-то похожее, только значительно больше размером; фермер Дестри называл ту штуковину бычьей спринцовкой) он набрал жидкость в тонкую трубочку. После этого в пузырьке почти ничего не осталось — там и было-то очень мало. С бешено колотящимся сердцем мальчик поднес пипетку к пасти тигра. Ему казалось, он знает, что сейчас будет. Он слышал много историй о шкуровертах. И все же не мог знать наверняка, что тигр — это заколдованный человек.

— Я буду капать по одной капле, — сказал он тигру. — Когда надо будет остановиться, просто закрой пасть. Дай мне знак, что ты понял.

Но, как и прежде, тигр не дал ему никакого знака. Он просто сидел и ждал.

Одна капля... вторая... третья... крошечная пипетка уже наполовину пуста... четвертая... пя...

Шкура тигра пошла волнами, то вспучиваясь, то опадая — словно внутри у него бесновались какие-то существа, которые силились прорваться наружу. Нос и губы как будто растаяли, обнажив зубы, а потом вновь появились и тут же срослись, полностью запечатав рот. Тигр издал глухой рык — то ли крик боли, то ли вопль ярости, — от которого, кажется, содрогнулась земля.

Тим в ужасе отшатнулся и упал на пятую точку.

Зеленые глаза тигра выкатились наружу, убралась в глазницы и снова выкатились, как на пружинках. Бешено бьющийся хвост резким рывком втянулся в туловище, опять появился и вновь втянулся. Шатаясь, как пьяный, тигр пошел прочь. Прямо к обрыву.

— Стой! — закричал Тим. — Упадешь!

Тигр ступал по самому краю пропасти, и в какой-то момент одна его лапа действительно соскользнула, обрушив вниз несколько мелких камней. Тигр прошел

позади клетки. Его полосы превратились в размытые кляксы и побледнели. Голова изменила форму. Из нее проросло что-то белое, а потом — ярко-желтое. Тиму было слышно, как в теле тигра скрежещут кости, меняя свое положение.

Тигр вновь заревел, и где-то на середине звериный рев превратился в очень человеческий крик. Продолжая меняться прямо на глазах, тигр поднялся на задние лапы, и там, где только что были когтистые лапы, возникла пара старых черных сапог. Когти превратились в серебряные сигулы: луны, кресты и спирали.

Ярко-желтая макушка продолжала расти ввысь, пока не обернулась высоким остроконечным колпаком — точно таким же, какой Тим видел в жестяном ведре. Непонятное белое, выросшее в том месте, где была верхняя часть груди тигра, превратилось в длинную бороду, сверкавшую в солнечном свете морозного утра. А сверкала она потому, что в ней были разбросаны бусины драгоценных камней: изумрудов, рубинов, сапфиров и алмазов.

Тигр исчез, и изумленному взору Тима предстал Мерлин Эльдский.

Волшебник не улыбался, как в видении Тима... хотя теперь мальчик понимал, что это было совсем не его видение. Это было наваждение, созданное человеком в черном, чтобы его погубить. Настоящий Мерлин смотрел на Тима мягким, добрым взглядом, но в глазах мага была и суровая серьезность. Ветер развевал его белые шелковые одежды, так что они облепляли тело — такое худое, что все кости выпирали наружу.

Тим встал на одно колено, склонил голову и поднес ко лбу дрожащий кулак. Попытался сказать: *Хайл, Мерлин*, — но голос пропал. Мальчик сумел выдавить из себя только сухой хрип.

— Встань, Тим, сын Джека, — сказал волшебник. — Но сначала закрой пузырек. Там, как я понимаю, еще что-то осталось. Всего несколько капель, но они тебе пригодятся.

Тим поднял голову и вопросительно посмотрел на Мерлина.

— Для твоей мамы, — пояснил маг. — Для ее глаз.

— Правда? — прошептал Тим.

— Истинная правда. Клянусь Черепахой, держащей мир на спине. Ты прошел долгий путь, проявил изрядное мужество — и изрядную глупость, но это простительно, ибо глупость и смелость часто идут рука об руку, особенно если ты еще молод. И ты избавил меня от заклятия, освободил от обличья, которое столько лет было моей тюрьмой. Ты заслуживаешь награды. Закрывай пузырек и вставай.

— Спасибо. — Руки у Тима дрожали, слезы туманили взгляд, но он все же сумел закрутить крышку на пузырьке и не пролить то, что осталось. — Я думал, вы — Страж Луча, но Дария сказала, что нет.

— Кто это — Дария?

— Тоже пленница, как и вы. Она была заперта в маленьком механизме, который мне дали люди из Фагонарда. Но теперь она, кажется, умерла.

— Мне искренне жаль, сынок.

— Она была моим другом, — просто сказал Тим.

Мерлин кивнул.

— Мир полон горя, Тим Росс. А что до меня, то поскольку это Луч Льва, он, должно быть, подумал, что будет забавно придать мне обличье большой кошки. Но не Аслана, ибо ему не подвластно такое великое колдовство... хотя он бы не отказался. О да. Как не отказался бы убить Аслана и остальных Стражей, чтобы обрушить Лучи.

— Сборщик налогов, — прошептал Тим.

Мерлин запрокинул голову и рассмеялся, при этом высокий остроконечный колпак не свалился, и Тим подумал, что это само по себе волшебство.

— Нет-нет, не он. Чуть-чуть магии и долгая жизнь — это все, на что *он* способен. Нет, Тим, я говорю о другом. О том, кто гораздо сильнее человека в черном плаще. Тому, о ком я говорю, стоит лишь указать пальцем, и Черный Плащ стремглав бежит исполнять поручение. Но не Алый Король направил тебя сюда, и тот, кого ты называешь сборщиком налогов, еще заплатится за свою глупость, в этом я не сомневаюсь. Он — слишком ценная фигура, чтобы его убивать. Но сделать больно? Как следует *наказать*? Да, пожалуй.

— А что он с ним сделает? Этот Алый Король?

— Лучше об этом не знать, но в одном можешь быть уверен: больше он никогда не появится в Древесной деревне. Его время в качестве сборщика налогов уже прошло.

— А моя мама... к ней правда вернется зрение?

— Да, ибо ты сослужил мне хорошую службу. И ты еще многим послужишь за свою жизнь. — Маг указал пальцем на пояс Тима. — Это лишь первый из револьверов, которые ты будешь носить на поясе. Самый первый и самый простой.

Тим посмотрел на четырехзарядник, но достал из-за пояса не его, а отцовский топор.

— Револьверы — не для таких, как я, сэй. Я всего лишь простой деревенский мальчишка. Я стану лесорубом, как мой отец. Древесная деревня — вот мое место, и я там останусь.

Старый маг посмотрел на него пронизательным взглядом.

— Ты говоришь так, держа топор, но стал бы ты так говорить, если бы держал в руках револьвер? Стало бы так говорить твое *сердце*? Можешь не отвечать, ибо я вижу правду в твоих глазах. Ка уведет тебя из Древесной деревни. Уведет далеко-далеко.

— Но я люблю свою деревню, — прошептал Тим.

— Это будет еще не скоро, так что не беспокойся. Но слушай меня, слушай очень внимательно и повинуйся.

Высокий маг согнулся, оперев руки в колени, и наклонился поближе к Тиму. Уже затихающий ветер трепал его белую бороду, в которой искрились драгоценные камни. Его лицо было узким и длинным, как у сборщика налогов, — но не жестоким и злым, а серьезным и добрым.

— Когда вернешься домой — а обратный путь будет гораздо быстрее, чем путь сюда, гораздо быстрее и безопаснее, — закапай маме в глаза это снадобье из пузырька. А потом сразу отдай ей отцовский топор. Ты понял? Эту монетку ты будешь носить на шее всю жизнь — с ней тебя и похоронят, — но *топор отдай маме*. Сразу, как только закапаешь ей в глаза.

— П-почему?

Мерлин сдвинул косматые брови, уголки рта опустились. Его лицо вдруг перестало быть добрым — оно сделалось пугающе ожесточенным.

— Не тебе это спрашивать, мальчик. Ка врывается в жизнь человека, как ветер — как стыловей. Ты сделаешь, как я сказал?

— Да, — испуганно выдохнул Тим. — Я отдам ей топор, как вы сказали.

— Хорошо.

Маг повернулся к простыне, под которой они укрывались от стыловей, и протянул над ней руки.

Ближайшая к клетке сторона приподнялась, легла на вторую сторону, и простыня сделалась вдвое меньше. Потом снова сложилась и стала размером со скатерть. Тим подумал, что женщинам Древесной деревни очень бы пригодилась такая магия, чтобы стелить постели, и тут же задался вопросом, не была ли подобная идея кошунством.

— Нет-нет, — рассеянно проговорил маг. — Ты правильно думаешь. Только оно бы все наверняка перевернулось с ног на голову. Магия — штука коварная, даже для таких стариков, как я.

— Сэй... а вы правда живете назад во времени?

Мерлин вскинул ладони в шутливом раздражении; рукава плаща съехали вниз, обнажив руки — тонкие и белые, как ветви березы.

— Все так считают, и если я стану их разубеждать, они все равно будут думать, что это так, верно? Я живу, как живу, Тим, и правда в том, что теперь я по большей части ушел на покой. Ты, наверное, слышал рассказы о моем волшебном доме в лесу?

— Да!

— А если я скажу тебе, что живу в пещере, и там у меня только единственный стол и матрас на полу, а ты скажешь об этом кому-то еще — как ты думаешь, тебе поверят?

Тим обдумал вопрос и покачал головой:

— Нет. Не поверят. Я вообще сомневаюсь, что кто-то поверит, что я с вами встречался.

— Это их дело. А что до тебя... ты готов возвращаться домой?

— Можно задать вам один вопрос?

Маг поднял указательный палец.

— Но *только один*. Я провел в этой клетке так много лет — а она, как ты видишь, стоит на месте, и ей

нипочем никакая буря — и устал гадить в эту дыру. Жить монашеской жизнью — это, конечно, неплохо, но всему есть предел. Задавай свой вопрос.

— Как Алому Королю удалось вас захватить?

— Он не может никого захватить, Тим. Поскольку сам пребывает в плену на вершине Темной Башни. Но у него есть немалая сила — и немало агентов. Тот, с кем ты встречался, — далеко не самый лучший из них. К моей пещере пришел человек. Я думал, он странствующий торговец. Ему удалось ввести меня в заблуждение, ибо он владел сильной магией. Этой магией его наделил Алый Король, как ты, наверное, уже догадался.

Тим осмелился задать еще один вопрос:

— Эта магия была сильнее, чем ваша?

— Нет, но... — Мерлин вздохнул и поднял глаза к небу. Тим с изумлением понял, что маг смущен. — Я был пьян.

— А-а... — протянул Тим слабым голосом. Он просто не знал, что тут можно сказать.

— Ладно, поговорили и хватит, — сказал маг. — Садись на диббин.

— На что?

Мерлин указал на кусок ткани, который мог быть то салфеткой, то простыней, а сейчас был скатертью.

— На него. И не бойся испачкать его грязными сапогами. Он еще и не такое видал.

Тим как раз этого и боялся, но все же ступил на скатерть и сел на нее.

— Теперь возьми в руки перо. Это перо из хвоста Гаруды, орла, охраняющего этот Луч на другом конце. По крайней мере мне так сказали, хотя, когда я был маленьким — да, Тим, сын Джека, когда-то и я был

ребенком, — мне говорили, что детей находят в капюсте.

Тим почти не услышал, что сказал маг. Он взял в руки перо, которое тигр спас от бури.

Мерлин пристально посмотрел на него:

— Когда вернешься домой, что ты сделаешь первым делом?

— Закапаю маме в глаза.

— Хорошо. А потом?

— Дам ей папин топор.

— Не забудь. — Маг наклонился и поцеловал Тима в лоб. На мгновение мир вокруг вспыхнул и засиял ярче звезд в самый разгар стыловая. На мгновение мир стал *таким настоящим*. — Ты смелый мальчик с храбрым сердцем. Люди об этом узнают и будут звать тебя именно так. А теперь прими мою искреннюю благодарность и лети домой.

— Л-л-лететь? *Как?*

— А как ты ходишь ногами? Просто думай об этом. Думай о доме. — Маг широко улыбнулся, и от уголков его глаз разбежались сотни морщинок, похожих на тонкие лучики. — Ибо, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Представь, что ты уже дома! Как будто ты уже видишь дом. Видишь очень хорошо!

И Тим представил себе родной дом и свою комнату, где он всю жизнь засыпал, слушая песню ветра за окном — песню о других странах и других жизнях. Он представил себе амбар, где были устроены стойла для Битси и Митси. Тим очень надеялся, что кто-то ходил их кормить. Может быть, Соломенный Уиллем. Мальчик представил себе ручей, из которого он натащил столько ведер воды. Но живее и ярче всего он представил себе маму: ее крепко сбитое тело, широкие плечи, длинные каштановые волосы, глаза, искря-

шиеся весельем. Да, он представлял себе маму, когда она радовалась. Не хотел представлять ее в горе.

Он подумал: *Я так соскучился по тебе, мама...* И как только он это подумал, скатерть приподнялась над землей и зависла в воздухе над собственной тенью.

Тим испуганно ахнул. Скатерть покачнулась и развернулась в другую сторону. Теперь она поднялась выше остроконечного колпака Мерлина, и магу пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть на Тима.

— А если я упаду? — спросил мальчик.

Мерлин рассмеялся.

— Рано или поздно мы все упадем. А сейчас просто держи перо крепче. Диббин тебя не опрокинет, так что держи перо крепче и думай о доме!

Тим стиснул перо в кулаке и стал думать о Древесной деревне: о главной улице, о кузнице с покойницей на заднем дворе, выходящем на кладбище, о фермах, о лесопильне на берегу реки, о доме вдовы Смэк и — самое главное — о своем собственном, родном доме. Диббин поднялся еще выше, на пару мгновений завис над Доганом (словно решая, куда лететь дальше), а потом полетел на юг, вдоль пути, пройденного стыловеем. Сначала он двигался медленно, но когда его тень упала на спутанный, подернутый инеем бурелом, который еще вчера был безбрежным пространством девственного леса, быстро набрал скорость.

Страшная мысль пришла в голову Тиму: а вдруг стыловей прошел по Древесной деревне, заморозив ее и убив все живое — и маму тоже? Он обернулся, чтобы спросить об этом у Мерлина, но того уже не было видно. Тим еще встретится с Мерлином, но это случится тогда, когда сам Тим будет глубоким старцем. И это совсем другая история.

Диббин поднялся уже так высоко, что мир стал похож на большую карту, расстеленную вниз. Магия, защищавшая Тима и его полосатого компаньона от бури, по-прежнему действовала, и хотя мальчик явственно слышал свист морозного ветра — затихающее дыхание стыловея, — ему самому было тепло. Он сидел, скрестив ноги, на летающей скатерти, как юный принц из пустыни Мохане — на слоне, и держал перед собой перо Гаруды. Он и *чувствовал* себя Гарудой, парящим высоко над бескрайним простором дикого леса. С такой высоты кажется, будто земля оделась в зеленое платье, такое темное, что оно представляется почти черным. Однако среди этой зелени проходил серый шрам, как будто платье разрезали или порвали, и в прореху проглядывала грязная нижняя юбка. Стыловей погубил все, к чему прикоснулся, хотя в общем и целом лес пострадал мало. Ширина полосы разрушений составляла не больше сорока колес.

Но и сорока колес хватило с лихвой, чтобы опустошить Фагонард. Черные воды болота покрылись желтоватыми бельмами льда. Серые искривленные деревья, росшие из воды, были повалены. Трава на подернутых инеем кочках напоминала мутное белесое стекло.

На одной из кочек лежала перевернутая на бок лодка болотного племени. Тим подумал о кормчем, и о вожде, и обо всех остальных — и горько расплакался. Если бы не эти люди, он бы сейчас лежал, замерзший насмерть, на какой-то из этих кочек в пятистах футах внизу. Болотные люди его накормили и подарили ему Дарию, добрую фею. А теперь они все погибли. Это несправедливо, несправедливо, несправедливо. Так кричало его детское сердце, а потом какая-то частичка

этого детского сердца застыла и умерла. Ибо так уж устроен мир.

Пролетая над Фагонардом, Тим заметил еще кое-что, от чего у него защемило сердце: большое черное пятно в том месте, где лед был растоплен. Большие, покрытые сажей льдины медленно дрейфовали вокруг мертвого тела, лежащего на боку на воде. Это была дракониха, которую Тим потревожил в болоте и которая не стала его убивать. Мальчик очень живо представил, как она пыталась бороться с морозом, выжигая его своим огненным дыханием, но стыловей оказался сильнее. И дракониха тоже погибла, как и весь Фагонард, который теперь превратился в пустошь промерзшей смерти.

Над Тропой железных деревьев диббин начал снижаться. Он опускался все ниже и ниже и приземлился прямо на Тропе рядом с дорожкой на участок Косингтона — Маршли. Однако во время спуска Тим успел увидеть, что полоса разрушений, вызванных стыловеем, который прежде шел прямо на юг, чуть отклонилась на запад. И разрушения были уже не такими кошмарными, как будто буря начала выдыхаться. Это дало Тиму надежду, что деревня могла уцелеть.

Опустившись на землю, мальчик задумчиво посмотрел на диббин и помахал над ним двумя руками.

— Складывайся, — сказал он (чувствуя себя немного глупо).

Диббин никак не откликнулся, но когда Тим наклонился, чтобы его сложить, тот перегнулся пополам, потом — еще раз, и еще. С каждым разом он становился все меньше и меньше, но его толщина оставалась такой же. Уже через несколько секунд на земле лежала самая обыкновенная с виду хлопчатобу-

мажная салфетка. Хотя вряд ли кто-то захочет положить такую салфетку себе на колени, садясь за стол. Потому что прямо посередине на ней красовался след от грязной подошвы.

Тим положил салфетку в карман и зашагал в сторону дома. А когда добрался до рощи древоцветов (где большинство деревьев устояло после бури), то пустился бегом.

Он решил обогнуть деревню, потому что ему не хотелось терять ни минуты, отвечая на неизбежные вопросы. Впрочем, вряд ли бы кто-то сейчас нашел время для Тима. Стыловей почти не затронул Древесную деревню, но мальчик видел, как люди хлопочут над своей скотиной, которую сумели спасти из-под обломков обрушившихся амбаров, и обходят поля — выясняют, насколько велик урон. Лесопильню сдуло в Древесную реку. Бревна и доски уплыли вниз по течению, и от здания остался только каменный фундамент.

Тим пошел вдоль Стейпова ключа, как в тот день, когда он нашел волшебную палочку сборщика налогов. Ручей за их домом, который замерз в стыловое, уже начал оттаивать, и хотя с крыши дома сорвало несколько древоцветовых дощечек, сам дом стоял целый и невредимый. Похоже, маму оставили в одиночестве. Во дворе не было ничьих повозок или мулов. Тим понимал, что с приближением стыловей людей больше заботили их собственные дома и поля, но все равно разозлился. Бросить на произвол судьбы женщину, избитую и искалеченную... это как-то неправильно. Не по-людски. Жители Древесной деревни обычно так не поступают.

Ее отвезли в безопасное место, подумал Тим. Скорее всего в дом общественных собраний.

А потом он услышал тихое ржание, доносившееся из амбара и не похожее на ржание их мулов. Тим заглянул внутрь и увидел Лучика, ослика вдовы Смэк. Тот стоял привязанный к столбу и жевал сено.

Тим запустил руку в карман и на мгновение жутко перепугался, не найдя пузырек с бесценным снадобьем. Но оказалось, что пузырек спрятался под диббином, и у мальчика отлегло от сердца. Он поднялся на крыльцо (знакомый скрип третьей ступеньки вызвал странное чувство, как будто все это происходило во сне) и открыл дверь. В доме было тепло — вдова разожгла хороший огонь в очаге, — но теперь все дрова прогорели, оставив толстый слой серой золы и еле теплящихся угольков. Сама вдова Смэк спала в папином кресле, сидя лицом к очагу и спиной к Тиму. И хотя мальчику не терпелось скорее идти к маме, он все же помедлил у двери и снял ботинки. Вдова Смэк — единственная, кто пришел поддержать его маму; она разожгла огонь в очаге, чтобы согреть дом; даже в ожидании бури, которая могла бы разрушить до основания всю деревню, вдова Смэк не забыла о человеческом участии и добрососедстве. Тим не стал бы ее будить. Ни за что в жизни.

На цыпочках он прошел к двери в мамину спальню. Дверь была открыта. Мама лежала в кровати, держа руки поверх покрывала и глядя в потолок незрячим взглядом.

— Мама? — прошептал Тим.

В первый миг она даже не пошевелилась, и мальчика охватил леденящий страх. Он подумал: *Я опоздал. Она умерла.*

Но тут Нелл приподнялась на локтях — ее густые длинные волосы обрушились на подушку каштано-

вым водопадом — и устремила невидящий взгляд на сына.

— Тим? Это ты, или я вижу сон?

— Это не сон, — сказал Тим.

И бросился к ней.

Она обняла его крепко-крепко и принялась покрывать поцелуями его лицо с таким сердечным и искренним чувством, с каким только матери целуют своих детей.

— Я думала, ты погиб! Ох, Тим! А когда налетела буря, я уже не сомневалась, что тебе конец. И мне самой хотелось умереть. Где ты был? Как ты мог так уйти?! Ты разбил мое сердце, гадкий мальчишка.

А потом она вновь принялась его целовать.

Тим тоже радовался, и улыбался, и вдыхал мамин запах — такой чистый, такой родной, — но потом ему вспомнились слова Мерлина: *Когда вернешься домой, что ты сделаешь первым делом?*

— Где ты был? Расскажи!

— Я все тебе расскажу, мама, но сначала ляг на спину и открой глаза широко-широко. Как можно шире.

— Зачем? — Она продолжала трогать его лицо, словно пытаясь уверить себя, что он действительно здесь, рядом с ней. Ее глаза, которые Тим так надеялся вылечить, смотрели прямо на него... и сквозь него. Взгляд был туманным и мутным, глаза как будто подернулись тонкой белесой пленкой. — Зачем, Тим?

Он не хотел говорить. На тот случай если снадобье вдруг не подействует. Мальчик не думал, что Мерлин его обманул — это сборщик налогов находит забаву в том, чтобы лгать людям, — но маг мог ошибиться.

Только бы он не ошибся! Пожалуйста, пусть он не ошибется!

— Сейчас узнаешь зачем. Я принес лекарство. Но его очень мало, так что лежи спокойно.

— Не понимаю.

Нелл в ее непроглядной темноте на миг показалось, что слова, которые прозвучали в ответ, произнес не сын, а покойный муж:

— Просто знай, что я прошел долгий путь и преодолел много трудностей, чтобы добыть это лекарство. Поэтому лежи спокойно.

Она сделала, как он сказал, глядя на него снизу вверх невидящими глазами. Ее губы дрожали.

Руки у Тима тоже дрожали. Он мысленно приказал им успокоиться, и, как ни странно, они перестали трястись. Мальчик сделал глубокий вдох, на миг задержал дыхание и открыл пузырек с бесценным снадобьем. Набрал в пипетку все, что осталось, — а осталось всего ничего. Короткая тонкая трубочка не наполнилась даже до половины. Тим склонился над мамой.

— Лежи тихо, мама! Обещай, что не будешь дергаться. Оно может жечь.

— Не буду, — прошептала Нелл.

Одна капля — в левый глаз.

— Ну как? — спросил Тим. — Не жжется?

— Нет, — ответила Нелл. — Чуть-чуть холодит, но приятно. Теперь давай во второй глаз, пожалуйста.

Тим закапал ей в правый глаз и замер над мамой, закусив губу. Ему показалось, что белесая пленка стала прозрачнее. Или он просто выдавал желаемое за действительное?

— Ты что-нибудь видишь, мама?

— Нет, но... — У нее перехватило дыхание. — Я вижу свет! Тим, *я вижу свет!*

Она начала приподниматься на локтях, но Тим взял ее за плечи и уложил обратно. Закапал еще по

капле в каждый глаз. Этого должно было хватить, потому что в пипетке уже ничего не осталось. И хорошо, что не осталось — когда Нелл закричала, Тим вздрогнул и уронил пипетку на пол.

— Мама? *Мама!* Что с тобой?!

— *Я тебя вижу!* — закричала она и прижала ладони к его щекам. Ее глаза переполнились слезами, но Тим все равно радовался, потому что теперь они смотрели не сквозь него, а на него. И стали такими же ясными, какими были всегда.

— Ох, Тим, мой хороший, *я тебя вижу. Вижу очень хорошо.*

А что было дальше, о том незачем говорить — ибо есть в жизни мгновения радости, которые нельзя описать никакими словами.

Ты должен отдать ей отцовский топор.

Тим достал из-за пояса топор и положил его на кровать рядом с мамой. Она посмотрела на него — и увидела, что им обоим по-прежнему казалось чудом, — потом прикоснулась к деревянной рукоятке, ставшей гладкой за долгие годы непрерывной работы, и вопросительно посмотрела на сына.

Тим лишь улыбнулся и покачал головой.

— Человек, давший мне капли, сказал, чтобы я отдал топор тебе. И больше я ничего не знаю.

— Кто, Тим? Какой человек?

— Это долгая история, и ее лучше рассказывать и слушать за завтраком.

— Яичница! — Нелл снова приподнялась. — Из десятка яиц, не меньше! И в погребе есть ветчина!

По-прежнему улыбаясь, Тим снова взял маму за плечи и ласково уложил на подушку.

— Я могу сам приготовить яичницу с ветчиной. Я принесу тебе завтрак прямо сюда. — И тут Тиму в голову пришла одна мысль. — И вдова Смэк поест с нами. Странно, что она не проснулась от всех этих криков.

— Она пришла, когда поднялся ветер, и все время, пока бушевала буря, была со мной и поддерживала огонь, — сказала Нелл. — Мы думали, дом опрокинется, но он устоял. Она, наверное, страшно устала. Разбуди ее, Тим, но постарайся помягче.

Тим поцеловал маму в щеку и вышел из спальни. Вдова спала в кресле у очага, уронив подбородок на грудь, — она так устала, что даже не храпела. Тим осторожно потряс ее за плечо. Ее голова покачнулась, склонилась набок и тут же перекатилась в первоначальное положение.

В голове Тима возникла страшная мысль, превратившаяся в уверенность еще до того, как мальчик обошел кресло и посмотрел на вдову спереди. Он увидел такое, от чего у него подкосились ноги, и он упал на колени. Вуаль была сорвана. То, что осталось от когда-то красивого лица вдовы, было холодным и мертвым. Единственный глаз безучастно смотрел на Тима. Весь перед ее черного платья был покрыт, словно ржавчиной, коркой запекшейся крови, потому что вдове перерезали горло, от уха до уха.

Тим набрал воздуха в легкие, но не смог закричать — чьи-то крепкие, сильные руки сомкнулись у него на горле.

Берн Келлс вошел в гостиную из прихожей у задней двери, где сидел на своем сундуке и пытался вспомнить, почему он убил старуху. Наверное, это из-за огня

в очаге. Келлс две ночи дрожал от холода под кучей сена в амбаре Глухого Ринкона, а эта старая вешалка, задурившая голову его пасынку своим поганым учением, все время сидела в тепле. Это же несправедливо.

Он видел, как мальчишка вошел в комнату матери. Слышал радостные крики Нелл, и каждый крик ее радости был для него как удар по причинному месту. Она должна кричать только от боли. Все его беды — из-за нее. Она его околдовала, приворожила своей тонкой талией, высокой грудью, длинными волосами и смеющимися глазами. Он думал, что с годами ее власть над ним утратит силу, но нет. Без нее ему не было жизни, и в конечном итоге он должен был получить эту женщину. А иначе зачем он убил своего лучшего друга?

И вот теперь он вернулся, этот мальчишка, из-за которого Келлс превратился в изгоя. Как ни плоха была сука, но ее щенок еще хуже. И что у него там за поясом? Боги вышние, неужели пистолет?! Где он его раздобыл?

Келлс сжимал горло Тима до тех пор, пока мальчик не перестал сопротивляться и не обмяк в его сильных руках, слабо хрипя. Потом Келлс вытащил из-за пояса Тима пистолет и отшвырнул его в сторону.

— На тебя, мелкий прыщ, пули жалко, — проговорил он в самое ухо Тима. Смутно, откуда-то издали — словно все ощущения ушли в глубь тела — мальчик чувствовал, как борода отчима щекочет его шею. — И нож марать не хочу, прирезал старую суку — и хватит. Тебе, щенок, будет огонь. Угли еще горячи. Жара уж явно достаточно, чтобы поджарить тебе глаза и проварить кожу на твоей...

Тут раздался глухой, сочный удар, и руки, сжимавшие шею Тима, разжались. Мальчик жадно втянул в себя воздух, который жег, как огонь.

Келлс стоял рядом с креслом Большого Росса и таращился, словно не веря своим глазам, куда-то поверх головы Тима. Ручеек крови стекал по правому рукаву его фланелевой рабочей рубашки, усыпанной стебельками соломы после тайных ночевок в амбаре Глухого Ринкона. Из его головы, прямо над правым ухом, торчала рукоять топора. А за спиной Келлса стояла Нелл Росс в забрызганной кровью ночной рубашке.

Медленно, очень медленно Большой Келлс повернулся к ней лицом. Прикоснулся к лезвию топора, вонзенного в его череп, и протянул к Нелл обагренную кровью руку.

— Я разрубая веревку, мерзавец! — крикнула Нелл ему прямо в лицо, и Берн Келлс упал замертво, словно сраженный ее словами, а не топором.

Тим закрыл лицо руками, как будто если не видеть того, что он видел, можно будет об этом забыть... хотя уже тогда он понимал, что эти воспоминания останутся с ним на всю жизнь.

Нелл обняла сына и вывела на крыльцо. На улице ярко сияло солнце, лед на полях начал таять, от земли поднималась туманная дымка.

— Ты как, Тим? — спросила Нелл.

Мальчик сделал глубокий вдох. Горло еще саднило, но воздух уже не обжигал легкие.

— Нормально. А ты?

— И я тоже, — сказала Нелл. — Теперь все будет хорошо. Смотри, какое чудесное утро. И мы с тобой живы и видим всю эту красоту.

— Но вдова... — Тим заплакал.

Они сели на ступеньки крыльца и стали смотреть во двор, куда недавно наведывался сборщик налогов.

На своем вороном, черном как ночь, коне. *Черный конь, черное сердце*, подумал Тим.

— Мы будем молиться за Арделию Смэк, — сказала Нелл. — И вся Древесная деревня придет проводить ее в последний путь. Не скажу, что Келлс оказал ей услугу... убийство — это всегда убийство... но она очень страдала в последние три года и все равно бы не задержалась надолго на этом свете. Наверное, нам надо поехать в деревню и узнать, не вернулся ли констебль. А по дороге ты мне все расскажешь. Поможешь запрячь Битси и Митси в повозку?

— Да, мама. Но сначала мне нужно кое-что взять из дома. Это она мне дала.

— Хорошо, Тим. Только старайся не смотреть на... ну, что там в комнате.

Смотреть он не стал. Но поднял пистолет и сунул его за пояс...

ШКУРОВЕРТ

Часть II

— Она сказала, чтобы он не смотрел на то, что было в доме — на тело отчима, как ты понимаешь, — и он ответил, что не будет. Он и вправду не стал смотреть, но поднял пистолет и сунул его за пояс...

— Четырехзарядник, который дала ему та вдова, — сказал Маленький Билл. Он сидел, прислонившись спиной к стене под нарисованной мелом картой Дебарии и опустив подбородок на грудь. Пока я рассказывал сказку, мальчик не произнес ни слова, и, честно сказать, я подумал, что он заснул и я говорю сам с собой. Но похоже, он слушал. И слушал внимательно. Вой самума снаружи на мгновение взвился до пронзительного вопля, а потом вновь превратился в глухой, монотонный стон.

— Да, Маленький Билл. Он поднял пистолет и сунул за пояс с левого бока, где носил его следующие десять лет. А потом у него появились уже настоящие, шестизарядные револьверы. — Вот и вся сказка, и я закончил ее точно так же, как мама заканчивала все сказки, которые читала мне в детстве, когда я был совсем маленьким. И мне стало грустно, когда я услышал эти слова из моих собственных уст: — Вот так оно все и было, давным-давно, в незапамятные времена, когда дед твоего деда еще не родился на свет.

Уже смеркалось. Я подумал, что, наверное, шериф и все остальные, кто поехал за соляниками, вернутся в город лишь завтра. И если по правде, какая разница? Потому что, пока я рассказывал Биллу сказку, мне в голову пришла одна неприятная мысль. Если бы я был шкуровертом, и если бы шериф с целым штатом помощников (не говоря уже о юном стрелке, прибывшем из самого Гилеада) вдруг появились в моем поселке и принялись выяснять, умею ли я седлать лошадь и ездить в седле, признался бы я, что умею? Вряд ли. Мы с Джейми могли бы сообразить это сразу, но мы были еще очень молоды и мало что понимали в таких делах — образ мыслей хранителей закона был для нас внове.

— Сэй?

— Да, Билл.

— А Тим потом стал настоящим стрелком? Ведь правда стал, да?

— Когда ему было двадцать один, в Древесную деревню приехали три стрелка. Они заглянули туда по дороге в Таварес и надеялись набрать людей в ополчение. Но Тим был единственным, кто ушел с ними. Они называли его Леворуким Огнем, потому что он стрелял левой рукой. Тим Росс ушел с ними и проявил себя очень достойно, ибо он был бесстрашен, а его пистолет не знал промаха. Стрелки называли его тет-фа, что значит «друг тета». А потом пришел день, когда Тим Росс вошел в *ка-тет* и стал одним из немногих — очень немногих — стрелков, происходящих не из рода Эльда. Хотя кто знает? Ведь говорят, у Артура было множество сыновей от трех жен и еще больше — рожденных с изнанки постельных перин.

— Я не знаю, что это значит.

Тут я его понимал. Еще два дня назад я сам не знал, что означает «длинная мерка».

— Это не важно. Сначала его называли Россом Левшой, а потом — после битвы на берегу озера Коун — Тимом Храброе Сердце. Его мама закончила свои дни в Гилеаде, где она пользовалась уважением и почетом, как великая леди. Так говорила мне моя мама. Но это уже...

— ...совсем другая история, — закончил Билл. — Так всегда говорит папа, когда я прошу еще что-нибудь рассказать. — Лицо мальчика вмиг помрачнело, губы задрожали. Он вспомнил кровавую бойню в спальном бараке и своего папу, который погиб, как и все остальные на ферме. — Так он всегда *говорил*.

Я снова обнял его за плечи, и на этот раз жест сочувствия дался мне легче, естественнее. Я уже решил, что заберу мальчика с нами в Гилеад, если Эверлина не возьмет его в Ясную обитель... но мне казалось, что она не откажется его взять. Мальчик был очень хороший.

Снаружи выл ветер. Я все прислушивался, не зазвонит ли телефон, но он не звонил. Наверняка где-то оборвало провода.

— Сэй, а долго Мерлин сидел в клетке в облике тигра?

— Не знаю. Но наверняка очень долго.

— А что он *ел*?

Катберт бы сразу придумал ответ, сочинил бы на месте, но я всегда был тугодумом.

— Если он какал в ту дырку, значит, он должен был что-то есть, — вполне резонно заметил Билл. — Если ничего не есть, то нечем и какать.

— Я не знаю, что он ел, Билл.

— Может быть, у него еще оставалась какая-то магия — даже когда он был тигром, — и он мог наколдовывать себе еду. Ну, просто... из ничего.

— Да, наверное, так и было.

— А Тим добрался до Башни? Об этом же тоже есть сказка, правда?

Прежде чем я успел ответить, к двери камеры подошел Стросер — толстый помощник шерифа в черной шляпе с лентой из кожи гремучей змеи. Увидев, что я обнимаю Билла, он ухмыльнулся. Я хотел двинуть ему по зубам, чтобы сбить эту гадкую ухмылку, но тут же забыл о своем намерении, как только услышал, что он сказал.

— Всадники едут. И, должно быть, повозки. Поэтому что их слышно даже сквозь рев этой треклятой бури. Но буря бурей, а народ все равно выползает на улицу посмотреть.

Я встал, отпер дверь и вышел из камеры.

— Можно, я тоже пойду? — спросил Билл.

— Ты пока побудь здесь, — сказал я и запер камеру на замок. — Я скоро вернусь.

— Мне здесь не нравится, сэй!

— Понимаю. Но потерпи еще немножко. Все скоро закончится.

Я очень надеялся, что так и будет.

Когда я вышел на улицу, ветер чуть не сбил меня с ног и швырнул мне в лицо соляную пыль, которая больно колола кожу. Несмотря на ненастье, на улице было полно народу. Люди стояли по обеим сторонам дороги и ждали. Мужчины натянули банданы на рты и носы; женщины закрывали лица косынками. Я заметил одну леди-сэй в чепце, надетом задом наперед. Выглядело это странно, но от пыли, наверное, спасало неплохо.

Из белесых облаков соляной пыли в дальнем конце улицы начали появляться всадники и повозки. В

первом, крытом, фургоне сидели шериф Пиви и Канфилд с фермы Джефферсона: шляпы сдвинуты низко на лбы, лица закрыты шейными платками, так что видны только глаза. За ними ехали три длинные повозки, открытые ветру. Они были выкрашены в синий цвет, но их борта и платформы побелели от соли. На боку каждой повозки было написано желтой краской: «ДЕБАРИЙСКИЙ СОЛЯНОЙ КОМБИНАТ», — и в каждой сидело по шесть — восемь мужчин в рабочих комбинезонах и соломенных шляпах, которые называют не то размазнями, не то растяпами (я забыл, как именно). С обеих сторон от этого каравана ехали всадники. С одной стороны — Джейми Декарри, Келлин Фрай и его сын Викка. С другой — Снип и Арн, временные работники с фермы Джефферсона, и какой-то крупный мужчина с длинными, лихо подкрученными вверх усами песочного цвета и в желтом пыльнике в тон усам. Потом я узнал, что он служил констеблем в Малой Дебарии... по крайней мере когда не был занят другими делами за кружкой пива или карточным столом.

Вид у вновь прибывших был безрадостный и угрюмый, но мрачнее всех выглядели солянщики. Они прямо напрашивались на то, чтобы смотреть на них с подозрением и неприязнью, и мне пришлось напомнить себе, что только один из них — кровожадное чудовище (если тот, кто нам нужен, вообще был среди этих людей). Вполне вероятно, что большинство солянщиков поехало в город по доброй воле, когда им сказали, что тем самым они могут помочь изловить шкурверта.

Я вышел на середину улицы и поднял руки над головой. Шериф Пиви остановил фургон прямо передо мной, но мне пока было не до него — я смотрел на угрюмо насупленных солянщиков, сидящих в повозках. Теперь я их сосчитал. Двадцать один человек. На

двадцать подозреваемых больше, чем мне бы хотелось, но все же значительно меньше, чем я боялся.

Я закричал во весь голос, пытаясь перекричать ветер:

— *Вы приехали нам помочь, и от имени Гилеада я говорю вам спасибо!*

Услышать солянщиков было легче, потому что ветер дул в мою сторону.

— В задницу твой Гилеад, — сказал один.

— Сопливый щенок, — сказал другой.

— Можешь вылизать мой сортир именем Гилеада, — сказал третий.

— Скажи только слово, юный стрелок, и я их заткну, — обратился ко мне мужчина с лихо подкрученными вверх песочными усами. — Уж я-то могу их прижать, когда надо. Я, значит, констебль в той странной дыре, где живут эти засранцы, а значит, мне с ними и разбираться. Уилл Вегг. — Он небрежно поднес кулак ко лбу.

— Не надо никого прижимать, — сказал я и снова повысил голос: — *Ребята, кто-нибудь хочет выпить?*

Их недовольное ворчание тут же сменилось радостным оживлением.

— *Тогда слезайте с повозок и становитесь в колонну!* — выкрикнул я. — *По двое, если не трудно!* — Я улыбнулся. — *А кому трудно, пусть отправляется в ад и мучается там от жажды!*

После этих слов большинство солянщиков рассмеялось.

— Сэй Дискейн, — сказал Вегг, — по-моему, это не самая удачная мысль — ставить выпивку этим парням.

Но я думал иначе. Взмахом руки я подозвал к себе Келлина Фрая и выдал ему два золотых «орла». Его глаза широко раскрылись.

— Отведи их в салун, — сказал я. — Того, что я дал, хватит на две порции виски для каждого. На две маленьких порции, а больше им и не надо. Возьми с собой Канфилда и вот его... — Я указал на одного из временных работников с фермы Джефферсона. — Это кто? Арн?

— Я Снийп, — сказал парень. — Арн — это другой.

— Ага, хорошо. Снийп, ты — на одном конце барной стойки. Канфилд — на другом. Ты, Фрай, встанешь у двери. Будешь их прикрывать.

— Я не поведу сына в «Невезуху», — заявил Келлин Фрай. — Нечего ему делать в борделе.

— Ему туда и не надо. Вика будет стоять на улице, неподалеку от задней двери. Вместе с ним. — Я указал большим пальцем на Арна. — Вам ничего делать не надо. Просто стойте и наблюдайте. Если кто-то из солянщиков попытается выскользнуть в заднюю дверь, громко кричите и сразу бегите прочь, потому что скорее всего это и есть тот, кто нам нужен. Понятно?

— Ага, — сказал Арн. — Пойдем, малыш. Может, там ветра не будет, за домом. И я хоть смогу закурить.

— погоди, — сказал я и подозвал к себе мальчика.

— Эй, стрелок-в-жопе-ноги! — крикнул кто-то из солянщиков. — И долго ты будешь держать нас на этом ветру? У меня, на хрен, в горле все пересохло!

Остальные загалдели, выражая согласие.

— Так, все быстро заткнулись, — сказал я. — Кто будет тихо стоять и молчать, тот уже скоро промочит горло. А кто зубоскалит, пока я делаю свою работу, тот вернется в повозку и будет облизывать соль.

Они тут же умолкли. Я склонился к Викке Фраю.

— Ты должен был что-то кому-то сказать в поселке на Соляной горе. Ты это сделал?

— Ага, я...

Отец ткнул его локтем под ребра так сильно, что мальчик едва не упал. Он понял, что сделал не так, и начал заново, на этот раз поднеся ко лбу кулак.

— Да, сэй, я всё сделал, как вы велели.

— С кем ты говорил?

— С Паком Делонгом. Мы познакомились на ярмарке Жатвы. Он сын простого соляника, но мы с ним подружились и даже бежали на пару в состязаниях по бегу в три ноги. Его отец — бригадир ночной смены. Ну то есть Пак так говорит.

— И что ты ему сказал?

— Что Билли Стритер видел шкуроверта в его человеческом облике. Что Билли спрятался в сарае под старой упряжью, и это спасло ему жизнь. Пак знал, о ком я говорю, потому что Билли тоже был на ярмарке Жатвы. И он, Билли, выиграл гонки с гусем. Вы знаете гонки с гусем, сэй стрелок?

— Да, — ответил я. Еще недавно я сам участвовал в этих гонках.

Викка Фрай тяжело сглотнул, и его глаза наполнились слезами.

— Папа Билли... он так радовался, когда Билли пришел первым, — прошептал он.

— Конечно, он радовался. А Пак Делонг потом разболтал то, что услышал от тебя, как думаешь?

— Я не знаю. Но лично я разболтал бы.

Такой ответ меня очень даже устроил. Я хлопнул Викку по плечу.

— А теперь иди. И если увидишь, что кто-то пытается выскользнуть через заднюю дверь, сразу кричи. Хорошо кричи, громко. Чтобы было слышно и при таком ветре.

Викка с Арном ушли в переулок, который вел как раз к задней двери «Невезухи». Солянщики этого не заметили; их взгляды были прикованы к дверям салуна, а мысли заняты только одним — предвкушением обещанной дармовой выпивки.

— *Ну что, ребята?!* — крикнул я, и когда они все повернулись ко мне, дал команду: — *Вперед! Виски ждет!*

В ответ раздались одобрительные восклицания, и солянщики дружно направились к дверям салуна. Но все-таки шагом, а не бегом. И по-прежнему колонной по двое. Они привыкли подчиняться приказам. Я догадывался, что их жизнь и работа на соляных копиях мало чем отличались от рабства, и благодарил ка, что оно определило мне другой путь... хотя теперь, по прошествии лет, я начинаю задумываться, а чем, в сущности, рабство шахты отличается от рабства револьвера? Возможно, только одним: я всегда видел небо над головой, и за это я говорю спасибо Гану, Человеку-Иисусу и всем остальным богам.

Я отозвал Джейми, шерифа Пиви и этого нового — Вега — в дальний конец улицы. Мы встали под навесом над входом в контору шерифа. Стросер и Пикенс, двое не самых толковых помощников, стояли в дверях с ошарашенным, изумленным видом.

— Вы двое, идите внутрь, — сказал я.

— Мы принимаем приказы только от непосредственного начальства, — ответил Пикенс, весь из себя высокомерный и важный в присутствии вернувшегося начальника.

— Идите внутрь и закройте дверь, — распорядился Пиви. — Вы, два дуболома, до сих пор, что ли, не поняли, кто здесь главный?

Они отошли в глубь прихожей. Пикенс волком смотрел на меня, Стросер — на Джейми. Дверь хлопнула с такой силой, что в ней задрожало стекло. Пару секунд мы просто молча стояли, глядя на облака соляной пыли, несущиеся по улице. Некоторые из них были такими густыми, что повозки солянищиков скрывались из виду в белесых клубах. Однако у нас не было времени на раздумья — скоро стемнеет, и тогда один из людей, пьющих сейчас в «Невезухе», может уже перестать быть человеком.

— Думаю, у нас может возникнуть проблема. — Я обращался ко всем троим, но смотрел на Джейми. — Если шкуроверт знает, кто он такой, он вряд ли признался бы, что умеет ездить верхом.

— Я об этом подумал. — Джейми указал кивком на констебля Вегга.

— Мы привезли всех, кто умеет сидеть в седле, — сказал Вегг. — Будьте уверены, сэй. Я их всех знаю.

— Почему вы уверены, что знаете всех? — спросил я.

— Он знает, — подтвердил Джейми. — Послушай, Роланд.

— В Малой Дебарии есть один человек. Очень богатый, зовут Сэм Шант, — сказал Вегг. — Солянишки называют его Сэм Яйцехват, что и неудивительно, потому что он держит их всех за то место, где волосья короткие и курчавятся. Комбинатом он не владеет... хозяева Комбината — большие шишки из Гилеада... но он владеет всем остальным: пивными, борделями, завалюхами...

Я вопросительно посмотрел на шерифа Пиви.

— Хибары в Малой Дебарии, где спят некоторые солянишки, — пояснил тот. — Завалюхи — они развалюхи и есть, но они хотя бы не под землей.

Я повернулся обратно к Веггу, который стоял, держась за лацканы своего пыльника, и был явно очень доволен собой.

— Сэмми Шант владеет еще продовольственным магазином при соляном комбинате. А это значит, что он владеет солянщиками. — Констебль ухмыльнулся. Не дождавшись от меня ответной ухмылки, он отпустил лацканы пыльника и воздел руки к небу. — Так устроен наш мир, юный сэй... это не я его создал, и не вы тоже.

Так вот я о чем: Сэмми просто обожает всякие зрелища и забавы... особенно если на них можно срубить пару пенни. Четыре раза в год он устраивает состязания для солянщиков. Они соревнуются в беге. И в простом, и с препятствиями, когда надо перепрыгивать через деревянные баррикады и канавы с грязью. Очень смешно, когда кто-то падает. Шлюхи всегда ходят на это смотреть, и если кто-нибудь шлепнется, ржут, как кобылы.

— Давай к сути дела, — пробурчал шериф Пиви. — Хотя им там и поставили по две порции, они с ними быстро расправятся, эти ребята.

— Он устраивает и скачки на лошадях, — продолжил Вегг. — Выделяет на это одних старых кляч. Ну, если лошадка сломает ногу, чтобы было не жалко ее пристрелить.

— А если ногу сломает кто-то из солянщиков, его тоже пристреливают? — спросил я.

Вегг расхохотался и хлопнул себя по бедру, как будто я выдал отличную шутку. Катберт мог бы ему объяснить, что я не умею шутить, но Катберта с нами не было. А Джейми редко когда вступал в разговор, если на то не было необходимости.

— Остроумно, юный стрелок. Весьма остроумно. Нет, если что, их подлечат. Ну, когда можно вылечить. Там есть несколько шлюшек, они за пару монет подрабатывают сиделками после состязаний Сэмми Шанта. Девчонки не против, лишняя денежка — она ни-когда не лишняя.

Разумеется, для участия в состязаниях надо заплатить взнос, который вычитается из зарплаты. Это покрывает расходы Сэмми. И солящикам тоже выгода. Победителю каждого из состязаний — будь то обычный бег, бег с препятствиями или скачки на лошадях — прощается годовой долг в продовольственном магазине. Сэмми ничего не теряет: одному долг прощает, со всех остальных дерет три шкуры. Хитрая шельма, да?

— Хитер, как дьявол, — кивнул я.

— Точно! Поэтому когда объявляют о скачках, каждый из солящиков, кто может *хоть как-то* держаться в седле, садится в седло. Смешно наблюдать, как они яйца себе отбивают. Обхохочешься, правда. Я на всех состязаниях присутствую, слежу за порядком. Не пропустил ни одной скачки за последние семь лет и знаю всех солящиков, кто участвовал в скачках хоть раз. Все они сейчас здесь. Был еще один, но на самых последних скачках, которые Сэмми устраивал на Новую Землю, бедолага свалился с коня и отбил себе все нутро. Продержался еще пару дней, а потом приказал долго жить. Так что, думается, это явно не ваш шкурорверт, правильно?

Бег от души рассмеялся. Пиви посмотрел на него с усталым смирением, Джейми — со смесью презрения и удивления.

Можно ли было верить этому человеку, когда он говорил, что привел всех до единого солящиков, ко-

торые могут держаться в седле? Я решил, что поверю, если он ответит «да» на один вопрос.

— Вегг, а вы сами ставите на кого-то из всадников на этих скачках?

— В прошлом году срубил неплохой куш, — с гордостью проговорил Вегг. — Шант, сквалыга, деньгами не выдает. Пишет расписки, и потом тебе шлюхи и виски — бесплатно. Шлюх люблю помоложе, а виски — постарше.

Пиви взглянул на меня поверх плеча Вегга и пожал плечами, как бы говоря: *Это не я назначал им констебля, так что с меня спроса нет.*

Я и не собирался предъявлять ему претензии.

— Вегг, идите в контору и подождите нас там. Джейми, шериф Пиви, вы пойдете со мной.

Я им все объяснил по дороге к салуну. Это не заняло много времени.

— Говорить с ними будете вы, — сказал я Пиви, когда мы остановились у дверей салуна. Я говорил тихо, потому что на нас по-прежнему глазел весь город. Хотя люди, стоявшие перед входом в салун, отодвинулись от нас подальше, как от чумных. — Они вас знают.

— Но не так хорошо, как Вегга, — заметил шериф.

— А почему, как вы думаете, я не взял его с нами?

Шериф хохотнул, толкнул дверь салуна и вошел внутрь. Мы с Джейми двинулись следом за ним.

Завсегдатаев пивной оттеснили в глубь зала, к карточным столам. У стойки расположились соляничники. Снип и Канфилд сидели, где я им сказал — с обоих концов барной стойки. Келлин Фрай стоял у входа, привалившись спиной к стене и скрестив руки на груди. В заведении был и второй этаж — отведенный, как

я понимаю, под публичный дом. На балконе, нависавшем над залом, толпились далеко не прекрасные дамы, глазевшие на солянщиков.

— Так, ребята! — гаркнул шериф Пиви. — Все повернулись ко мне!

Они тут же послушались. Для этих людей он был просто еще одним бригадиром — начальством, которого надо слушаться. Некоторые еще не допили свое виски, но большинство уже прикончило обе порции. Сейчас они выглядели поживее, у них на щеках появился румянец — скорее от выпивки, чем от ветра и едкой пыли, которые сопровождали их всю дорогу до города.

— Теперь, значит, так, — сказал Пиви. — Все садитесь на стойку, все до единого, и скидывайте сапоги. Чтобы мы видели ваши ноги.

В ответ раздался недовольный ропот.

— Если вам надо узнать, кто из нас сидел в Бильеской тюрьме, то спросили бы прямо, — сказал какой-то пожилой солянщик с седой бородой. — Вот я сидел. И не стыжусь этого, да. Я украл каравай хлеба для старухи своей и двоих наших детишек. Хотя малышам это не помогло, все равно оба умерли.

— А если мы не послушаемся? — спросил другой, помоложе. — Тогда эти малыцы с револьверами нас пристрелят? Так я, может быть, и не против. По крайней мере тогда мне уже не придется лезть в эту проклятую шахту.

Солянщики одобрительно закивали. Мне показалось, что среди общего гула голосов явственно прозвучали два слова: *зеленый свет*.

Пиви схватил меня за руку и вытащил вперед.

— Вот этот стрелок освободил вас от работы на целый день и купил вам всем выпить. И если каждый

из вас точно знает, что он — не тот, кого мы ищем, так чего вам бояться?

Тот, кто ответил шерифу, вряд ли был намного старше меня:

— Сэй шериф, мы боимся *всего и всегда*.

Это была та самая неприглядная правда, которую знают все, но о которой предпочитают не говорить. В «Невезухе» вдруг стало тихо. Снаружи выл и стонал ветер. Соляная пыль билась в тонкие дощатые стены со звуком, похожим на грохот града.

— Слушайте, что я скажу, мужики, — проговорил Пиви, уже не так громко и более уважительным тоном. — Эти стрелки могут, конечно, достать револьверы и заставить вас сделать то, что нам нужно, под угрозой расстрела. Но мне бы этого не хотелось, да и вам это не надо. Вы взрослые люди и сами должны понимать, что к чему. Если считать вместе с фермой Джефферсона, число погибших в Дебарии уже приближается к сорока. Среди убитых на ферме Джефферсона было три женщины. — Он умолк на секунду. — Нет, вру. Женщина была одна. Одна женщина и две совсем юные девочки. Я знаю, как тяжело вам живется. Какая вам выгода нам помогать? Никакой. И все-таки я вас прошу. И почему нет, в самом деле? Среди вас лишь одному есть что скрывать.

— И правда, какого хрена? — сказал седобородый.

Он встал спиной к барной стойке, оперся руками о край, подтянулся и сел на стойку. Видимо, седобородый был у солянщиков старшим, потому что все остальные тут же последовали его примеру. Я внимательно наблюдал за ними, пытаясь разглядеть хоть малейшие признаки недовольства или замешательства, но недовольства никто не выказывал. Во всяком случае, я не заметил. Теперь, когда все началось, со-

лянщики воспринимали это как шутку. И уже очень скоро они все сидели рядом на стойке, а их сапоги с глухим стуком падали на посыпанный опилками пол. О боги, я до сих пор явственно чувствую вонь этой двадцати одной пары ног.

— Фу, я такого не выдержу, — проговорила одна из шлюх. Я поднял глаза и увидел, что наши зрительницы поспешно уходят с балкона в вихре перьев и нижних юбок. Бармен зажал нос и умчался в дальний конец помещения, к карточным столам. Я мог бы поспорить, что в кафе Рейси в тот вечер никто не заказывал ужин; если у кого-то и был аппетит, это благоухание должно было напрочь его отбить.

— Закатайте штанины, — приказал Пиви. — Мне надо видеть ваши лодыжки.

Солянщики больше не возражали: раз уж взялись, надо делать. Я вышел вперед и сказал:

— Тот, на кого я укажу, слезает со стойки и встает у стены. Можете взять свои сапоги, но надевать их не надо. Нам потом только улицу перейти, а это можно и босиком.

Я пошел вдоль ряда босых ног, в основном страшно тощих и опутанных сеткой раздувшихся темно-лиловых вен — у всех, кроме самых молодых рабочих.

— Ты... ты... и ты...

Всего набралось ровно десять человек с синими кольцами на лодыжках, означавшими срок заключения в Бильеской тюрьме. Джейми подошел к ним. Он не стал доставать оружие, но запустил большие пальцы под перекрещенные на бедрах ремни, так что ладони легли в непосредственной близости от рукоятей его больших шестизарядных револьверов. В общем, намеков был понятен.

— Эй, бармен! — позвал я. — Налей-ка еще по маленькой всем, кто остался.

Солянщики без тюремной татуировки радостно оживились и принялись натягивать сапоги.

— А нам не нальют? — спросил седобородый. Кольцо, наколотое у него на лодыжке, выцвело так, что осталась лишь призрачная синеватая тень. Босые ноги были корявыми и шишковатыми, как старые пни. Даже не представляю, как он мог ходить на таких ногах — не говоря уже о том, чтобы *работать* с такими ногами.

— Девятерым из вас нальют по *большому* стакану, — сказал я, от чего их угрюмые лица тут же просветлели. — А с десятым у нас будет другой разговор.

— Вздернуть его, вот и весь разговор, — проговорил вполголоса Канфилд с фермы Джефферсона. — И после того, что я видел на ранчо, я очень надеюсь, что он долго будет там дрыгаться, на веревке.

Мы оставили Снипа и Канфилда присматривать за одиннадцатью солянщиками, пьющими в салуне, а остальных повели к зданию городской тюрьмы. Возглавлял колонну седобородый, шагавший на удивление быстро на своих корявых ногах-пеньках. Уже смеркалось, только сумерки были какими-то странными, свет не серел, а желтел — такого я никогда раньше не видел. Но все равно было ясно, что уже скоро наступит ночь. Ветер дул, пыль летела. Я наблюдал за солянщиками, не рванется ли кто бежать — и надеялся, что так и случится, хотя бы для того, чтобы поберечь ребенка, ждавшего в тюрьме, — но никто не предпринял попытки к бегству.

Ко мне подошел Джейми.

— Если он здесь, он, должно быть, надеется, что парнишка видел только его ноги. Похоже, он не боится идти на очную ставку, Роланд. Или просто блефует.

— Да, похоже на то. А поскольку парнишка действительно видел *только* его ноги, этот блеф может сработать.

— И что тогда?

— Наверное, запрем их всех в камерах и подождем, пока кто-то не сменит обличье.

— А если оно не само по себе происходит? Если он контролирует свои превращения?

— Тогда я не знаю, — сказал я.

Пока нас не было, Вегг затеял партию в «Не зевай» с Пикенсом и Стросером. Я хлопнул рукой по столу, раскидав спички, которые игроки использовали вместо фишек.

— Вегг, вы вместе с шерифом проводите этих людей в тюрьму. Я подойду через пару минут. Есть еще несколько дел.

— А что там, в тюрьме? — спросил Вегг, с сожалением глядя на раскиданные спички. Он, должно быть, выигрывал. — Мальчик, как я понимаю?

— Мальчик, да. И конец этой мрачной истории. — Я произнес это гораздо увереннее, чем сам себя ощущал.

Я взял седобородого под локоть — мягко и уважительно — и отвел его в сторону.

— Как вас зовут, сэй?

— Сгег Люка. А что? Думаете, это я?

— Нет, — сказал я. И я действительно был уверен, что это не он. Безо всякой причины, просто по интуиции. — Но если вы знаете, кто из них шкуроверт... или

не знаете, но у вас есть какие-то подозрения... вы должны мне сказать. Там сидит мальчик, испуганный мальчик. Запертый в камере ради его безопасности. Он видел, как зверь, похожий на огромного медведя, растерзал его отца. И мне бы хотелось избавить парнишку от лишней боли. Это хороший мальчик.

Седобородый задумался, а потом уже он взял за локоть меня... Его пальцы были как стальные тиски. Он отвел меня в дальний угол.

— Я не могу сказать точно, стрелок. Потому что мы все были там, в глубине новой залежи, и мы все ее видели.

— Что вы видели?

— Трещину в соляном пласте, из которой выбивался зеленый свет. Сначала яркий, потом тусклый. Снова яркий, и снова тусклый. Как биение сердца. И... он говорил с каждым из нас напрямую.

— Я не понимаю.

— Я и сам не понимаю. Знаю только, что мы все его видели и мы все его ощущали. Он говорил с каждым из нас напрямую и звал к себе. Такой горький...

— Свет или голос?

— И то и другое. Я не знаю, что это такое, но не сомневаюсь, что оно осталось от Древних. Мы рассказали Бандерли... это наш старший бригадир... и он тоже спустился к трещине. Увидел все это своими глазами. И все *почувствовал*. Но собирался ли он закрыть шахту? Хрена лысого он собирался. У него есть свое собственное начальство, которое знает, что там осталось еще много соли. В общем, Бандерли велел завалить трещину камнями. И ее завалили, я точно знаю. Я сам был в бригаде, которая выполняла распоряжение. Но ведь завал можно и разобрать. И его разбирали, клянусь. Камни лежали не так, как вначале. Кто-то

туда заходил, стрелок, и что бы он там ни увидел... оно его изменило.

— Но кто именно, вы не знаете.

Стег Люка покачал головой.

— Могу сказать только, что это произошло между полночью и шестью часами утра, когда в шахте никого нет.

— Возвращайтесь к своим, и большое вам спасибо. Скоро вы сможете вернуться в салун, где вас ждет добрая порция виски.

Однако сзю Люке не суждено было дожить до его следующей порции виски. Но кто может заранее знать о таких вещах?

Он вернулся к своим товарищам. Люка был старше любого из них, причем старше намного. Почти все они были мужчинами средних лет, не считая двух совсем молодых людей. Никто не выглядел испуганным или встревоженным. Все пребывали в приподнятом настроении, и я мог это понять: их освободили на день от работы и угостили выпивкой — все же какое-то разнообразие и какая-то радость в жизни, в которой нет ничего, кроме каторжного труда и унылых будней. Я внимательно рассматривал этих людей, но не заметил, чтобы кто-то выглядел виноватым или нарочито спокойным. Все они выглядели именно так, как и должны выглядеть люди их положения: работяги-шахтеры в вымирающем горняцком городке, где кончаются рельсы железной дороги.

— Джейми, на пару слов.

Я подвел его к двери и прошептал ему на ухо, что надо сделать. Я дал ему поручение и попросил потопиться. Джейми кивнул и вышел на улицу.

— Куда это он? — спросил Вегг.

— Не ваше дело, — ответил я и повернулся к солящикам. — Пожалуйста, встаньте в ряд. По старшинству. Самые старшие — впереди.

— Знать бы еще, сколько мне лет, — сказал лысеющий мужчина, у которого на руке были часы с ржавым браслетом, подвязанным в одном месте бечевкой. Кто-то из солящиков рассмеялся и закивал головой.

— Ну вы уж как-нибудь разберитесь, — сказал я.

Меня совершенно не интересовал их возраст, но обсуждения и споры заняли какое-то время, и это как раз и была моя цель — выиграть время. Если кузнец выполнил мой заказ, все будет хорошо. Если нет, мне придется импровизировать. Стрелок, не умеющий импровизировать, долго не проживет.

Солящики суетились, менялись местами, переходили туда-сюда, словно дети, играющие в «Музыка умолкает», пока наконец не выстроились в ряд приблизительно по старшинству. Ряд начинался у двери в тюрьму и заканчивался у двери на улицу. Первым стоял Люка, мужчина с часами расположился в середине, а самым последним стоял молодой парень примерно моего возраста — тот самый, который сказал, что они всегда и всего боятся.

Я повернулся к шерифу:

— Шериф, вы пока перепишите их имена? Мне надо переговорить с парнишкой.

Билли стоял у решетки. Он слышал наш разговор, и вид у него был испуганный.

— Он здесь? Шкуроверт?

— Думаю, да, — ответил я. — Но мы пока не уверены.

— Сэй, мне страшно.

— И я тебя не осуждаю. Но камера заперта, а решетки — из крепкой стали. Ему до тебя не добраться, Билли.

— Вы не видели его, когда он медведь, — прошептал мальчик. Он смотрел в одну точку, широко раскрыв глаза. Я видел такие глаза у людей, которым со всей силы заехали кулаком в челюсть. Такие глаза бывают у человека за миг до того, как у него подогнутся колени. Снаружи донесся пронзительный вопль ветра, забравшегося под скат крыши.

— Тим Храброе Сердце тоже боялся, но шел вперед, — сказал я. — Я надеюсь, ты возьмешь с него пример.

— А вы будете здесь, со мной?

— Да, конечно. И я сам, и мой друг Джейми.

Едва я произнес его имя, дверь конторы открылась, и Джейми вышел в коридор тюрьмы, стряхивая с рубашки соляную пыль. Увидев его, я обрадовался. А вот запах грязных ног, которым повеяло из двери, радости явно не доставлял.

— Ну что? Забрал? — спросил я.

— Да. Красивая штука. А вот список имен.

Он передал мне и то и другое.

— Готов, сынок? — спросил Джейми у Билли.

— Да, наверное, — сказал тот. — Я притворюсь, что я Тим Храброе Сердце.

Джейми серьезно кивнул:

— Хорошая мысль. У тебя все получится.

Особенно сильный порыв ветра швырнул колючую белую пыль в забранное решеткой окно большой камеры. Под скатом крыши прокатился все тот же пронзительный, жутковатый вой. Небо за окном уже темнело. Мне пришло в голову, что, наверное, было бы лучше — безопаснее — запереть солянщиков на ночь

в камерах, а очную ставку устроить утром. Но с другой стороны, девятéro из них ни в чем не виноваты. И мальчик тоже ни в чем не виноват. Лучше закончить все прямо сейчас. То есть *если удастся закончить*.

— Слушай меня, Билли, — сказал я. — Сейчас их всех проведут мимо тебя. Бояться не надо. Может, вообще ничего и не случится.

— Х-х-хорошо, — выдавил он.

— Не хочешь сначала попить воды? Или сходить в туалет?

— Да нет, мне нормально, — ответил он, хотя было видно, что ему совсем не нормально. Он был испуган до полусмерти. — Сэй? А у скольких из них есть синее кольцо на ноге?

— У всех.

— Тогда как...

— Они не знают, что именно ты видел. Просто смотри на них, когда они будут проходить мимо. И отойди подальше от решетки.

Чтобы, если что, до тебя не могли дотянуться — вот что я имел в виду, но не хотел поизносить это вслух.

— А что мне говорить?

— Ничего. Если только не увидишь что-то такое, что разбудит воспоминания. — Впрочем, я мало на это надеялся. — Веди их сюда, Джейми. Шериф Пиви пусть станет в начале колонны, а Вегг — в конце.

Он кивнул и ушел. Билли протянул руку сквозь прутья решетки. Сперва я не понял, чего он хочет, а потом до меня дошло. Я быстро пожал ему руку.

— А теперь отойди от решетки, Билли. И помни лицо своего отца. Он наблюдает за тобой с пустоши.

Тим послушно отступил от решетки. Я пробежал глазами список имен (написанных скорее всего с ошибками), которые ничего мне не говорили, и по-

ложил руку на рукоять своего правого револьвера. Сейчас он был заряжен особым патроном. Ванней говорил, что шкуроверта можно убить только оружием из святого металла. Я заплатил кузнецу золотом, но пуля, которую он изготовил — которой предстоит вылететь из ствола первой, — была серебряной. Может быть, этого будет достаточно.

Если нет, я добавлю свинца.

Дверь открылась. В коридор вышел шериф Пиви. В правой руке он держал увесистую дубинку из железного дерева и легонько постукивал ее широким концом по левой ладони. Шериф посмотрел на побелевшего от страха парнишку, стоявшего в камере, и ободряюще улыбнулся.

— Привет тебе, Билли, сын Билла, — сказал он. — Мы с тобой, так что все хорошо. Ничего не бойся.

Билли попробовал улыбнуться, но было видно, что он все равно боится.

Вслед за шерифом в коридор вышел Стег Люка, переваливаясь, как утка, на своих искривленных, похожих на старые пни ногах. Сразу за ним шел еще один старый соляник — почти такой же старый, как Люка, — с чахлыми белыми усами, седыми космами до плеч и зловещим прищуром. Хотя, возможно, он просто страдал близорукостью. В списке имен он значился как Бобби Фрейн.

— Не торопитесь, идите медленно, — сказал я. — Пусть парнишка хорошенько на вас посмотрит.

И они пошли. Билл Стритер тревожно и напряженно вглядывался в лицо каждого, кто проходил мимо камеры.

— Доброго вечерочка, малыш, — поздоровался с ним Люка. Бобби Фрейн приложил палец к полям не-

видимой шляпы. Один из младших солянщиков — согласно списку, Джейк Марш — показал Билли язык, желтый от дешевого табака. Остальные просто прошаркали мимо. Двое или трое шли склонив головы, пока Вегг не рывкнул, чтобы они подняли репы и посмотрели парнишке в глаза.

Во взгляде Билла Стритера ни разу не появилось хотя бы намек на узнавание, только страх и растерянность. А я, хоть и стоял с совершенно непроницаемым лицом, уже начал терять надежду. Шкуроверт вряд ли расколется и как-то проявит себя. Да и с чего бы ему расколаться? Если он разыграет все умно и осторожно, мы никогда не сумеем его распознать, и он скорее всего это знает.

Вот их осталось лишь четверо... вот уже двое... а вот и последний... Тот самый парень, почти мальчишка, который сказал в «Невезухе», что солянщики боятся всего и всегда. Когда он проходил мимо камеры, в лице Билли что-то изменилось, и на мгновение я даже подумал, что дело все-таки сдвинулось с мертвой точки, но потом понял, что Билли просто признал в проходившем если не своего ровесника, то человека, близкого ему по возрасту.

Последним в коридор вышел Вегг. Свою дубинку он оставил в конторе, но зато надел медные кастеты на обе руки. Констебль улыбнулся Билли Стритеру, но эта улыбка была неприятной.

— Ну что, малец, не видишь товара, которого захочется прикупить? Мне жаль, конечно, но я не сказал бы, что это меня удивля...

— Стрелок! — обратился ко мне Билли. — Сэй Дискейн!

— Да, Билли. — Я оттеснил Вегга плечом и встал перед камерой.

Билли облизнул губы.

— Пусть они пройдут еще раз, если можно. Только на этот раз пусть приподнимут штанины. А то я кольца не вижу.

— Билли, кольца у всех одинаковые.

— Нет, — возразил он. — Не у всех.

Ветер снаружи слегка поутих, и шериф Пиви слышал, что сказал мальчик.

— Друзья мои, поворачиваем и шагаем обратно. Только теперь поднимаем штанины.

— А может, хватит уже? — пробурчал человек с часами на руке. Согласно списку имен, Олли Анг. — Нам обещали налить. По *большой* порции.

— Ты чего, милый? — прищурился Вегг. — Тебе ж все равно возвращаться взад той же дорогой. С тебя что, убудет — штаны закатать?

Солянички недовольно заворчали, но все же пошли назад к дверям конторы — теперь в обратном порядке, от младших к старшим, — приподняв штанины. Для меня татуировки у них на ногах были вполне одинаковыми. И для Билли, наверное, тоже. То есть мне так казалось. Но потом я увидел, как он широко раскрыл глаза и отступил еще на шаг от прутьев решетки. Однако он ничего не сказал.

— Шериф, придержите их здесь на минуточку, — попросил я.

Пиви прошел вперед и встал перед дверью в контору, загораживая проход. Я подошел к самой решетке и спросил вполголоса:

— Билли? Ты что-то увидел?

— Пятно, — сказал он. — Белое пятно. Это тот, у кого разорвано кольцо.

Я сначала не понял... а потом до меня дошло. Я сразу вспомнил о том, сколько раз Корт называл меня

дуболомом от бровей и выше. Он называл так не только меня и никогда не стеснялся в выражениях, когда ругал непутевых учеников — ну конечно, ведь это была его работа, — но теперь, стоя в коридоре Дебарийской тюрьмы под вой самума, бушующего снаружи, я подумал, что в случае со мной Корт был прав. Я действительно *дуболом*. Буквально пару минут назад я подумал, что если бы в глубинах сознания Билли остались еще какие-то воспоминания, кроме татуировки, я бы их выудил, когда мальчик был под гипнозом. И только теперь до меня дошло, что я-то их *выудил*. Еще тогда.

Есть еще что-нибудь? — спросил я у Билли, уже уверенный, что ничего больше нет, и просто желая скорее вывести мальчика из транса, который так очевидно его огорчал. И когда он сказал: *Белая метка*, — но неуверенно, как будто спрашивал сам себя, глупый Роланд не обратил на это внимания.

Солянщики начали проявлять нетерпение. Олли Анг, человек с ржавыми часами на руке, высказался в том смысле, что они сделали, как им сказали, и теперь ему хочется вернуться в «Невезуху», получить обещанную выпивку и забрать свои сапоги.

— Который из них? — спросил я у Билли.

Он наклонился вперед и шепнул.

Я кивнул и повернулся к солянщикам, сгрудившимся у двери в контору. Джейми внимательно наблюдал за ними, держа руки на рукоятках револьверов. Хотя я и следил за своим лицом, видимо, что-то на нем все-таки отразилось, потому что солянщики разом притихли, прекратили ворчать и возмущаться и уставились на меня. Был слышен только вой ветра и шершавый шелест соляной пыли, бьющейся о стены здания.

Я много думал о том, что случилось потом, и пришел к мысли, что мы все равно не смогли бы это предотвратить. Мы не знали, насколько быстро происходит превращение; и Ванней, наверное, тоже не знал, иначе он бы нас предупредил. Даже отец сказал мне то же самое, когда я закончил доклад и стоял — под суровым и хмурым взглядом всех этих книг у него в кабинете — в ожидании, какую оценку он даст моим действиям в Дебарии. Не как мой отец, а как мой дин.

Я до сих пор благодарен судьбе за одну вещь. Я чуть было не сказал Пиви, чтобы он вывел вперед человека, которого мне называл Билли, но потом передумал. Не потому, что Пиви когда-то помог моему отцу, а потому, что Малая Дебария и соляные дома не входили в зону его ответственности.

— Вегг, — сказал я. — Олли Анга ко мне, пожалуйста.

— Это который?

— С часами на руке.

— Эй, полегче! — воскликнул Олли Анг, когда Вегг взял его за плечо. Для шахтера Анг был худощавым и даже хрупким, но на руках у него бугрились мышцы, и такие же крепкие мышцы угадывались под холщовой рабочей рубахой. — Я ничего не сделал! Ваш малец просто выделяется, ткнул в меня наугад, а мне теперь, значит, страдать. Это несправедливо!

— Закрой пасть, — сказал Вегг и вытащил его вперед.

— Подними-ка еще раз штанины, — велел я Ангу.

— Да драл я тебя во все дыры! И кобылу твою заодно!

— Давай поднимай. Или я сам подниму.

Он выставил руки перед собой и сжал кулаки.

— Только попробуй! Вот только попр...

Джейми зашел ему за спину, достал револьвер, легонько подбросил его в воздух, поймал за ствол и ударил Анга по голове рукояткой. Удар был рассчитан умело: Анг не лишился чувств, но уронил руки, и Вегт подхватил его под мышки, когда у него подогнулись колени. Я наклонился, задрал правую штанину его комбинезона, и мы все увидели синюю татуировку Бильеской тюрьмы, разрезанную — *разорванную*, как сказал Билли Стритер — широким белым шрамом, идущим до самого колена.

— Вот что я видел, — выдохнул Билли. — Вот что я видел, когда прятался под кучей упряжи.

— Он все выдумывает, — сказал Анг. Вид у него был ошалелый, речь звучала невнятно. Тоненькая струйка крови бежала по шее, вытекая из крошечной ранки, оставшейся после удара Джейми.

Но я знал, что Билли ничего не выдумывает. Он сказал мне про белую метку задолго до того, как увидел шрам на ноге Олли Анга. Я уже открыл рот, собираясь сказать Веггу, чтобы тот отвел Анга в камеру, но тут вперед вырвался Стег Люка. В его взгляде читалось запоздалое понимание. И не только оно. Взгляд старика пылал яростью.

Прежде чем я, Джейми или Вегт успели вмешаться, Люка схватил Анга за плечи, толкнул назад и прижал спиной к решетке камеры напротив той, где был Билли.

— *Я должен был догадаться!* — закричал Люка. — *Уже давно должен был догадаться! Сволочь ты оборотная! Убийца, гад!* — Он схватил руку Анга, на которой были часы. — *Откуда они у тебя? Откуда, если не из той трещины с зеленым светом?! Скотина, обманщик, убийца!*

Люка плюнул Ангу в лицо и повернулся к нам с Джейми, все еще держа руку Анга и демонстрируя старые ржавые часы.

— Он сказал, что нашел их в какой-то яме, неподалеку от старых залежей. Сказал, что это, наверное, остатки добычи шайки Ворона. И мы поверили как дураки! Даже сами ходили туда в выходные. Думали, может, еще что найдем!

Он опять повернулся к оглушенному Олли Ангу. То есть это мы думали, что он оглушен, но кто его знает, что там творилось в его голове?

— А ты небось потешался над нами, когда мы там рылись. Да, ты их в яме нашел, только яма была не у старых залежей. Ты лазил в ту трещину! В зеленый свет! Это был ты! Это был ты! Это ты...

Анг искривился от подбородка и выше. Не скривился, не скорчил гримасу — вся его голова *искривилась* и перекрутилась, как кусок мокрой ткани, которую выжимают невидимые руки. Глаза поползли вверх и сменили цвет с голубого на угольно-черный. Один глаз поднялся выше другого и расположился почти над ним. Кожа стремительно побелела, а потом стала зеленой, пошла буграми, словно ее выдавливали изнутри кулаками, и покрылась жесткой чешуей. Одежда попадала с тела, которое уже не было человеческим. Перед нами был зверь. Но не медведь, не волк и не лев. К такому мы были готовы. Возможно, мы были готовы даже к тому, что он обратится в гигантского аллигатора, то есть примет тот облик, в котором напал на несчастную Фортуну у Ясной обители. Хотя теперешний его облик был ближе всего именно к аллигатору.

У нас на глазах, буквально за три секунды, Олли Анг превратился в огромную змею. В живоглота.

Люка, все еще державший руку, которая стремительно втягивалась в зеленое гибкое тело, пронзительно закричал. Но крик оборвался, когда змея (на ее удлиняющейся голове еще оставался всклокоченный венчик человеческих волос) втиснулась прямо в открытый рот старика. Раздался влажный хруст — это нижняя челюсть Люки отломилась от верхней. Тонкая морщинистая шея старого солящика раздулась и сделалась гладкой, когда эта зеленая тварь — которая все еще изменялась, все еще стояла на стремительно уменьшавшихся человеческих ногах — ввинтилась ему в глотку, словно бурав.

Остальные солящики завопили от ужаса и сбились в тесную кучу у двери в контору. Я не обращал на них внимания. Я видел, как Джейми обхватил обеими руками зеленое туловище — оно продолжало расти и раздуваться — в безуспешной попытке оторвать змею от умирающего Стега Люки. Гигантская голова проломила затылок старого солящика и высунулась наружу: тонкий красный язык дрожит, чешуя испачкана кровью и кусочками плоти.

Вегг попытался ударить ее кастетом. Змея без труда уклонилась и тут же сделала выпад вперед, распахнув пасть с четырьмя громадными клыками — два сверху, два снизу, — сочившимися прозрачной жидкостью. Клыки вонзились в предплечье Вегга, и тот закричал:

— Оно жжется! Боги мои, оно ЖЖЕТСЯ!

Змея еще крепче сомкнула челюсти на руке констебля. Тот кричал и отбивался. Люка, нанизанный на змеиное тело, казалось, плясал какой-то бешеный танец. Брызги крови и сгустки плоти летели во все стороны.

Джейми смотрел на меня совершенно дикими глазами. Он держал револьверы в руках, но куда было стрелять? Живоглот извивался между двумя умирающими людьми. Его хвост (теперь это был только хвост, ноги исчезли) выпутался из кучи упавшей одежды и обвился вокруг пояса Люки тугими, плотными кольцами. Верхняя часть поползла наружу сквозь расширяющуюся дыру в затылке Люки.

Я шагнул вперед, схватил Вега за шиворот и рванул на себя. Его рука уже почернела и раздулась так, что сделалась вдвое больше нормальных размеров. Вегг смотрел на меня выпученными глазами, которые, казалось, вот-вот выкатятся из глазниц. С его губ капала белая пена.

Где-то истошно кричал Билли Стритер.

Я все-таки оторвал Вега от живоглота.

— Жжется, — проговорил Вегг слабым голосом, а потом уже больше не мог ничего говорить. Его горло распухло, язык вывалился изо рта. Констебль упал и забился в предсмертных конвульсиях. Змея уставилась на меня, ее длинный раздвоенный язык то вырывался из пасти, то убирался внутрь. В черных змеиных глазах светилось человеческое понимание. Я поднял револьвер, заряженный особым патроном. У меня была только одна серебряная пуля, а змеиная голова резко дергалась из стороны в сторону, но я ни на миг не усомнился в том, что смогу выстрелить точно в цель: таково мое предназначение — всегда попадать точно в цель. Змея сделала стремительный выпад вперед, сверкая клыками, и я нажал спусковой крючок. Выстрел был точным, серебряная пуля вошла прямо в разверстую пасть. Змеиная голова взорвалась алыми брызгами, которые начали белеть еще до того, как огромное

гибкое тело обрушилось на пол. Я видел подобную белую рыхлую массу и раньше. Это были мозги. *Человеческие* мозги.

Буквально через секунду на меня уже смотрело развороченное пулей лицо Олли Анга — оно выглядывало из рваной дыры в голове Стега Люки, человеческое лицо на змеином теле. Между зелеными чешуйками на этом теле начали прорастать клочья густой черной шерсти. Сила, умиравшая внутри, теряла контроль над обличьями, которые создавала.

За миг до падения единственный голубой глаз сделался желтым, превратившись в глаз волка. А потом шкуроверт упал, увлекая за собой несчастного Стега Люку. Тело умирающего оборотня сотрясало в конвульсиях, искривлялось и как будто мерцало, непрерывно меняясь. Было слышно, как трещат мышцы и скрежешут, сдвигаясь, кости. Из тела выросла голая человеческая нога, превратилась в мохнатую лапу, потом — снова в ногу. И вот Олли Анг дернулся в последний раз и затих.

Мальчик все еще кричал.

— Ты ляг на матрас, — сказал я ему не то чтобы дрожащим, но все же нетвердым голосом. — Закрой глаза и скажи себе, что все закончилось. Потому что оно закончилось.

— Я хочу с вами, — всхлипнул Билли, ложась на матрас. Его щеки были усеяны мелкими каплями крови. Я сам был весь в крови, но мальчик этого не видел. Он уже закрыл глаза. — Хочу, чтобы вы были рядом! Пожалуйста, сэй! Я вас очень прошу!

— Я приду к тебе сразу, как только смогу, — пообещал я.

И сдержал слово.

* * *

В ту ночь мы легли спать втроем на сдвинутых матрасах в общей камере Дебарийской тюрьмы: Джейми — слева, я — справа, а Маленький Билл Стритер — посередине. Самум начал стихать, и мы допоздна слышали крики ликующих дебарийцев, закативших большие гулянья по случаю избавления от шкуроверта.

— А что теперь будет со мной, сэй? — спросил Билли, уже засыпая.

— С тобой все будет хорошо. — Я очень надеялся, что Эверлина из Ясной обители не опровергнет мои слова.

— Он умер? Он правда умер, сэй Дискейн?

— Правда.

Но тут я хотел убедиться наверняка. После полуночи, когда буря стихла, а Билли Стритер заснул так крепко, что его не могли потревожить никакие кошмарные сны, мы с Джейми и шерифом Пиви вышли на пустырь за зданием тюрьмы. Там мы облили тело Олли Анга керосином. Прежде чем зажечь спичку, я спросил Джейми и Пиви, не хочет ли кто-то из них забрать в качестве сувенира наручные часы Анга. Каким-то чудом они уцелели в борьбе, и секундная стрелка до сих пор вертелась.

Джейми покачал головой.

— Мне не надо, — сказал Пиви. — Они, наверное, заколдованные. Давай, Роланд. Если мне позволено так к тебе обращаться.

— Я буду рад, — ответил я, зажег спичку и бросил ее на облитое керосином тело. Мы смотрели, как оно горело, пока от дебарийского шкуроверта не осталась лишь куча обуглившихся костей. Часы превратились в оплавленный ком среди пепла.

Наутро мы с Джейми подрядили команду рабочих — и те проявили большую охоту — поставить обратно на рельсы «свисток на колесах». Они прибыли на место и управились за два часа. Машинист Тревис руководил операцией, а я стал лучшим другом рабочих, когда сказал, что уже договорился, чтобы сегодня днем их всех накормили бесплатным обедом в кафе Рейси, а вечером угостили бесплатной выпивкой в «Невезухе».

Вечером в городе намечался большой праздник, и нас с Джейми пригласили в качестве почетных гостей. Я бы вполне обошелся без этого (мне хотелось скорее вернуться домой, и, как правило, я вообще не люблю шумные сборища), но посещение подобных мероприятий — это тоже часть нашей работы. Одно хорошо: там будут женщины, и среди них наверняка немало хорошеньких. Против такого я не возражал, и Джейми, думаю, тоже. В том, что касается женщин, ему предстояло еще многому научиться, и Дебария была вполне подходящим — не хуже любого другого — местом, чтобы начать обучение.

Мы с ним наблюдали, как «свисток на колесах» пыхнул клубами дыма и чуть проехал вперед по рельсам в правильном направлении: в сторону Гилеада.

— Мы заглянем в Ясную обитель на обратном пути в город? — спросил Джейми. — Спросим, возьмут ли они парнишку?

— Да. И настоятельница говорила, что у нее для меня кое-что есть.

— Ты знаешь, что именно?

Я покачал головой.

Эверлина, эта женщина-гора, выбежала нам навстречу с распростертыми объятиями. Увидев, как она

мчится на нас через двор Ясной обители, я едва удержался, чтобы не броситься наутек; наверное, похожие ощущения мог бы испытывать человек, стоящий на пути большой вагонетки из тех, что когда-то использовались на нефтяных полях Каны.

Но все обошлось. Вместо того чтобы нас задавить, настоятельница заключила нас в крепкие пышногрудые объятия. От нее пахло очень приятно: смесью корицы, тимьяна и свежее выпеченной сдобы. Эверлина чмокнула Джейми в щеку — и тот покраснел. Меня она поцеловала в губы. На миг нас окутал шелестящий вихрь ее развевающихся одежд, и мы погрузились в прохладную тень ее широкого шелкового капюшона, потом она чуть отстранилась. Ее лицо сияло.

— Вы сослужили этому городу добрую службу! Мы все говорим вам спасибо!

Я улыбнулся:

— Сэй Эверлина, вы очень добры.

— Даже не знаю, как вас отблагодарить. Вы ведь останетесь у нас на обед? И выпьете с нами медового вина, но только немножко. Сегодня вечером вам еще предстоит возлияния, в этом я не сомневаюсь. — Она лукаво взглянула на Джейми. — Только вы там осторожнее. Не увлекайтесь. Слишком много вина — и мужчина потом ни на что не способен, а если даже способен, то наутро не помнит того, что, возможно, хотел бы запомнить. — Она на мгновение умолкла и улыбнулась знающей, хитроватой улыбкой, которая странно смотрелась в сочетании с ее монастырскими одеждами. — А может быть... и не хотел бы.

Джейми покраснел еще гуще, но ничего не сказал.

— Мы видели, как вы подъезжали, — сказала Эверлина. — И тут есть еще один человек, который хочет вас поблагодарить.

Она отошла в сторону, и оказалось, что у нее за спиной стоит миниатюрная сестра Фортуна. Половина ее лица по-прежнему была забинтована, но сегодня она уже не казалась такой несчастной, как в прошлый раз. А та половина лица, которая была видна, сияла радостью и облегчением. Сестра Фортуна робко вышла вперед.

— Теперь я опять могу спать. И бывает, мне даже не снятся кошмары.

Она приподняла подол своего серого платья и — к моему величайшему смущению — встала перед нами на колени.

— Сестра Фортуна, в миру Энни Клэй, говорит вам спасибо. Мы все говорим вам спасибо, но моя благодарность, она особая.

Я бережно взял ее за плечи и помог подняться.

— Встань, добрая женщина. Тебе не надо преклонять перед нами колена.

Она посмотрела на меня сияющими глазами, быстро поцеловала в щеку той стороной рта, которая еще могла целовать, а потом убежала обратно в ту часть *гаси*, где, как я понимаю, располагалась кухня. Оттуда уже потянуло восхитительными ароматами.

Эверлина проводила ее нежным взглядом, потом повернулась обратно ко мне.

— Есть один мальчик... — начал я.

Она кивнула.

— Билл Стритер. Я знаю его историю и его имя. Мы не ходим в город, но иногда город приходит к нам. Дружественные птички приносят нам новости на хвосте, если ты понимаешь, о чем я.

— Хорошо понимаю.

— Привози его утром, когда ваши головы перестанут гудеть, — сказала она. — Компания у нас чисто

женская, но мы с радостью примем осиротевшего мальчика... по крайней мере до тех пор, пока у него над губой не начнут пробиваться усы. После этого женщины начинают тревожить и волновать мальчиков, и оставаться здесь дальше ему не стоит. Для него это будет нехорошо. А тем временем мы научим его читать и писать... то есть если он мальчик смысленный и может учиться. Что ты мне скажешь, Роланд, сын Габриэль? Этот Билл Стритер — смысленный мальчик?

Мне было странно, что меня называют по роду матери, а не отца. Странно и в то же время приятно.

— Скажу, что он очень смысленный.

— Вот и славно. А когда ему придет время уйти, мы найдем ему дом и ремесло.

— Дом, ремесло и свое место в мире, — сказал я.

Эверлина рассмеялась.

— Да, именно так. Как в сказке о Тиме Храброе Сердце. А сейчас мы разделим трапезу. И выпьем медового вина в честь отваги и доблести юных стрелков.

Мы ели, мы пили, и за столом, в общем и целом, царило веселое оживление. Когда трапеза завершилась и сестры принялись убирать посуду, настоятельница Эверлина отвела меня в свои покои, состоявшие из крошечной спальни и просторного кабинета, где на огромном дубовом столе среди высоких стопок бумаг спала кошка, расположившись в пятне солнечного света.

— Не многие из мужчин заходили сюда, Роланд, — сказала Эверлина. — Одного из них ты наверняка знаешь. Человек с бледным лицом, который всегда ходит в черном. Ты понимаешь, о ком я?

— Мартен Броудклок, — сказал я. Вкусный обед у меня в желудке вдруг сделался кислым от ненависти.

И наверное, от ревности... причем не только из-за отца, чью голову Габриэль из рода Артена украсила рогами. — Он с ней виделся?

— Он требовал, чтобы его проводили к ней, но я отказала и попросила уйти. Сначала он не хотел уходить, но я показала ему свой нож и сказала, что в Ясной обители есть и другое оружие. И даже один револьвер. И наши женщины знают, как с ним обращаться. Я напомнила этому человеку, что он находится в глубине *гаси*, и до ворот далеко, и если он не умеет летать, то ему надо бы поостеречься. И поспешить к выходу. Он ушел, но перед этим проклял меня. И всю нашу обитель. — Эверлина умолкла на миг, погладила кошку, потом повернулась ко мне. — Одно время я думала, что шкурверт — это, возможно, его работа.

— Я так не думаю.

— Я теперь тоже. Но мы уже никогда не узнаем наверняка, правда? — Кошка попыталась залезть на колени Эверлины, но та ее шуганула. — Однако в одном я уверена: он все же смог с ней переговорить. То ли ночью забрался в окно ее спальни, то ли проник в ее беспокойные сны — этого тоже никто никогда не узнает. Эту тайну она унесла с собой в пустошь, бедняжка.

На это я ничего не сказал. Когда ты потрясен или подавлен, лучше не говорить вообще ничего, ибо когда ты в таком состоянии, каждое слово будет неправильным.

— Вскоре после появления здесь этого Броудклока твоя мама покинула нашу обитель. Сказала, что ей нужно многое сделать и многое искупить. Сказала, что когда-нибудь сюда, к нам, придет ее сын. Я спросила, откуда она это знает, и она сказала: «Потому что ка —

колесо, и оно неизменно вращается». Она оставила для тебя это.

Эверлина открыла один из многочисленных ящиков стола и достала конверт. На конверте было написано мое имя — почерком, который я хорошо знал. Лучше меня этот почерк знал только один человек, мой отец. Это была та же самая рука, что листала страницы старинной книги со сказками. С «Ветром сквозь замочную скважину» и многими другими. Я любил все сказки из книги, которую перелистывала эта рука. Но гораздо сильнее я любил саму руку. И мамин голос, который рассказывал мне сказку, пока за окнами завывал ветер. Это было давным-давно, еще до того, как Габриэль из рода Артена сбилась с пути и впала в трагическое распутство, которое подставило ее под пулю из револьвера в другой руке. Из моего револьвера, в моей руке.

Эверлина поднялась и разгладила свой огромный передник.

— Мне нужно идти. Проверить, как идут дела в моем маленьком царстве. Я прощаюсь с тобой, Роланд, сын Габриэль, и прошу лишь об одном. Когда будешь уходить, захлопни дверь. Замок закроется сам.

— Вы мне доверяете свой кабинет? — спросил я.

Она рассмеялась, подошла ко мне и снова поцеловала.

— Стрелок, я бы доверила тебе свою жизнь, — сказала она и пошла к двери.

Эверлина была такая высокая, что ей пришлось пригнуться, когда она выходила из кабинета.

Я очень долго сидел, глядя на конверт с последним посланием Габриэль Дискейн. Мое сердце наполнилось ненавистью, любовью и сожалением — с тех пор эти

три чувства преследуют меня неотступно. Я даже подумал, а не сжечь ли письмо, не читая, но все-таки вскрыл конверт. Внутри лежал всего один листок бумаги. Строчки были неровными, во многих местах расплывались чернильные кляксы. Думаю, женщина, писавшая эти строки, из последних сил боролась за то, чтобы удержаться на грани рассудка. Не уверен, что многие смогли бы понять смысл написанного, но я понял. И отец тоже понял бы, наверняка. Но я никогда не показывал ему это письмо и вообще о нем не говорил.

*Еда на пиру, что я ела, была гнилой
то, что мне представлялось дворцом, оказалось тюрьмой
это так больно, Роланд
оно жжет, как огнем*

Я подумал о Вегге, умиравшем от змеиного укуса.

*Если я вернусь и расскажу, что узнала
что случайно подслушала
может быть, Гилеад еще можно спасти
хотя бы на несколько лет
и тебя еще можно спасти
и твоего отца, который так мало меня любил*

Слова «который так мало меня любил» были зачеркнуты несколькими жирными линиями, но я все равно сумел их прочесть.

*он говорит, я не посмею
говорит: «Оставайся в обители, пока смерть
не придет за тобой»
он говорит: «Если вернешься, смерть найдет тебя
раньше»*

*он говорит: «Твоя смерть уничтожит того,
кого единственного ты любишь»
он говорит: «Ты хочешь пасть от руки своего сопляка,
зная*

*что все хорошее
доброе
любящее*

*вытечет из него, как вода из ковша?
за Гилеад, которому на тебя наплевать
и ты все равно согласна умереть?»*

*Но я должна вернуться. Я много молилась
и много думала
и голос, который я слышу, всегда говорит
те же самые слова:*

ТАКОВА ВОЛЯ КА

Там было еще несколько слов, которые я перечитывал вновь и вновь за долгие годы странствий, что последовали за той роковой битвой на Иерихонском холме и падением Гилеада. Я перечитывал эти слова, пока бумага не рассыпалась в пыль и я не дал ветру ее унести — тому самому ветру, что дует сквозь замочную скважину времени. В конечном итоге ветер уносит все. И почему нет? Разве должно быть иначе? Не будь радость жизни такой быстротечной, она не была бы радостью.

Я оставался в кабинете Эверлины до тех пор, пока не взял себя в руки. Потом убрал письмо матери — ее последние слова — в кошелек, вышел в коридор, убедился, что дверь кабинета закрылась на замок. Потом я нашел Джейми, и мы поехали в город. В ту ночь в Дебарии было много огней, музыки и плясок, много вкусной еды и еще больше пьянящих напитков. Были и женщины, да. И в ту ночь Джейми Молчун расстался с девственностью. А следующим утром...

**БУРЯ
ЗАКОНЧИЛАСЬ**

— В ту ночь, — сказал Роланд, — в Дебарии было много огней, музыки и плясок, много вкусной еды и еще больше пьянящих напитков.

— Да-да, выпивка. — Эдди театрально вздохнул. — Я помню, что это такое.

Это были первые слова, которые кто-то из слушателей произнес за очень долгое время, и они разрушили чары, помогавшие путешественникам продержаться всю эту долгую штормовую ночь. Они встрепенулись, заерзали на местах, как люди, пробудившиеся после крепкого сна. Все, кроме Ыша, который лежал на спине перед камином, растопырив короткие лапки. Его язычок смешно свисал изо рта.

Роланд кивнул.

— Были и женщины, да. И в ту ночь Джейми Молчун расстался с девственностью. А следующим утром мы сели в поезд и поехали домой, в Гилеад. Вот так оно все и было, давным-давно, в незапамятные времена.

— Когда дед моего деда еще не родился на свет, — тихо проговорил Джейк.

— Об этом мне ничего не известно. — Роланд слегка улыбнулся, а потом открыл фляжку и сделал большой глоток воды. У него в горле совсем пересохло.

Пару минут они сидели молча, а потом Эдди сказал:

— Спасибо, Роланд. Это было клево.

Стрелок приподнял бровь.

— Он хочет сказать, было здорово, — пояснил Джейк. — Действительно здорово.

— Я вижу свет вокруг досок, которыми мы заложили окна, — сказала Сюзанна. — Совсем-совсем слабый, но все-таки *свет*. Ты проговорил до рассвета, Роланд. Выходит, ты не такой уж угрюмый молчун а-ля Гэри Купер.

— Я не знаю, кто это.

Она взяла его руку и быстро, но крепко пожала.

— И черт с ним, красавчик.

— Ветер чуть поутих, но все равно еще сильный, — заметил Джейк.

— Сейчас мы разожжем в камине большой огонь и ляжем спать, — сказал стрелок. — После полудня на улице будет уже не так холодно, и мы сможем выйти набрать еще дров. А завтра утром...

— Опять в путь-дорогу, — закончил Эдди.

— Именно так, Эдди.

Роланд положил в камин все оставшиеся дрова, подождал, пока они не разгорятся как следует, потом лег и закрыл глаза. Буквально через пару секунд он уже спал.

Эдди обнял Сюзанну, прижал к себе и посмотрел поверх ее плеча на Джейка, который сидел по-турецки перед камином и смотрел на огонь.

— Пора баиньки, юный ковбой.

— Не называй меня так. Ненавижу, когда меня так называют.

— Хорошо, ковбой.

Джейк показал ему средний палец. Эдди улыбнулся и закрыл глаза.

Мальчик завернулся в одеяло. *Мое шадди*, — подумал он и улыбнулся. Снаружи по-прежнему завывал ветер — бестелесный голос. Джейк подумал: *Он — с той стороны замочной скважины. Но откуда он появляется, ветер? Из вечности. От Темной Башни.*

Джейк думал о мальчике, которым Роланд Дискейн был неизвестно сколько лет назад. О мальчике, который лежал у себя в постели, в круглой комнате на вершине каменной башни. Лежа под заботливо подоткнутым одеялом, он слушал, как мама читает ему сказки под свист ветра, веющего над темной землей. Когда Джейк уже засыпал, ему представилось лицо женщины — очень красивое и очень доброе. Мама Джейка никогда не читала ему на ночь. В доме и в мире Джейка этим занималась домоправительница.

Он закрыл глаза и увидел ушастиков-путаников, танцующих на задних лапах в лунном свете.

Он уже спал.

2

Роланд проснулся вскоре после полудня. Ветер уже не свистел, а лишь тихо шуршал. В комнате стало гораздо светлее. Эдди и Джейк еще спали, но Сюзанна проснулась раньше всех, забралась в свою коляску и сняла доски с одного из окон. Сейчас Сюзанна сидела у этого окна и смотрела наружу, подперев подбородок ладонью. Роланд подошел и положил руку ей на плечо. Не оборачиваясь, Сюзанна похлопала его по руке.

— Буря закончилась.

— Да, — сказал Роланд. — Будем надеяться, мы больше не встретим другой такой бури.

— А если и встретим, то будем надеяться, что поблизости будет хорошее укрытие. Такое, как наше сейчас. Потому что вся остальная деревня... — Сюзанна покачала головой.

Роланд слегка наклонился и выглянул в окно. То, что он там увидел, его совершенно не удивило, но Эдди бы точно присвистнул и сказал: *Офигеть*. Вся улица была завалена ветками и стволами упавших деревьев. Домов, стоявших по обе стороны улицы, не было и в помине. Устояло только каменное здание молитвенного дома.

— Нам повезло, правда?

— *Везение* — слово, которые бедные сердцем употребляют вместо *ка*, Сюзанна из Нью-Йорка.

Она долго молчала, обдумывая услышанное. Последние дуновения выдыхавшегося стылового проникали в дом сквозь дыру, где когда-то было окно, и шевелили жесткие темные волосы Сюзанны, как будто их гладила чья-то невидимая рука.

Потом Сюзанна повернулась к Роланду:

— Твоя мама покинула Ясную обитель и вернулась обратно в Гилеад.

— Да.

— Хотя этот урод сказал ей, что она умрет от руки собственного сына?

— Вряд ли он сказал это именно так, но... да.

— Неудивительно, что она была не в себе, когда писала это письмо.

Роланд молча смотрел в окно. Буря разрушила городок до основания. И все-таки они нашли укрытие. Хорошее укрытие от бури.

Сюзанна стиснула его трехпалую руку двумя руками.

— А что было написано в самом конце? Эти слова, которые ты перечитывал вновь и вновь, пока письмо не рассыпалось... Можешь сказать?

Он очень долго не отвечал. Сюзанна уже начала думать, что он ничего ей не скажет. Но стрелок все-таки ответил. При этом голос его дрожал — едва различимо, но все же. Никогда раньше Сюзанна не слышала, чтобы у Роланда дрожал голос.

— Она писала на низком наречии. Но последнюю строчку она написала Высоким Слогом, тщательно выписав каждую букву: *Я прощаю тебя за все. И: Прости и меня, если сможешь.*

Сюзанна почувствовала, как у нее по щеке стекает единственная слезинка, горячая и такая человеческая.

— Ты простил ее, Роланд? Простил?

По-прежнему глядя в окно, Роланд из Гилеада — сын Стивена Дискейна и Габриэль из рода Артена — улыбнулся. Улыбка осветила его лицо, словно первые лучи солнца, встающего над каменистой пустыней. Прежде чем вернуться к своим вещам и заняться приготовлением позднего завтрака для всей компании, Роланд произнес одно слово. Всего одно слово: *да*.

3

Они провели в молитвенном доме еще одну ночь. В ту ночь было много тепла, и участия, и дружеских разговоров, но только не сказок. А следующим утром они собрали свои пожитки и продолжили путь по Тропе Луча — в Калью-Брин-Стерджис, через Пограничье, в Тандерклеп и еще дальше, к Темной Башне. Вот так оно все и было, давным-давно, в незапамятные времена.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В написании Высоким Слогом строки из письма
Габриэль Дискейн сыну выглядели так:

Q KCKQDXY C* XXYE XQDXY QDQ
C* KCKQDXY CX

Самые красивые слова на любом языке — это Q
KCKQDXY: Я прощаю.

Содержание

Предисловие	7
Стыловей	9
Шкуроверт. Часть I.	47
Ветер сквозь замочную скважину	137
Шкуроверт. Часть II	331
Буря закончилась	375
Послесловие	382

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
ВЕТЕР СКВОЗЬ ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ
из цикла «Темная Башня»

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*
Редакторы *С. Тихоненко, К. Егорова*
Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гулзар, д. 21, 1 қурылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.01.2018. Формат 84×108¹/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 713.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Миллионы фанатов цикла «Темная Башня» вопреки словам Стивена Кинга о том, что легендарная сага закончена, ждали ее продолжения. И не напрасно!

История, являющаяся частью цикла, хронологически расположена между четвертым и пятым романами...

Эту историю Роланд Дискейн рассказывает своему недавно собранному второму ка-тету — Сюзанне, Эдди, Джейку и Ышу, — и они узнают о том, что произошло вскоре после гибели матери Роланда.

...Молодой стрелок отправляется расследовать убийства крестьян в далекой провинции — убийства, в которых перепуганные люди в один голос обвиняют таинственного оборотня. А сопровождает его один из членов первого ка-тета Роланда — Джейми Декарри, о котором ранее было известно совсем немного...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-089793-3

9 785170 897933